ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065 3(31) 2019

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:
Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калиниченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:
Абылгазиев И. И. (*Россия*), Акаев А. А. (*Киргизия*), Ань Цинянь (*Китай*), Ближковский П. (*Бельгия*), Вебер А. Б. (*Россия*), Грачев В. А. (*Россия*), Гэй У. (*США*), Гусейнов А. А. (*Россия*), Данилов-Данильян В. И. (*Россия*), Дафферн Т. (*Великобритания*), Иноземцев В. Л. (*Россия*), Камуселла Т. (*Польша*), Киш Э. (*Венгрия*), Коротаев А. В. (*Россия*), Кучуради И. (*Турция*), Лисеев И. К. (*Россия*), Мазур И. И. (*Россия*), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (*Казахстан*), Сергеев М. Ю. (США), Теймури В. (*Иран*), Урсул А. Д. (*Россия*), Хасбулатов Р. И. (*Россия*).

Адрес редакции:
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, к. 205, Президиум РФО.
Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:
400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru
DOI: 10.30884/vglob/2019.03.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Гринин Л. Е. Взгляд в будущее: прогнозы на XXI столетие 3

Чун-ин Чэн. Моральное осмысление глобального кризиса: изучение гармонии и этики как решение 25

Панфилова Т. В. Глобализация в свете философии истории: разработки К. Маркса и современные проблемы 42

Ковалев Ю. А. О так называемом конфликте христианской и исламской цивилизаций 52

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Леонова О. Г. Глобальные политические вызовы современности 61

Крылова И. А. Проблема информационной безопасности в век глобализации 73

Бабушок Н. О. Глобальные и локальные аспекты глобализации культуры 80

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Мазур И. И. Новая эпоха в освоении и развитии Арктического региона 89

Думнов А. Д., Рыбальский Н. Г. Макропоказатели эффективности природопользования и охрана природной среды 96

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Шестова Т. Л. Античные истоки современного космополитизма 108

Фу Сюйань, Чжоу Хун. Традиции китайской экологической культуры и воспитание экогражданства 123

Розанов А. С., Широков А. В., Баранова А. Е., Ильичева Л. Е., Папшева А. В. Особенности развития иранского фактора во внешней политике США 130

Contents 135

ТЕОРИЯ

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ: ПРОГНОЗЫ НА XXI СТОЛЕТИЕ*

Гринин Л. Е.**

В настоящей статье в систематическом виде даются некоторые прогнозы технологического, политического, а также социально-экономического развития мира. Представлены краткосрочные (10–15 лет), среднесрочные (20–50 лет) и долгосрочные (50–100 лет) прогнозы, которые опираются на теории длинных циклов и соответствующих им технологических укладов, а также на теории принципов производства и производственных революций.

Ключевые слова: *прогнозы, краткосрочные прогнозы, среднесрочные прогнозы, долгосрочные прогнозы, мировой порядок, самоуправляемые системы, кибернетическая революция, глобальное старение, социальные самоуправляемые системы.*

In the present article some forecasts of technological, political, as well as social and economic development of the world are presented in a systematic manner. The author presents short-term (10–15 years), medium-term (20–50 years) and long-term (50–100 years) forecasts which are based on the theories of long cycles and related technological modes, as well as on the theories of production principles and production revolutions.

Keywords: *forecasts, short-term forecasts, medium-term forecasts, long-term forecasts, world order, self-regulating systems, the Cybernetic revolution, global ageing, social self-regulating systems.*

Журнал «Век глобализации» уделяет значительное внимание прогнозам развития мира и России [см., например: Чумаков 2017; 2018; Спиридонова 2018 и др.]. Мы также публиковали статьи, связанные с различными прогнозами [Гринин 2009; 2015б; 2016в; см. также: Его же 2012б; 2013б; 2015а; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б; 2018; Grinin L., Grinin A. 2016a; Grinin, Ilyin, Andreev 2016; Grinin *et al.* 2017a; Grinin, Korotayev 2015 и др.].

Настоящая статья является продолжением этой работы. В ней мы дадим некоторые прогнозы технологического, политического, а также социально-экономического развития мира: краткосрочные (10–15 лет), среднесрочные (20–50 лет) и долгосрочные (50–100 лет).

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 17-02-00521а-ОГН).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., в. н. с. Института востоковедения РАН, заместитель руководителя Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования. E-mail: lgrinin@mail.ru.

Методологическая база прогнозирования технологического развития основана на теории длинных циклов и соответствующих им технологических укладов, с одной стороны, и теории принципов производства и производственных революций, которую мы разрабатываем, – с другой [см., например: Гринин 2006; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б; Grinin L., Grinin A. 2016a; Grinin *et al.* 2017a; 2017b]. Анализируя соотношение длинных циклов (волн) и сверхдлинных циклов производственных революций, мы показали, что эти теории находятся в хорошей корреляции друг с другом [Гринин 2012a; 2013a; 2014; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015a; Grinin L., Grinin A. 2013; 2014; 2016b]. Теория производственных революций представлена в приложении к статье.

1. Краткосрочные прогнозы (10–15 лет)

1.1. В политическом плане это будет турбулентный период. Это означает усиление противоречий, трений, конфликтов, не исключая вооруженных. Данный период мы назвали реконфигурацией Мир-Системы [Гринин 2012б; Гринин, Коротаев 2016a; Гринин и др. 2016; Grinin, Korotayev 2015; Grinin, Korotayev, Tausch 2016]. С точки зрения теории производственных революций это объясняется тем, что на средней (модернизационной) фазе производственной революции происходит мощное распространение и улучшение ведущих инноваций. В настоящий момент мы как раз находимся на этой фазе кибернетической революции (см. рис. 3 в Приложении). Но для новой волны инноваций, для перехода к завершающей фазе этой революции следует выровнять (насколько возможно) уровни развития в Мир-Системе, поскольку для каждого нового технологического пространства требуются простор и все большее количество участников, то есть в будущем для этого необходимо включение не только ядра, но и полупериферии (и части периферии) Мир-Системы. Такое подтягивание периферии к ядру Мир-Системы, названное нами Великой конвергенцией [Grinin, Korotayev 2015], имеет место с конца прошлого века и будет продолжаться далее.

Однако в процессе распространения инноваций и Великой дивергенции налицо отставание политической составляющей от экономической. И на уровне глобализации (и ее теории) мы видим, что экономическая глобализация значительно опередила политическую. Соответственно, для нового технологического рывка нужно подтягивание политической составляющей, что означает некоторое замедление (или даже временный откат) экономической глобализации (что мы и наблюдаем сегодня), различные политические и международные напряжения, поскольку подтягивание политических институтов и надстройки – процесс болезненный. Это и составляет сущность реконфигурации Мир-Системы и подтягивания, это и объясняет предполагаемую турбулентность в ближайшие 10–15 лет. При этом могут возникнуть внезапные (и, на первый взгляд, труднообъяснимые) политические кризисы в самых неожиданных местах Мир-Системы, включая и ее ядро (события во Франции или Великобритании – наглядные примеры). В связи с особенно быстрым экономическим развитием стран третьего мира и с тем, что политическая система во многих из них достаточно архаична или мозаична, возможны серьезные политические потрясения и в этих государствах. Это также будет частью процесса подтягивания политической составляющей к экономической.

В целом в указанный период еще более обострится основное противоречие современной эпохи, которое заключается в борьбе все большей части мирового сообщества с растущим эгоизмом Соединенных Штатов, не желающих признавать общие интересы. И это будет составлять главную интригу современного глобального противоречия [Гринин 2005: 17; 2015б: 13]. Мы, как и многие другие, неоднократно указывали, что США все заметнее теряют свои лидерские функции [см., например: Валлерстайн 2001; Капхен 2004; Тодд 2004; Грей 2008; Мир… 2009; Закария 2009; Гринин 2009; 2015б; 2016а; 2016б]. Мы также отмечали, что в результате этого ослабления в последние годы увеличивается «беспорядок» в мире, причем особенно заметный вклад в него вносят действия самих США [Гринин 2015б: 14]. С приходом к власти Д. Трампа, из-за его стремления изменить многие устоявшиеся отношения, «беспорядка» стало еще больше. Это свидетельствует об обострении указанного противоречия, так как его фронт расширился за счет игнорирования американцами интересов своих союзников. А в связи с весьма вероятным переизбранием Трампа эта политика может продлиться и закрепиться.

В связи со сказанным в этот же период активно продолжится поиск оснований для утверждения нового мирового порядка, но какой-либо системы еще не сложится. Однако, вероятно, усилится процесс ослабления старых объединений (особенно в связи с непрогнозируемой политикой США) и возникновения новых союзов, правда, часто весьма конъюнктурных и краткосрочных. Поэтому данный (и следующий за ним) период мы назвали «эпохой новых коалиций» [Гринин 2012б; 2015а; 2015б; 2016а; 2016б; 2016в; Grinin, Korotayev 2015].

Поиск новых форм и принципов организации – это сложный эволюционный процесс, в рамках которого постепенно выкристаллизовываются наиболее перспективные формы для нового типа отношений и союзов. Рано или поздно на мировой арене все заметнее будет конкуренция между силами, которые станут претендовать на лидерство в мире, и им придется действовать под лозунгами более справедливого мирового устройства и т. п., а в проведении такого рода политики, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неминуемо начнутся перегруппировка сил на мировой и региональных аренах и создание новых блоков, союзов и др. Поскольку многие из этих союзов окажутся весьма неустойчивыми, неизбежен некий естественный отбор принципов и форм, а равно идеологии и иных символических ресурсов этих объединений. Поэтому процесс отбора не сможет завершиться в краткосрочном периоде, а только в среднесрочном.

Для построения новой системы мирового порядка потребуется много проб и ошибок, поэтому в целом впереди нас ждут сложные и неспокойные годы, годы радикальной трансформации баланса сил между разными странами и союзами (этот процесс захватит и часть среднесрочного периода, будет происходить в 2020–2040-е гг. при благоприятном течении дел или даже в 2050-е гг.). В то же время это будет период серьезных перемен, закладывающих базу под структуру будущего мирового порядка.

1.2. В экономической сфере в связи с тем, что мы все еще находимся на понижательной фазе пятого длинного кондратьевского цикла, который должен завершиться переходом в шестой цикл (его повышательную волну) в середине или конце 2020-х гг., можно ожидать, что период вялого развития продолжится еще 5–10 лет, и это дополнительно усилит указанную турбулентность. Затем развитие

перейдет в подъем, но, скорее всего, в первое время незначительный. Уже в ближайшие годы возможен также более или менее серьезный финансово-экономический кризис, признаки приближения которого нарастают, а его ожидания становятся дежурными. Этот кризис, несомненно, окажет влияние на все процессы: ослабление позиций США, поиск новых оснований для нового мирового порядка (особенно экономических), конвергенцию и др.

В принципе текущий среднесрочный цикл существенно затянулся потому, что очень активно используются новые финансовые технологии: количественное смягчение в США, как эстафета, перешло в Европу и Китай (а в Японии имело место постоянно); в целом продолжается политика дешевых (и даже сверхдешевых) денег, происходят сдерживание цен на золото и альтернативные государственным бумагам ценности и, напротив, искусственная «накачка» и поддержка рынка акций. Это современная версия подмеченной нами тенденции: после каждого экономического кризиса происходит либо внедрение новых финансовых технологий, либо модернизация и мощное усиление уже имеющихся [см.: Гринин, Коротаев 2010]. Также в небывалых масштабах продолжается использование старых (но модернизированных) технологий: невиданные объемы внутреннего долга, снижение налогов и всевозможное поощрение экономической активности.

Несмотря на это, проблема дезинфляции, низкой инфляции (и даже дефляции) существует и, полагаем, будет существовать и в ближайшие годы, а экономики США, Японии и, возможно, Европы вряд ли смогут вырваться из порочного круга низких ставок и дешевых денег, что будет способствовать нарастанию в них системного кризиса [см. подробнее: Гринин, Коротаев 2014; Grinin, Korotayev 2017].

1.3. В технологической сфере мы не ожидаем фундаментальных прорывов. И так называемая технологическая пауза (то есть период без сверхпрорывных инноваций), скорее всего, затянется. Как мы уже сказали, согласно нашей теории, для начала нового инновационного рывка необходимо подтягивание, во-первых, политической составляющей мира к экономической, во-вторых, периферии к центру, что потребует изменений в структуре обществ третьего мира и стран с переходной экономикой.

Однако технологический прогресс будет продолжаться. В течение ближайших лет ожидается внедрение и распространение 5G. Также мы будем наблюдать разнообразные учащающиеся признаки грядущей технологической волны, которая будет связана с переходом к самоуправляемым системам. Достижения в робототехнике, о которых постоянно пишут, – один из показателей ее приближения. Таким образом, мы будем ощущать себя в преддверии нового – шестого – технологического уклада и завершающей фазы кибернетической революции (элементы которых сейчас все активнее формируются).

2. Среднесрочные прогнозы

2.1. В политической сфере некоторое время (до конца 2030-х – начала 2040-х гг.) продолжится период турбулентности, но, по нашему мнению, конфронтация уже не будет столь жесткой, как в ближайшие 10–15 лет. Напряженность будет связана с объективным ослаблением США и, очень вероятно, с их стремлением не допустить усиления влияния новых лидеров. Это также будет обусловлено, с одной стороны, появлением новых лидеров, таких как Индия, не-

которые крупные африканские страны (Нигерия, Эфиопия и др.), а также возможных значительных объединений и блоков, которые сложатся к этому времени, а с другой – возможным ослаблением нынешних блоков (например, ЕС, НАФТА, ОПЕК и др.). Не исключены и социально-политические кризисы в крупных развивающихся странах, в частности в Китае и Индии, где для этого имеется множество оснований, так что при ослаблении политических скреп или неудачных реформах ситуация может стать очень серьезной [см. подробнее: Гринин 2013б; Гринин, Коротаев 2016б].

Однако мы полагаем, что эти страны способны справиться с большими потрясениями без катастрофических последствий. Тем не менее в районе 2050–2060-х гг. уже должны сформироваться контуры и принципы нового мирового порядка (либо, при альтернативном варианте, напряженность в Мир-Системе значительно возрастет).

Здесь имеет смысл сделать несколько важных комментариев.

Во-первых, для складывания нового мирового порядка должен существенно измениться баланс сил в мире, ибо более или менее устойчивый порядок всегда держится на балансе сил. Конечно, очень многое зависит от военной мощи стран. Но и она будет постепенно меняться, во всяком случае, военная сила Китая, Индии и других государств может расти. В целом объемы производства и совокупная экономическая и демографическая мощь стран будут все заметнее определять баланс сил в мире и их влияние на формирующийся мировой порядок. Взгляды западного бизнеса (прежде всего ТНК) в условиях численно стагнирующего и стареющего населения собственных стран будут неизбежно обращены на растущие рынки и увеличивающееся количество потребителей в развивающихся государствах. Будет продолжаться перенос разных форм экономической деятельности в эти страны. Вместе с активизацией экономических и финансовых стратегий развивающихся государств это сделает неизбежным изменение баланса сил и правил мирового порядка. Не следует забывать и о том, что в населении развитых стран растет доля выходцев или потомков выходцев из развивающихся государств. К этому времени их будет очень много, а их влияние на общую культурную ситуацию в Европе и США, на политику и связь со странами исхода возрастет, и это может стать дополнительным крупным козырем развивающихся стран.

Словом, баланс сил в мире в течение ближайших трех-четырех десятилетий существенно изменится в пользу стран, считающихся сегодня развивающимися, или их союзов. Рано или поздно начнется движение в сторону общемирового управления (принятия общих согласованных решений). И десятикратное превосходство в численности населения развивающихся стран над развитыми (каковое появится примерно к 2050 г.) будет сложно игнорировать.

Во-вторых, важно понимать, что для выработки нового мирового порядка и моделей развития плюрализм режимов имеет важное эволюционное значение, обеспечивая необходимое разнообразие. Не доказано, что именно демократические принципы являются наилучшими. Напротив, демократия в условиях глобализации может оказаться ущербной и нестабильной. Только конкуренция разных режимов позволит найти оптимальные модели для будущего. Отказ от признания демократии универсальным строем для всех и от навязывания ее любой ценой может стать важной частью создания общего поля интересов и правил. Необхо-

димо будет согласиться с тем, что демократия подходит далеко не для всех случаев (тем более в многонациональных и многоконфессиональных регионах, где не сложились устойчивые нации и государства и сильно влияние религии). Борьба с бедностью, болезнями, высокой смертностью, неграмотностью, вопиющей несправедливостью наряду с экономическим развитием неизбежно приведет к значительному прогрессу в области семейных и иных отношений даже в регионах с сильным влиянием ислама. Для этого демократии не требуется, тем более что уже есть общепринятые декларации, которые ведут к улучшению общественного статуса женщин и детей [подробнее см.: Гринин 2015а; 2016а; 2016б; 2016в; Grinin, Korotayev, Tausch 2016; 2019].

Также будет ощущаться кризис демократии в современном ее виде, что потребует ее модернизации, особенно на наднациональном уровне. Демократия, имея определенные преимущества в национальном масштабе (но далеко не везде и не всегда), может их утратить в рамках наднациональных образований. Например, европейское объединение, прежде казавшееся образцом, в настоящее время таковым уже не выглядит, так как выявились серьезные проблемы. В частности, сверхдемократические процедуры и требование консенсуса создают противоречивость управления де-юре и де-факто (в последнем случае более сильные государства «выкручивают руки» более слабым, но в то же время внешние силы посредством воздействия на этих более слабых могут влиять на ситуацию в рамках всего союза). Поэтому принцип демократии, скорее всего, будет лишь частью (и не всегда ведущей) механизма создания такого рода органов [подробнее см.: Там же].

Отказ от демократии как ведущей формы наднационального управления требует каких-либо новых форм. Одно из наших предположений – рост роли экспертов и международных экспертных органов. Уже сейчас де-факто их возросшая роль порой очень велика, например, в деятельности рейтинговых агентств. Поэтому не исключена трансформация движения в сторону чего-либо вроде экспертократии (подобно тому как повысилась роль управляющих корпораций в 1920–1930-е гг. [Burnham 1941]). Соответственно, могут возникнуть и формальные органы экспертов, которые начнут играть политическую роль, например, если выдвижение экспертов на основании их профессиональных заслуг станет прерогативой национальных академий или иных научных и специальных учреждений (собраний) либо результатом публичного избрания из числа предварительно отобранных профессиональными сообществами специалистов. Смысл таких собраний экспертов – в проведении экспертизы (непосредственной или с помощью соответствующих экспертных организаций) и научного анализа различных актов и решений на предмет их соответствия достижениям науки. Сегодня многие решения принимаются на эмоциональной основе, без расчетов и понимания последствий (те же климатические или энергетические законы; законы, связанные с регулированием медицинского и иного воздействия на организм, воспитанием детей, влиянием на общество разного рода информационных технологий и т. п.). Важно учитывать постоянные изменения в развитии науки и технологий, иметь возможность оперативного регулирования этих процессов. При неизбежной ограниченности (и возможной ангажированности) решения экспертов все же будут более взвешенными, отвечающими уровню современного общества. Таким обра-

зом, эксперты станут чем-то вроде еще одной ветви власти, их роль возрастет, а положение экспертных организаций отдаленно будет напоминать позиции цехов и гильдий позднего Средневековья.

Эксперты в отличие от политиков имеют другую природу авторитета, поэтому могут действовать без оглядки на избирателей и общество и, кроме того, транснациональны. Эксперты разных наций (если они объединены единым профессиональным этосом) нередко ближе друг к другу, чем к представителям своей нации, не имеющим образования [Гринин 2015а; 2016а; 2016б, 2016в; Grinin, Korotayev, Tausch 2016; 2019].

Усиливающееся глобальное старение может существенно по-новому поделить Мир-Систему, в частности, на стареющий Север и более молодой Юг, что, несомненно, с одной стороны, укрепит связи в мире, поскольку обе части будут нуждаться друг в друге, с другой – может усложнить взаимоотношения, особенно если будут попытки каким-либо образом связать пенсионные фонды развитых стран (в их число уже войдут Китай и некоторые другие растущие экономики) и наем рабочей силы путем удаленного доступа в более молодых обществах [см. об этом симбиозе: Гринин, Коротаев 2015; Grinin, Korotayev 2016a; 2016b].

2.2. В технологической сфере произойдут весьма значительные перемены, связанные с переходом к шестому укладу и завершающей фазе кибернетической революции.

В настоящее время опубликовано много работ, посвященных прогнозам развития новых технологий. Большинство исследований связано с анализом развития отдельных крупных направлений, таких как нано-, био- или информационные технологии [см., например: Venkatesh *et al.* 2003], а также новых направлений, таких как наномедицина, клонирование, нанороботы и др. Работы, опирающиеся на крупные теоретические концепции, составляют среди них, к сожалению, не слишком значительную часть [см., например: Фукуяма 2004; Hirooka 2006; Nefiodow L., Nefiodow S. 2014a; 2014b; Перес 2011].

Поскольку каждой новой волне соответствует и новый технологический уклад, справедливо ожидается, что в шестом длинном цикле (который может начаться в середине – конце 2020-х гг. и завершиться в 2060–2070-е гг.) также сформируется новый технологический уклад. О том, какие технологии будут его ядром, однако, ведутся споры.

На базе теории производственных революций в увязке с ритмом кондратьевских волн и технологических укладов нами сделан анализ современной производственной революции, начальная фаза которой (1950–1995 гг.), часто именуемая научно-информационной революцией, идет с 1950-х гг. В настоящий момент мы находимся, как уже было сказано, на средней – модернизационной – фазе этой революции (условно 1995–2030 гг.). Мы прогнозируем, что весьма скоро следует ждать завершающей фазы этой революции (2030-е – 2060/2070-е гг.)[1]. В целом данная революция была названа нами кибернетической, поскольку в ее результате произойдет переход к широкому использованию самоуправляемых систем (то есть систем, которые могут регулировать свою деятельность самостоятельно, отвечая на изменения окружающей среды благодаря соответствующим встроенным

[1] Конечно, не исключается, что начало завершающей фазы кибернетической революции может сдвинуться на 5–10 лет, но в настоящей статье мы не рассматриваем этот вариант.

программам и интеллектуальным компонентам, и действуют при минимальном вмешательстве человека или полном его отсутствии).

Согласно нашим прогнозам, завершающая фаза кибернетической революции сольется с шестой кондратьевской волной в 2030-е гг. И это очень важно для прогнозов, поскольку такое слияние придаст шестому длинному циклу особую силу и размах, которые выразятся и в бурном появлении/внедрении инноваций, и в высоких темпах экономического роста (аналогично тому, как это происходило в четвертом длинном цикле 1950–1980-х гг., когда совпали начальная фаза кибернетической революции и четвертая волна).

Следовательно, шестой технологический уклад будет основываться на технологиях именно завершающей фазы кибернетической революции, так же как первая кондратьевская волна в конце XVIII – первой трети XIX в. базировалась на технологиях промышленной революции, а четвертая волна середины XX в. – на технологиях начальной фазы кибернетической революции (которую часто называют научно-технической или информационной революцией).

Мы предполагаем, что этот период будет характеризоваться прорывом в медицине, аддитивных (3D-принтеры), нано- и биотехнологиях, робототехнике, информационных и когнитивных технологиях. Вместе они сформируют сложную систему саморегулируемого производства. Мы обозначаем этот комплекс как **МАНБРИК-конвергенция**, по первым буквам перечисленных технологий. Соответственно, шестой технологический уклад будет сформирован на базе технологий МАНБРИК [см. подробнее: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; 2015б; Grinin *et al.* 2017a; 2017b][2]. При этом имеет смысл говорить о медицине (речь идет о ее новых областях) как о центральном и интегральном звене нового уклада[3]. Технологический рывок, как мы предполагаем, также начнется в области новых медицинских и смежных с ними технологий. При этом нарастающий процесс глобального старения населения будет одной из важнейших причин разворачивания завершающей фазы кибернетической революции, одним из главных драйверов технологического прогресса.

Этому, в частности, будет способствовать складывающаяся к 2030-м гг. ситуация в экономике, демографии, культуре и т. д., которая будет усиливать потребность в научно-технологическом рывке[4]. К этому времени обострится дефицит

[2] Мы считаем распространенные идеи о том, что основу шестого технологического уклада составят NBIC-технологии (или конвергенции), то есть нано-, био-, информационные и когнитивные технологии [см.: Lynch 2004; Dator 2006], лишь частично справедливыми.

[3] Таким образом, медицина понимается нами в широком смысле слова, поскольку она будет включать (и уже активно включает) для своих целей целый ряд других направлений: использование роботов в хирургии и уходе за больными, информационных технологий для удаленной медицины, нейроинтерфейсов для лечения болезней психики и исследования мозга; генную терапию и инженерию, нанотехнологии для создания искусственного иммунитета и биочипов, которые мониторят организм; новые материалы для выращивания искусственных органов и многое другое, что станет мощной системой экономики.

[4] При этом процесс может быть самоподдерживающимся. Это будет иметь двойной эффект: с одной стороны, качество жизни пожилых может повыситься, с другой – проблема увеличения числа пожилых и старых людей станет только острее. Рост таких реабилитационных технологий, а также технологий предотвращения старения будет вести к увеличению количества пожилых и старых людей. А это создаст в обществе еще большую потребность в том, чтобы ускорить технологическое развитие для повышения работоспособности пожилых людей.

рабочей силы, который в ряде стран, в том числе и в России, уже остро ощущается. Усугубится проблема пенсионных выплат (так как возрастет количество пенсионеров на одного работающего), увеличится бремя социальной и медицинской заботы о престарелых когортах населения. С другой стороны, выравнивание уровней развития периферийных и развитых стран, создание на периферии многочисленного среднего класса, сокращение бедности и неграмотности усилит в этих странах потребность в повышении качества жизни, в заботе о здоровье и т. п. Таким образом, открывается огромный потенциал для развития медицины. Это дополнительно увеличит расходы на нее, возможно, до 20 % ВВП, а вместе с фармакологией и биотехнологиями она и вовсе может стать ведущим сектором экономики[5].

Одновременно будут развиваться и другие направления МАНБРИК (и как самостоятельные, и в связке с медициной или другими направлениями), хотя и неравномерно (например, когнитивные технологии проявят себя существенно позже), но, так или иначе, они начнут мощную экспансию в 2040–2050-е гг. Несомненно, мы увидим прорыв в информационных технологиях, робототехнике, аддитивных технологиях и т. д.

2.3. Социально-экономические проблемы. Одной из важнейших социальных проблем (которые проявятся не только в развитых, но и в целом ряде развивающихся стран, включая Китай) будет проблема обеспечения пожилого населения, прежде всего в отношении пенсий и качественной медицины. Все возрастающее бремя пенсионной и иной нагрузки испытывают уже многие государства. Так, в США социальные и медицинские расходы бюджета являются защищенными статьями и составляют примерно 60 % всех расходов (а поскольку в США имеется большой дефицит бюджета, то это равняется едва ли не трем четвертям реальных доходов бюджета). Из этих 60 % расходов на долю пожилых приходится существенно больше половины. Поскольку число пожилых людей растет (и численность работоспособного населения в пропорции уменьшается), нагрузка становится непосильной. Вынужденное увеличение пенсионного возраста приводит к жестким социальным конфликтам и в любом случае к серьезному недовольству (что мы наблюдаем в России), и, учитывая, что пенсионеры представляют огромный отряд избирателей, делать это во многих случаях самоубийственно для политиков. В любом случае такие возможности временно решить проблему ограничены естественными причинами, так как в основном после 70 лет люди уже не могут работать полноценно. И эти конфликты, по-видимому, будут обостряться, толкая правительства и экономики в сторону поиска увеличения возможностей медицины и фармакологии, чтобы продлить возраст активной жизни пожилых людей. И это, как мы сказали выше, станет мощным стимулом для начала завершающей фазы кибернетической революции и формирования шестого технологического уклада.

Другой важный аспект заключается в том, что быстрый технологический рост связан с социально-экономическими рисками. Новые технологии могут резко сократить потребность в тех или иных профессиях (включая сложные, такие как

[5] Сегодня объем медицинских услуг в мире составляет около 10 % мирового ВВП, но в ряде развитых стран – и выше, в США он доходит до 18 %.

врач) и, в частности, в сфере услуг; также примерно в 2050-е гг. можно ожидать начала достаточно серьезного внедрения самоуправляемых автомобилей, что поставит под угрозу профессии водителя грузовика, таксиста и др. При этом из-за быстрой и радикальной смены технологий станет достаточно трудно прогнозировать потребность в профессиях. Это может создать неустойчивость в области образования и профессионального обучения.

Кроме того, развитие информационных технологий, скорость связи позволят активно нанимать представителей многих профессий по удаленному доступу. Это даст возможность включать в производственный (технологический) процесс несравненно больше людей, чем сегодня (хотя уже в отношении 5G предполагают, что такая скорость и качество позволят проводить удаленные операции по Интернету). Это может в какой-то мере уменьшать дефицит квалифицированных специалистов, но также способствовать существенным изменениям в профессиональной деятельности (понижению уровня оплаты из-за конкуренции, уменьшению потребности в локальных местах в связи с привлечением специалистов по удаленному доступу). Вместе с тем это будет содействовать определенному улучшению уровня жизни в поднимающихся экономиках, поскольку многим специалистам не придется уезжать, чтобы достичь высоких заработков. Но это также значительно усложнит ситуацию на рынке труда в данных странах, поскольку уровень заработка высококлассных специалистов, ориентированных на удаленную работу, будет оказывать давление на работодателей. Начнут формироваться, помимо нового рынка услуг, и межнациональные экономики.

2.4. В экономической сфере можно ожидать достаточно быстрого подъема в период повышательной фазы шестого длинного цикла (то есть на протяжении 10–20 лет, примерно с начала или середины 2030-х до середины – конца 2040-х гг.). Не исключено, что темпы роста здесь достигнут уровня повышательной фазы четвертого длинного цикла (1950–1960-х гг.). При этом, мы полагаем, темпы роста у ряда развивающихся стран будут впечатляющие, поскольку некоторые из них, вероятно, будут в числе лидеров технологической гонки, а также потому, что к этому времени вне первого мира (то есть развитых стран) будет проживать уже 7/8 мирового населения, а многие из ныне развивающихся стран, включая африканские, войдут в фазу использования мощного демографического дивиденда, что даст им большие преимущества, в том числе и в темпах роста.

Затем при переходе на понижательную фазу (в районе середины – конца 2040-х гг.) можно ожидать довольно жестких кризисов и спадов, которые будут вполне объяснимыми в связи с предшествующим мощным подъемом (они могут совпасть и с вышеуказанными социально-политическими кризисами в крупных растущих державах, особенно с учетом того, что уровень требований населения значительно повысится). Они также могут повлиять на бóльшую сговорчивость крупных игроков (стран и блоков) при выработке общих правил, которые способствовали бы уменьшению опасностей кризисов. *Таким образом, начнет складываться и новый экономический порядок как часть общего мирового порядка.* Он должен включать в себя и вопросы общемировой валюты, поскольку в связи с ослаблением США (и тем более с глубоким кризисом, если таковой случится) доллар уже не сможет полностью заменять мировую валюту. Здесь может быть два сценария. Первый – мягкий, когда ослабление США приведет к трансформа-

ции валютной системы без всеобщего краха. Второй – если произойдет что-то вроде дефолта или резкой девальвации доллара. В первом случае этот процесс может затянуться до последней четверти XXI столетия. Во втором – процесс создания нового мирового порядка резко ускорится и радикализуется. Соответственно, будут созданы принципиально новые мировые экономические органы, возможно, на новых основаниях.

2.5. Интегрированный прогноз различных изменений. Понижательная фаза шестого длинного цикла может совпасть с окончанием завершающей фазы кибернетической революции (середина 2050-х – 2060-е гг.) и переходом к четвертому этапу – зрелости и экспансии – научно-кибернетического принципа производства. Это будет означать бурное распространение новых технологий, уже не только и, может быть, даже не столько производственных, сколько гуманитарно-экономических, связанных со здоровьем и качеством биологической жизни населения, а также с кризисом, вызванным глобальным старением, который к этому времени мощно захватит большую группу стран с ныне молодым населением. Вследствие того, что все заметнее будет ощущаться дефицит рабочих рук и возникнут новые отношения, вызванные увеличением доли пожилого населения в отдельных странах и в Мир-Системе, можно ожидать серьезных социально-политических трансформаций, связанных с началом перехода к новой социально-экономической и политической модели. Это также будет сопряжено с оформлением нового мирового порядка в его политическом и экономическом аспектах.

3. Долгосрочные прогнозы (50–100 лет)

3.1. Политические прогнозы. Как уже было сказано, в среднесрочном периоде сложится новый мировой порядок. С одной стороны, он должен достигать зрелости, с другой – в нем возникает эрозия. Появятся новые блоки и союзы, ведущие игроки, которые смогут создать «концерт великих держав и союзов», чтобы влиять на порядок в Мир-Системе. Вероятно, 7–15 ведущих игроков (крупнейших держав и блоков) может быть достаточно, чтобы добровольно-принудительно навязывать какой-либо курс Мир-Системе. При этом эгоизм в чистом виде (который сегодня демонстрируют США) должен уйти, сменившись какими-либо общими целями и стремлением к общему благу, но, естественно, он останется и будет проявляться в том, кто и на каких условиях станет играть ведущую скрипку в «концерте». Вероятно, всякая серьезная международная акция может требовать, помимо реального интереса, также и определенного идеологического обоснования. Восприятие мировой арены как «великой шахматной доски» [Бжезинский 1999], где выигрывает сильнейший, а мелкие фигуры могут разменяться и приноситься в жертву, возможно, уже не будет столь актуальным. Мировая арена будет рассматриваться скорее как общее поле интересов, в котором надо устанавливать выгодные для всех правила игры и соблюдать их. С учетом формирования олигархата крупных игроков (стран и союзов), который также будет выступать и верховным арбитром в межгосударственных спорах, характер отстаивания национальных интересов, причины соперничества на международной арене, формы конфликтов и тяжб постепенно начнут приобретать уже иной, нежели в прошлом и настоящем, вид [см.: Гринин 2012б; 2015а; 2015б; 2016а; 2016б; 2016в; Grinin, Korotayev 2015]. В рамках указанного олигархата также, естественно, бу-

дет соперничество, но бóльшую выгоду станут приносить нахождение консенсуса и участие в этом олигархате, нежели углубление соперничества (подобно тому как в ЕС страны – при неизбежных трениях – все же находят, что поддержание единства выгоднее раскола. Ситуация с *брекзитом* лишний раз это доказала).

Поэтому постепенно во внешней политике начнут усиливаться лозунги общего (регионального, мирового, группового) блага, хотя за формулировкой «кто лучше представляет мировые интересы» могут скрываться, как всегда, эгоистические цели. Но данная трансформация так или иначе приведет к довольно существенным изменениям, причем во многом положительным.

При этом в любом случае самой главной на долгий период останется проблема столкновений и совмещений национальных и наднациональных, групповых и общемировых интересов. Указанный процесс, начавшийся уже в 2010-е гг., окончательно завершится только в 2070–2080-е гг. Здесь могут усиливаться общемировые идеологические мотивы, а также активизироваться участие в тех или иных общих программах. Не исключено, что обострится проблема климата, которая и сейчас занимает важное место в мировой политике[6]. Возможны направления по созданию регулирующих органов, представительства на основе численности населения и т. п. Несомненно, что так или иначе камнем преткновения станет проблема равенства в мировом «концерте», особенно (что вполне вероятно) если будут созданы какие-либо новые коллективные органы взамен ООН и др. Также в 2060–2080-е гг. поднимутся африканские державы, которые могут потребовать своего места в новом порядке. Вместе с тем сложными будут проблемы попыток отступления от общепринятых правил и выбора теми или иными державами самостоятельного пути.

Проблемы глобального старения, радикальных биотехнологий и трансформаций биологической природы человека также создадут определенные этико-правовые сложности (подобные тем, что наблюдаются сегодня в связи со сменой пола, но только существенно более серьезные), новые меньшинства и т. д.

Новый мировой порядок потребует новых принципов, способствующих уменьшению противостояния и стимулирующих сотрудничество. Эти принципы начнут формироваться в первой половине среднесрочного периода, зримо утверждаться во второй его половине и станут прочными уже на начальном периоде долгосрочного периода (естественно, что они будут внедряться неодновременно). Сформулируем их краткий перечень.

1. *Плюрализм политических режимов*, то есть признание: а) правомерности и легитимности всех режимов; б) идеи, что любой режим (включая и демократический) имеет свои плюсы и минусы; в) ценности плюрализма режимов (подобно плюрализму религий).

2. *Отказ от насильственного навязывания институтов* (в том числе и насаждения демократии).

3. *Признание ценности стабильности, порядка, легитимности и отказ от инспирирования внутренних революций*. Это означает следующее: а) социальный порядок, гарантия безопасности и экономический рост даже в условиях автори-

[6] В случае реального ухудшения климатической ситуации может наступить и некоторая деградация общества. Но мы здесь этот вариант не рассматриваем.

таризма признаются более важными, чем формальные демократические права; б) поддержка антиправительственных выступлений, грозящих анархией и свержением правительства (и тем более подстрекательство к свержению режима), может осуществляться только в исключительных случаях, легитимируемых общепризнанными международными институтами.

4. *Жесткое ограничение и регламентация использования санкций*. Введение санкций должно быть жестко ограничено и помещено в строгое процедурное русло (причины, случаи, доказательства, переговоры, прецеденты и пр.).

5. *Запрет на использование глобальных экономических, финансовых, рейтинговых, информационных и иных инструментов в качестве орудий национальной внешней политики*.

6. *Гарантии государственных границ*, ограничение всякого рода сепаратистских движений, под какими бы лозунгами они ни существовали. Это значительно уменьшило бы международные трения.

7. *Отказ от навязывания новых этических и правовых стандартов* (особенно в сфере половых и семейных отношений) и дискриминации под этим предлогом.

Очевидно, что само по себе признание принципов не гарантирует их выполнения, но важно уйти от сегодняшней практики, когда идеалы демократии, борьбы с коррупцией или прав человека используются как таран в геополитической борьбе. Важно, чтобы уменьшение жесткого противостояния в обществах и в мире, равно как и увеличение возможностей для сотрудничества, стало приоритетом.

Рассмотрим также некоторые политические риски, связанные со старением, которые могут отчетливо проявиться уже к моменту завершения шестой кондратьевской волны и кибернетической революции, но особенно в последней четверти XXI столетия [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2017; 2018]. Дрейф к геронтократии, когда среди избирателей станет преобладать пожилое население, может вызвать межпоколенческие конфликты и смену политической психологии. Ясно, что с увеличением продолжительности жизни и сокращением доли молодежи в структуре населения серьезно возрастет численность, а также роль пожилых и старых людей, причем с вероятным половым перекосом: женщин в западных странах и мужчин в некоторых восточных. А поскольку пожилое поколение более консервативно в своих пристрастиях и привычках, это может повлиять на выбор политического курса и многих других нюансов, способных поставить молодое и среднее поколения в невыгодное положение (см. ниже).

Старение населения может привести к тому, что демократия перерастет в геронтократию, из которой трудно будет вырваться, особенно в условиях борьбы за голоса избирателей. Поэтому вполне вероятен кризис демократической формы правления в целом.

3.2. Глобальное старение и стабилизация населения как причины изменения социального поведения, замедления технологического и экономического развития. К 2070-м гг. бремя глобального старения почувствуют не только Север, но и Юг (страны Африки), а также практически все общества. К этому времени вполне проявится и обратная сторона медали старения: из драйвера технологического роста оно станет фактором снижения инновационности общества. Очевидно, что связь между глобальным старением и технологическим прогрессом

носит нелинейный характер. В какой-то момент положительная обратная связь, о которой мы сказали выше, сменится отрицательной обратной связью. В пожилом обществе будет слабеть важнейшая движущая сила развития – стремление к карьерному росту, богатству, успеху.

С сокращением количества детей станет ослабевать и другой стимул для развития – инвестиции в молодое поколение и стремление обеспечить его.

Возможны стабилизация численности населения или даже его уменьшение, а сегодня рост населения – еще один важнейший фактор экономического роста.

В итоге в последней четверти XXI столетия поведение обществ будет иным, нежели сейчас или в ближайшие 20–30 лет.

Таким образом, социальное и экономическое поведение значительной части населения сильно изменится. Есть риск, что рост продолжительности жизни и активности может вызвать противостояние поколений. Как уже было сказано, для обеспечения возрастающего числа престарелых потребуется повышение потолка трудового возраста за счет увеличения работоспособности на 10–20 лет и более полной вовлеченности инвалидов в трудовой процесс благодаря новым техническим средствам и достижениям медицины. Однако в таком случае старшее поколение неизбежно будет препятствовать карьерному росту младшего, также будет затруднена замена пожилых работников, переучиваться которым очень сложно. Убрать стариков с пути молодых станет нелегкой задачей, и, как предполагал Ф. Фукуяма [2004: 17], в условиях ожидаемой высокой продолжительности жизни обществу, возможно, придется прибегнуть к безличным, институционализированным формам эйджизма. Пожалуй, уже сейчас надо думать о том, как совместить необходимость роста потолка рабочего возраста для пожилых и возможность продвижения для молодых.

Немаловажно, что такой крен к геронтократии быстрее всего наметится в европейских странах и США. В условиях глобализации поколенческие конфликты в этих странах на почве указанного кризиса демократии неизбежно скажутся на судьбах всего мира.

Таким образом, не исключено, что старение общества вместе с улучшением возможности планирования облегчит переход к более спокойному и замедленному развитию (устойчивому развитию, о котором столько говорят), и к концу века или в начале следующего оно, вполне вероятно, начнет влиять уже на замедление научно-технического прогресса. Это будет, так сказать, естественно-историческое замедление, поскольку никаких механизмов контроля над темпами научно-технического развития нет. А поскольку ускоряться бесконечно оно не может (наступает точка сингулярности для процесса, см. ниже), интересно предположить, что именно старение населения может стать естественным способом несколько его приостановить, чтобы перейти к более спокойным темпам развития [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2017; 2018]. Пожилое поколение более консервативно в своих пристрастиях и привычках, и это может вызвать не только замедление темпов развития, но и переход к иной системе экономики. Современная модель связана с ростом потребления: сегодня потреблять больше, чем вчера, а завтра – больше, чем сегодня. Это во многом абсурдная модель, как абсурдным иногда кажется стремление к неуклонному росту ВВП, однако она работает и будет работать еще в течение десятилетий, тем более в бедных странах, в которых не удо-

влетворены потреблением. Старение населения может изменить потребности людей, стабилизация численности населения или его уменьшение – тем более.

Трансформация экономической модели потребления будет трудным процессом, который может изменить очень многое. Подобный пример такого развития без роста сегодня демонстрирует Япония, где наряду с технологическим и научным развитием (а Япония в данной сфере – один из лидеров) наблюдается очень слабый рост ВВП, а также уже два с половиной десятилетия страна страдает от дефляции, поскольку японцы не хотят слишком много тратить и предпочитают копить. Сейчас эта «японская болезнь» охватила европейские страны, что также частично связано со старением.

Но в целом кибернетическая революция и старение должны в итоге способствовать переходу к новой экономической модели потребления.

3.3. Седьмая длинная волна, седьмой технологический уклад и их влияние на Мир-Систему, технологический прогресс и социально-экономические отношения. К 2070-м – середине 2080-х гг. шестой длинный цикл завершится, а шестой технологический уклад уже выработает свой основной ресурс. 2080-е годы – период, когда может начаться седьмой длинный цикл, но если он и будет иметь место (как реальный длинный цикл), то его алгоритм может быть существенно иным. Можно предположить, что экономический подъем будет значительно более слабым, чем подъем шестого длинного цикла. Дело в том, что новой мощной технологической волны в это время не ожидается, а также будут отсутствовать значительные демографические ресурсы, которые имелись в последние десятилетия XX и первые десятилетия XXI в. (то есть на повышательной фазе пятого длинного цикла). Также существенно изменится модель Мир-Системы. Она уже не станет так жестко делиться на центр и значительно превосходящую его по объемам населения периферию (с полупериферией), а разобьется, видимо, на несколько частей центра и достаточно близкую к ним полупериферию, и периферия будет относительно небольшой. Таким образом, в пространственном и демографическом плане расширение будет затруднено, а само население, как мы показали выше, будет менее подвержено консюмеризму. Следовательно, можно ожидать предвестников замедления технологического прогресса, что совпадает с нашими расчетами сингулярности Мир-Системы [Гринин и др. 2018], в которых точка сингулярности приходится условно на 2106 г. Это как раз может совпасть с терминальным кризисом и переходом к понижательной фазе седьмой длинной волны, после которой длинных волн мы уже не ожидаем.

Видимо, это замедление экономического и технологического развития также будет связано с кризисами, вызванными трансформацией современной модели потребления.

Что касается технологического уклада седьмой длинной волны, то, согласно нашей теории кибернетической революции, начнут складываться многочисленные социальные самоуправляемые системы, которые, возможно, и будут основой седьмого уклада (они уже появляются, станут распространяться в период завершающей фазы кибернетической революции и после нее и далее будут усложняться).

Но это означает, что общество станет существенно более упорядоченным, отсюда стохастические моменты будут играть меньшую роль, начнет формироваться иной алгоритм развития, который будет связан с бóльшими возможностями

прогнозирования и меньшими масштабами колебаний, но зато и с более медленным движением. Кроме того, сильное воздействие может оказать процесс киборгизации и изменения биологической природы человека, что повлияет на все сферы жизни [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б].

Распространение таких социальных саморегулируемых и самоуправляемых систем, работающих как технико-технологическая система, будет иметь серьезные, возможно, даже фундаментальные последствия. Дело в том, что с их помощью можно будет создавать определенное поле мотивации и контроля за поведением людей, делать это поведение более предсказуемым. Вероятно, это может импонировать консерватизму пожилого поколения (хотя здесь могут быть и обратные реакции, если, напротив, требовать от пожилых людей следовать стандартам, сложившимся недавно). Но, так или иначе, эти последствия будут неоднозначными.

Позитивные последствия:

– более безопасная жизнь, более независимое от симпатий-антипатий распределение;

– ограничение эксцессов девиантного поведения людей[7];

– упрощение и удешевление управления;

– обеспечение больших возможностей для планирования;

– возможность заимствования и переноса сложившихся социальных отношений и технологий из одного общества в другое наподобие того, как сегодня переносятся производственные и развлекательные технологии;

– существенное сближение социальных и иных аспектов культуры разных обществ, что будет способствовать более глубокой интеграции Мир-Системы. Вслед за экономической и политической глобализацией начнется и социально-культурная.

Негативные последствия:

– ограничение свободы и выбора;

– возможное использование в интересах отдельных групп и правительств;

– стандартизация личности, подавление индивидуальности;

– формы проявления могут быть довольно жесткими и грубыми (прототипом может служить китайский проект подсчета социального рейтинга, который начинает внедряться и во многих отношениях вызывает отторжение у независимых наблюдателей. В дальнейшем не исключено, что эта система может стать источником социального недовольства);

– возможный кризис демократии (так как местное самоуправление потеряет значительную часть своих функций);

– возможное замедление технологического прогресса, так как жизнь может зарегулироваться, а инициатива – стать слабее, что неизбежно приведет к потере рабочих мест управленцев.

4. Заключение

Таким образом, через сто лет можно ожидать, что общество будет иметь совершенно иные модели в социальной и экономической сферах жизни. Возможно, возрастное деление приобретет существенно более важное значение, нежели се-

[7] В том числе такие эксцессы, как немотивированное смертельно опасное насилие; возможно, и просто нарушение закона в каких-либо очевидных проявлениях.

годня, также можно предполагать, что экономические права значительно перерастут политические границы. Несомненно, изменится и демографическая модель, при этом многое будет зависеть от того, насколько разовьются технологии искусственного выращивания детей вне материнской утробы. В случае если данное направление значительно продвинется, возможны значительные трения на почве соперничества государств и блоков. Также могут возникнуть серьезные проблемы, связанные с возможностью существенно менять генетику будущего ребенка, которые рассматривал еще Ф. Фукуяма [2004], и вероятно, что они встанут уже в среднесрочном прогнозируемом периоде.

Как мы уже сказали, не исключено, что будущее общество окажется сильнее зарегулированным за счет внедрения социальных самоуправляемых систем. Значительное воздействие могут оказывать когнитивные технологии, которые облегчают доступ к влиянию непосредственно на сознание и ментальную деятельность человека. Здесь много опасностей и возможностей для манипуляций.

Экономическая цикличность вряд ли исчезнет вообще, но заметно сгладится или приобретет иные формы (во всяком случае, это уже не будут длинные кондратьевские циклы).

В технологической сфере, несомненно, можно говорить о переходе на новый вид топлива и новые виды транспорта или о радикальном удешевлении воздушного транспорта [см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б].

В политической сфере можно ожидать значительных перемен, обусловленных большей интеграцией Мир-Системы, огромными возможностями для связи и перемещения, а также конкуренцией в сферах, которые сегодня не являются приоритетными.

Но особенно важно, что произойдет существенное изменение биологической природы человека, связанное с возможностью влиять на системы его организма, создавать искусственные органы, преобразовывать его природные возможности. И от того, насколько это будет радикально и насколько допустимо, зависит очень многое во всех сферах [см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б].

Приложение

О производственных революциях

Согласно нашей концепции, весь исторический процесс с точки зрения коренных технологических изменений можно разделить на четыре крупных периода. В качестве понятия, которое характеризовало бы такие технологические эпохи, нами был предложен термин *принцип производства*. Мы выделяем четыре принципа производства:

1. Охотничье-собирательский.
2. Аграрно-ремесленный.
3. Промышленно-торговый.
4. Научно-кибернетический.

Смена принципов производства связана с началом и совершением производственных революций. Речь идет: 1) об аграрной революции; 2) промышленной революции; 3) кибернетической революции (см. рис. 1).

Рис. 1. Производственные революции в истории

Каждая производственная революция включает в себя три фазы: две *инновационные* (начальную и завершающую) и одну среднюю, располагающуюся между инновационными, – *модернизационную* (см. рис. 2).

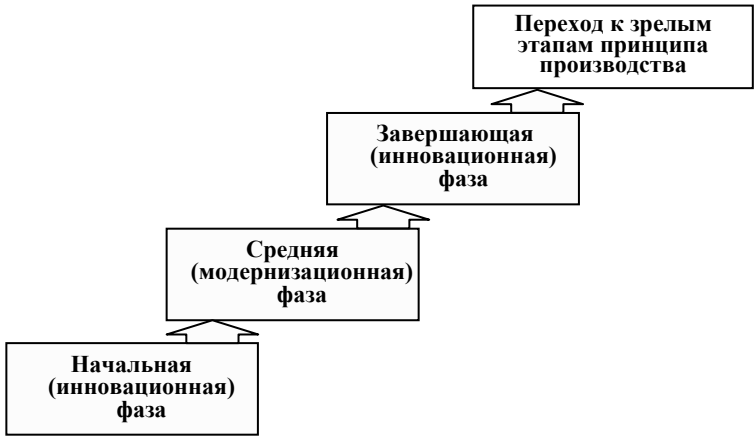


Рис. 2. Структура производственных революций (фазы и их типы)

На начальной *инновационной* фазе формируются авангардные технологии, распространяющиеся затем на другие общества и территории. Возникает первичная система нового принципа производства, которая длительное время сосуществует со старыми технологиями. Затем начинается средняя *модернизационная* фаза – длительный и очень важный период распространения, обогащения, диверсификации новых технологий принципа производства (появившихся на начальной инновационной фазе), период улучшающих изобретений, в ходе которого создаются условия для завершающего инновационного рывка.

В результате завершающей *инновационной* фазы производственной революции новый принцип производства достигает расцвета. По мере того как разворачивается завершающая фаза производственной революции, раскрывается смысл принципа производства, а также его возможности и пределы, решительно расширяются его географические рамки за счет новых обществ.

Начальная фаза кибернетической революции (1950–1990-е гг.) связана с прорывами в автоматизации, энергетике, области синтетических материалов, но особенно в создании электронных средств управления, связи и информации. В настоящий момент кибернетическая революция находится на средней модернизационной фазе, во время которой одновременно происходит мощное распространение всех предшествующих достижений и их существенное улучшение. Также готовятся технологические и общественные условия для будущего рывка. Завершающая фаза, по нашим расчетам,

может начаться в ближайшие десятилетия – в 2030–2040-е гг. Эта фаза революции названа нами «эпохой самоуправляемых систем». Она продлится до 2070-х гг. Схема кибернетической революции представлена на рис. 3.

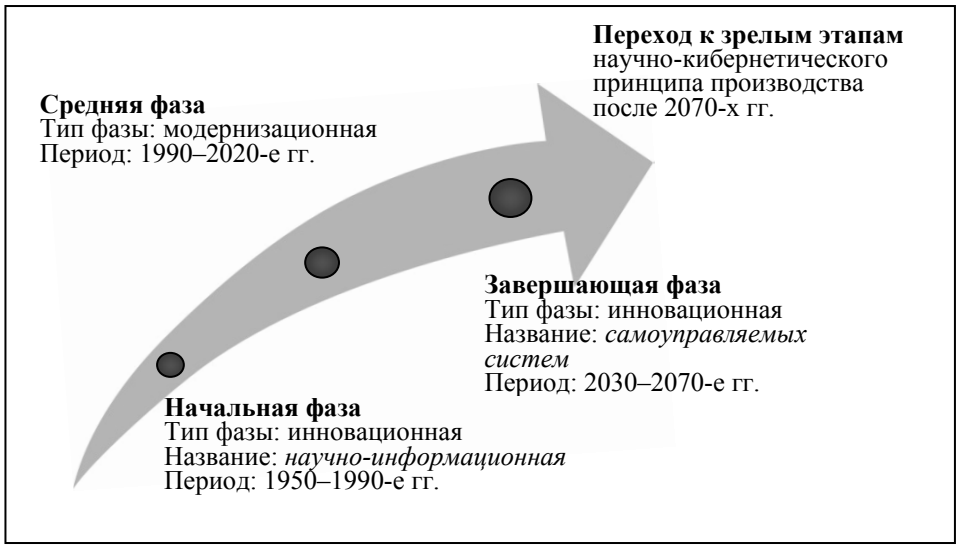


Рис. 3. Фазы кибернетической революции

Литература

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Международные отношения, 1999.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001.

Грей Д. Величие Америки рухнуло и раскололось на куски [Электронный ресурс] : ИноСМИ. 2008. 1 октября. URL: http://inosmi.ru/world/20081001/244365.html (дата обращения: 15.06.2019).

Гринин А. Л., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Долгосрочная динамика изменения темпов технологического роста: опыт количественного анализа // Социофизика и социоинженерия 2018: труды Второй Всероссийской междисциплинарной конференции / под ред. А. Р. Хохлова, Д. А. Новикова. М. : ИПУ РАН, 2018. С. 285–286.

Гринин Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1. С. 6–31.

Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. 3-е изд. М. : КомКнига, 2006.

Гринин Л. Е. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? Век глобализации. 2009. № 2. С. 117–140.

Гринин Л. Е. Кондратьевские волны, технологические уклады и теория производственных революций // Кондратьевские волны: аспекты и перспективы / под ред. А. А. Акаева, Р. С. Гринберга, Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова. Волгоград : Учитель, 2012а. С. 222–262.

Гринин Л. Е. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего) // История и современность. 2012б. № 2. С. 3–27.

Гринин Л. Е. Динамика кондратьевских волн в свете теории производственных революций // Кондратьевские волны: Палитра взглядов / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Волгоград : Учитель, 2013а. С. 31–83.

Гринин Л. Е. «Дракон» и «Тигр»: модели развития и перспективы // Историческая психология и социология истории. 2013б. № 1. С. 111–133.

Гринин Л. Е. Динамика кондратьевских волн в свете теории производственных революций // Мировая динамика: Закономерности, тенденции, перспективы / под ред. А. А. Акаева, А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова. М. : Красанд, 2014. С. 291–347.

Гринин Л. Е. Контуры нового мирового порядка // Философия и общество. 2015а. № 3–4. С. 7–33.

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? // Век глобализации. 2015б. № 2. С. 2–17.

Гринин Л. Е. Мировой порядок, Арабская весна и наступающий период глобальной турбулентности // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, Л. М. Исаева, К. В. Мещериной. Волгоград : Учитель, 2016а. С. 191–239.

Гринин Л. Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016б. № 1. С. 20–63.

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 2. Возможности и перспективы формирования нового мирового порядка // Век глобализации. 2016в. № 1–2. С. 3–18.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Кондратьевские волны: наследие и современность / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. Волгоград : Учитель, 2015а. С. 83–106.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015б.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Влияние процесса глобального старения на темпы научно-технического прогресса и изменение модели потребления // Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность: сб. науч. трудов участников X Международной Кондратьевской конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева / под ред. В. М. Бондаренко. М. : Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н. Д. Кондратьева, 2017. С. 98–111.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Как глобальное старение будет влиять на темпы научно-технического прогресса и изменение современной модели потребления // Философия и общество. 2018. № 4. С. 98–120.

Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. 2-е изд. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов от Ликурга до Алана Гринспена. М. : ЛИБРОКОМ, 2010.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или распространение «японской болезни» // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 14–31.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система // Кондратьевские волны: наследие и современность / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. Волгоград : Учитель, 2015. С. 107–132.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Арабский кризис и реконфигурация Мир-Системы // Арабский кризис: Угрозы большой войны / под ред. А. М. Васильева. М. : URSS, 2016а. С. 286–329.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016б.

Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М. : Европа, 2009.

Капхен Ч. Закат Америки. Уже скоро. М. : АСТ; Люкс, 2004.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М. : Европа, 2009.

Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М. : Дело, 2011.

Спиридонова В. И. Глобализация в XXI в.: инволюция или новые перспективы? // Век глобализации. 2018. № 3. С. 15–25.

Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М. : Международные отношения, 2004.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ, 2004.

Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2. С. 3–19.

Чумаков А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы // Век глобализации. 2018. № 4. С. 3–15.

Burnham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World. New York : John Day Co, 1941.

Dator J. Alternative Futures for K-Waves // Kondratieff Waves, Warfare and World Security / ed. by T. C. Devezas. Amsterdam : IOS Press, 2006. Pp. 311–317.

Grinin L., Grinin A. Macroevolution of Technology // Evolution: Development within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd : 'Uchitel' Publishing House, 2013. Pp. 143–178.

Grinin L., Grinin A. The Sixth Kondratieff Wave and the Cybernetic Revolution // Kondratieff Waves. Juglar – Kuznets – Kondratieff / ed. by L. E. Grinin, T. C. Devezas, A. V. Korotayev. Volgograd : 'Uchitel' Publishing House, 2014. Pp. 354–378.

Grinin L., Grinin A. The Cybernetic Revolution and the Forthcoming Epoch of Self-Regulating Systems. Moscow : Moscow Branch of 'Uchitel' Publishing House, 2016a.

Grinin L., Grinin A. The Sixth Kondratieff Wave and the Cybernetic Revolution // Globalistics and Globalization Studies: Global Transformations and Global Future / ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, P. Herrmann, A. V. Korotayev. Volgograd : 'Uchitel' Publishing House, 2016b. Pp. 337–556.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing // Technological Forecasting and Social Change. 2017a. Vol. 115. Pp. 52–68.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. The MANBRIC-Technologies in the Forthcoming Technological Revolution // Industry 4.0 – Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape: What is Coming on Along with the Fourth Industrial Revolution / ed. by T. Devezas, J. Leitão, A. Sarygulov. Heidelberg; New York; Dordrecht; London : Springer, 2017b. Pp. 243–261.

Grinin L., Ilyin I., Andreev A. Global History and Future World Order // Globlaistics and Globalization Studies: Global Transformations and Global Future / ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, P. Herrmann, A. V. Korotayev. Volgograd : 'Uchitel' Publishing House, 2016. Pp. 93–110.

Grinin L. E., Korotayev A. V. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. N. p. : Springer International Publishing, 2015.

Grinin L. E., Korotayev A. V. Global Population Ageing, the Sixth Kondratieff Wave, and the Global Financial System // Evolution and Big History: Dimensions, Trends, and Forecasts / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd : 'Uchitel' Publishing House, 2016a. Pp. 184–210.

Grinin L. E., Korotayev A. V. Global Population Ageing, the Sixth Kondratieff Wave, and the Global Financial System // Journal of Globalization Studies. 2016b. Vol. 7. No. 2. Pp. 11–31.

Grinin L. E., Korotayev A. V. The Future of the Global Economy in the Light of Inflationary and Deflationary Trends and Long Cycles Theory // World Futures. 2017. Vol. 74. No. 2. Pp. 84–103.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery. N. p. : Springer International Publishing, 2016.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. N. p. : Springer, 2019.

Hirooka M. Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. Cheltenham, UK; Northampton, MA : Edward Elgar, 2006.

Lynch Z. Neurotechnology and Society 2010–2060 // Annals of the New York Academy of Sciences. 2004. Vol. 1031. Pp. 229–233.

Nefiodow L., Nefiodow S. The Sixth Kondratieff: The New Long Wave of the World Economy. Sankt Augustin, 2014a.

Nefiodow L., Nefiodow S. The Sixth Kondratieff. The Growth Engine of the 21st Century // Kondratieff Waves: Juglar – Kuznets – Kondratieff / ed. by L. Grinin, T. Devezas, A. Korotayev. Volgograd : Uchitel, 2014b. Pp. 326–353.

Venkatesh V., Morris M. G., Davis G. B, Davis F. D. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View // MIS Quarterly. 2003. Vol. 27. No. 3. Pp. 425–478.

МОРАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА: ИЗУЧЕНИЕ ГАРМОНИИ И ЭТИКИ КАК РЕШЕНИЕ

Чун-ин Чэн*

В статье рассматриваются две основные черты человеческой цивилизации как ведущие принципы ее устойчивого развития. Однако в настоящее время наше развитие сталкивается с тремя типами кризисов, которые необходимо преодолеть в соответствии с основными принципами человеческой цивилизации. Автор отмечает, что финансовые кризисы или экономический кризис в целом отражают политическую игру власти, будь то национальная или международная, и что экологический кризис является следствием человеческого невежества, которое наносит ущерб человеческому существованию. Причиной любой из этих проблем можно назвать недостаточное развитие этического самосознания в ведущих странах мира. Перед лицом будущего необходимо искать долгосрочное решение социальных и экономических вопросов. Следовательно, полезно и желательно учитывать конфуцианскую мудрость в контексте политической практики, а также в целях соблюдения экономического и экологического баланса. Основываясь на конфуцианских нравственных идеях понимания и действия, автор говорит о преступлении и заблуждении невежества и жадности.

Ключевые слова: *глобальные кризисы, этика, конфуцианство.*

In this article, I take on two basic features of human civilization as governing principles for its sustainable development. Yet our development at present time encounters three types of crises, which need to be overcome in coherence with the basic principles of human civilization. I point out that the financial crises or economic crisis in general reflects a political power play whether national or international, and that ecological crisis results from human ignorance which does harm to human existence. The root of either trouble can be traced to the lack of development of ethical self-consciousness in leading countries of the world. In confronting the future, it is necessary to seek a solution which will last and which will improve our social and economic thoughts and decisions. Hence, it is useful and desirable to consider Confucian wisdom of enhancing learning political understanding and economical and ecological balance. I speak of the Crime and Error of Ignorance and Crime and Error of Greed on the basis of and in the spirit of Confucian moral understanding and action.

Keywords: *global crises, ethics, Confucianism.*

Два качества цивилизаций

Целью цивилизации является достижение человеческого благополучия, а также реализация человеческого потенциала индивида. Поэтому цивилизация – это форма человеческого существования, которая поддерживает и обогащает жизнь

* Чун-ин Чэн – доктор философии, профессор Гавайского университета в Маноа (г. Гонолулу, Гавайи, США). E-mail: ccheng@hawaii.edu.

человека путем создания способов выживания, инструментов, экономики, человеческих отношений, сообществ, сил, богатства, ценностей, знаний и мудрости. Очевидно: для того чтобы обеспечить человеческое благополучие, достижения цивилизации должны вести к хорошим результатам, которые обновляют, поддерживают и расширяют поле деятельности и возможности человека. Это сродни коллективной жизни, которая должна поддерживать свою органическую функциональность, способность справляться с новыми ситуациями, проявлять готовность учиться на опыте и быть разумной, открытой для будущих целей. Поскольку цивилизации развиваются в разных локусах на Земле (и, возможно, на некоторых планетах других «Солнечных систем» во Вселенной), они должны обладать некоторыми общими качествами и целями, как минимум волей к осуществлению жизни на коллективной основе и сохранению своей идентичности в творческом процессе своевременного возрождения, сотрудничества, взаимной адаптации и взаимообмена.

Но для того чтобы сохранить эти два минимальных качества, цивилизация как организм должна научиться поддерживать также внутреннюю или внутрифункциональную гармонию, ибо если есть дисфункция какой-либо органической части человеческого тела, существует опасность для его здоровья, а следовательно, его способности выживать и процветать. С другой стороны, цивилизация должна также научиться поддерживать внешнюю или межфункциональную гармонию, как и любой живой организм, взаимодействующий с окружающей средой продуктивным и кооперативным образом, чтобы та способствовала его выживанию и процветанию. Можно сказать, что организм является составной частью окружающей среды, обеспечивающей его существование. Мы можем рассматривать обе формы гармонии как неотъемлемые цели жизни и цивилизации. И то и другое – необходимые условия цивилизационного творчества для того, чтобы любая цивилизация росла и продолжала развиваться.

Учитывая это понимание цивилизации и ее расцвета, мы должны относиться к проблемам цивилизации так же, как мы относимся к проблемам человеческой жизни. Человек может заболеть из-за неспособности поддерживать свой метаболизм, вследствие воздействия загрязненной окружающей среды. Кроме того, человек может ослабнуть, потому что он становится рабом других, тогда как в конечном счете порабощающая сторона также ослабнет в результате своего господства и тирании, которые порождают конфликт и напряжение. Это означает, что развитие открытой системы дружбы и сотрудничества между людьми и цивилизациями является необходимым условием поддержания как внутренней, так и внешней функциональной гармонии, с тем чтобы цивилизованные сообщества могли удовлетворять свои естественные потребности и учиться друг у друга. Именно таким образом они способны справляться с общими проблемами, возникающими в природной среде. Именно по этой причине этика возникает как необходимость, ведь мы можем рассматривать этику как способ относиться к себе, другим людям, окружающему миру в рамках добродетели таким образом, чтобы генерировать единую силу и гармоничные усилия, отношения, благие общие цели. Мы должны изучать этику именно так, опираясь на опыт и вместе с тем размышляя о самих себе как о личностях. Именно на этой основе мы можем говорить о социальных и этических потребностях, знании, обучении, самоограниче-

нии, любви, уважении, мужестве, честности, справедливости, пристойности, порядке, доверии, гармонии и высшей мудрости. Именно благодаря этому мы сможем преодолеть любые болезни и опасности, угрожающие человеческому роду. Именно на основе нашего осознания того, что нам нужно делать и что мы должны делать с помощью саморефлексии, мы можем справиться с любым кризисом, возникающим вследствие наших недостатков или неудач в результате совершенных нами или другими людьми ошибок. Это также означает, что мы должны учиться у других, с тем чтобы укрепить себя, помочь другим и обеспечить будущее отношений, которые включают знания, доверие и волю к добру, гармонию между людьми.

Это описание процесса обучения и преодоления наших недостатков, когда мы попадаем в беду, в равной степени относится и к цивилизации, поскольку она может «заболеть» и очень нуждается в терапии обучения и совместной помощи со стороны других. Помимо того что цивилизации являются разнообразными органическими формами существования, они весьма специализированы на пути выживания и процветания и должны учиться друг у друга, чтобы справляться с кризисами и бедствиями, которые могут отражать слабости отдельных цивилизаций. Например, хотя древние египтяне были хорошими фермерами, они не были хорошими путешественниками по сравнению с греками. В Новое время, согласно Г. Лейбницу, европейцы являлись хорошими учеными, но у них могло не быть хорошего гражданского управления, как у китайцев во времена Лейбница. Позже мы также были свидетелями того, как различные нации приходили к власти благодаря своим торговым и военным талантам, но наблюдали и то, как они постепенно ослабевали и приходили в упадок именно вследствие их силы, которая превратилась в слабость и обузу.

Два закона цивилизаций

Этот последний момент важен потому, что мы полагаем, будто можем забыть древнюю мудрость выживания, поскольку продвинулись от сельскохозяйственного общества к постиндустриальному или постинформационному обществу Интернета. Наш опыт сделал нас сильными, но именно как вид животных, которые становятся более специализированными, занимают определенную нишу и в конечном итоге сталкиваются с опасностью исчезновения именно из-за потери умения приспосабливаться к изменениям окружающей среды, в том числе к тем, которые накапливаются вследствие наших преобразований природы и интенсивного использования ее ресурсов. То, что мы потеряли, – это умение приспосабливаться к окружающей среде, которая имеет ограниченные возможности реагировать на антропогенное воздействие.

Проводя аналогию с человеком, мы можем сформулировать два общих закона выживания и сохранения устойчивости любой цивилизации. Первый – это *закон сохранения цивилизации*, который состоит в том, что мы не должны забывать собственную историю. Мы обязаны учиться на исторических примерах, чтобы избежать ошибок, которые совершили наши предшественники, помнить о собственном опыте, сделав его элементом собственной мудрости, чтобы использовать в кризисных ситуациях в будущем. Мы не должны забывать о своих корнях, чтобы стать мудрее и свободнее в будущем. Существует также второй закон, цивилиза-

ционного взаимного обучения, который можно назвать законом *межцивилизационного выживания и устойчивости*. Он состоит в том, что мы всегда должны стараться учиться у других, не относиться к ним, как к врагам, а сотрудничать с ними, как друзья. Мы также обладаем ограниченными ресурсами и ограниченными знаниями, поэтому всегда важно учиться на опыте других цивилизаций, чтобы мы могли делиться нашей мудростью для решения общих проблем. По мере того как наши жизненные проблемы становятся все более общими и все более распространенными, без такого сотрудничества мы не добьемся прогресса. На самом деле, если мы останемся в замкнутом пространстве, то в итоге потеряем свою креативность и станем жертвами собственного эгоизма, высокомерия и наглости. Это также означает, что мы должны вернуться к основным добродетелям человеческой жизни, которым учил Конфуций более 2500 лет назад.

Три типа кризисов человечества и цивилизации на букву «э»

В современном глобализованном мире существует три типа кризисов. Экологический кризис восходит к поздней стадии индустриализации, что приводит к глобальному потеплению. Хотя некоторые люди все еще склонны его игнорировать и отрицать, появляется все больше свидетельств его существования и нарастания. В настоящее время имеет место также экономический кризис, который принимает особую форму финансового, как это было проиллюстрировано американской финансовой практикой 2008 г. Мы можем даже назвать его экономическим кризисом, вызванным финансовыми манипуляциями, которые заключаются в увеличении финансового богатства путем использования таких инструментов, как акции, вторичные ипотечные кредиты и другие виды финансовых продуктов. Можно напомнить о действиях Джорджа Сороса во время финансового кризиса 1997 г. в Юго-Восточной Азии. По сути, нет никакой разницы между потрясением 1997 г. и нынешним кризисом, за исключением того, что последний имеет гораздо более широкое распространение и является более серьезным, поскольку мы живем теперь в еще более глобализованном мире, в котором существует более тесная взаимозависимость, но, как и прежде, отсутствует взаимное доверие.

Анализируя как экологический, так и экономический кризис, мы приходим к третьему виду кризиса, который будем называть этическим. В моем представлении, он коренится в отсутствии и игнорировании интеграции этических ценностей в человеческих цивилизациях, а также в стремлении к преобладанию одной полезной формы этики над другими, показывая, таким образом, утрату гуманности – представления об основах этического мышления. Этика становится настолько специализированной и профессиональной, что когда она разделяется на специальные формы и связывается с различными профессиями, эти формы перестают согласовываться между собой. В некоторых случаях один тип этики чрезмерно используется для достижения результата, который категорически запрещен другим типом этики. Например, в стремлении к экономической выгоде утилитаристская этика оправдывает принцип максимизации прибыли, который подходит для каждой корпорации, но может развратить все общество. Дело в том, что человеческое общество – это не просто собрание корпораций, финансовых либо иных, и максимизация прибыли для каждой из них не является благом для всего общества. Поэтому нам нужен общий этический принцип, с помощью кото-

рого можно прививать чувство всеобщности и социальной ответственности всему сообществу, не говоря уже о глобальном человечестве. Разделение этики на разные формы приведет к ее исчезновению, из-за чего некоторые люди станут экономическими «героями», в то время как другие превратятся в жертв экономического рынка, что приведет к огромному разрыву между очень богатыми и очень бедными. В этой связи как экологический, так и экономический кризис является следствием этического кризиса, а следовательно, критическим проявлением отсутствия этической обеспокоенности, что также приводит к очевидной моральной черствости в отношениях между людьми.

Из вышесказанного следует, что если мы хотим разрешить два первых кризиса на букву «э», мы должны приложить усилия, чтобы противостоять третьему кризису на «э». Именно размышляя об этическом кризисе, мы могли бы искоренить проблемы, созданные двумя первыми кризисами. Очевидно, что мы сможем преодолеть этический кризис, переосмыслив этику в интегративном смысле. По этой причине как постиндустриальные страны, которые могут испытывать беспокойство по поводу экологического кризиса, так и промышленно развивающиеся государства, которые пострадали от экономического кризиса, не обязательно наступившего по их вине, должны обратиться к этическому осознанию и нравственному размышлению о том, как бороться с корпоративными и политическими действиями. Американские лидеры должны особенно тщательно проанализировать то, как они апеллируют к своим разуму и чувствам в вопросах, связанных с языком технологий и стратегий, которые скрывают их поверхностный финансовый прагматизм и экономический эгоизм. Нынешний финансовый кризис предоставляет хорошую возможность ознакомиться с интегративной и целостной этикой человечества в конфуцианской традиции, которая принадлежит не только Китаю, но и всему человечеству в этом глобализованном мире. Этот кризис также является напоминанием китайской цивилизации о том, что в ней содержится послание для всего мира, который должен дорожить ею и ценить ее для всеобщего блага.

Ниже проанализированы проблемы финансового кризиса и даны комментарии по поводу различных культурных и моральных факторов, которые усугубляют его из-за отсутствия внутрифункциональной гармонии, которая может быть вызвана также формой межфункциональной дисгармонии из-за высокомерия и жадности по отношению к другим. Затем приведем некоторые примеры того, как китайская мудрость, содержащаяся в конфуцианстве, может быть изучена для преодоления привычек сердца и безынициативности разума с акцентом исключительно на экономических выгодах и собственных интересах вследствие высокомерия и жадности.

Анализ финансового кризиса как игры власти

Лорд Актон говорил, что власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Иметь богатство – значит обладать определенной властью. Но то, как развращает приобретение богатства, может отличаться от того, как развращают другие формы власти. Ибо политики могут желать иметь больше власти и, следовательно, злоупотреблять ею, что вызывает ее крах, в то время как личные интересы богатых делают их более богатыми, и по этой причине коррупция может

использовать тонкие способы манипулирования для максимизации своего богатства и причинения ущерба невинным. Приобретение и накопление богатства может принимать формы, усугубляющие положение бедных, и, следовательно, способствовать увеличению разрыва между богатыми и бедными более чем в 25 раз. Существуют хорошо регулируемые формы приобретения богатства, такие как повышение цен на нефть в условиях монополии или плутократии.

Но есть и побочные эффекты, которые могут привести к неожиданному накоплению богатства или к краху финансовой империи, что, например, наблюдается в недобросовестных действиях некоторых людей и компаний, связанных с чрезмерными инвестициями, перерасходами или использованием имеющихся ресурсов для победы в азартной игре. Поведение этих людей часто идет в ущерб людям в целом, хотя может показаться, что оно приносит пользу общественности. Хорошим примером является распространенная в настоящее время практика авиакомпаний переписывать пассажиров, чтобы убедиться, что рейсы всегда максимально загружены. Но, к сожалению, эта практика осуществляется при полном неведении и пренебрежении интересами общественности, которая всецело доверяет авиакомпаниям. Практика поощрения вторичных ипотечных кредитов под прикрытием залоговых долговых обязательств (CDO) и обеспеченных ипотечных обязательств (CMO) – это именно такой тип корыстных действий, которые могут показаться целесообразными для большой группы людей, но фактически подвергают риску все общество.

Очевидно, что чрезмерное инвестирование может быть рискованным бизнесом, но иногда человек решает рискнуть, воображая, что он может много выиграть, особенно когда шанс на выигрыш может показаться больше, чем есть на самом деле. Следовательно, в финансовых играх есть элемент самообмана, который человек может даже не заметить с первого взгляда, поскольку он упивается своим успехом. Есть и другая, «ненасытная» сторона финансовой власти, которая не может быть разделена с политической властью. Имеется в виду следующее: максимальная прибыль может быть максимизирована до предела. Прежде чем мы понимаем, что все финансовые игры и продукты имеют отношение к социальному доверию или доверию между людьми на экономическом рынке, они кажутся абстрактными фигурами в бухгалтерской математике. Поэтому можно не знать кризиса эрозии, коррупции или коллапса, пока он не будет вызван фактическим спросом на кредит. Опасность игры заключается в том, что как только это случается, нет конца падению фишек домино в цепочке финансовых кредитов.

Понятно, что в наше время все финансовые операции так или иначе связаны с финансовыми компаниями, которые должны обеспечить поддержку для кредита. Если финансовая поддержка не может быть реализована вследствие размеров долга, существует большая вероятность краха кредитной системы и, следовательно, все вовлеченные в сделки пострадают. Более того, следует заметить, что наша жизнь органична и наше общество построено с учетом множества различных видов отношений и структур. По этой причине даже те, кто непосредственно не вовлечен в неудачные сделки, станут жертвами просто потому, что все мы являемся неотъемлемой частью цепи долгов и кредитов в данном обществе, а теперь и в глобальном мире. Падение индекса Доу – Джонса влияет на нас с вами независимо от того, причастны вы к его падению или нет. Как только это происходит,

можно увидеть квантовый эффект любого действия в мире: порхающие бабочки в африканской степи действительно могут вызвать дрожь финансистов в небоскребах Нью-Йорка. (Сегодня мы наблюдаем подобное явление при инфекционном гриппе: один чихнувший где-то человек может заставить весь земной шар дрожать от воображаемой лихорадки.)

Из вышесказанного следует, что в финансовых и экономических зонах богатство является движущей силой прогресса, но в то же время оно может стать разрушительной силой, если у человека нет чувства ответственности, нет контроля над своими эгоистичными желаниями и амбициями или знания ситуации, нет хорошей стратегии управления богатством и его устойчивостью. В крайнем случае человек может сделать рационально неверный шаг, даже если он думает, что поступает правильно. Это происходит потому, что нам не хватает знаний о том, какова ситуация на самом деле, и мы не провели достаточно исследований, напряженно размышляя, чего ожидать от окружающей среды, о которой мы не осведомлены. Человек может быть подавлен своими амбициями и целями, которые в противном случае могут стать более контролируемыми и более управляемыми в соответствии с общественными интересами.

Можно отметить, что злонамеренный шаг в интересах одного человека или одной нации может фактически привести к определенным благоприятным последствиям для общества или мира. Это действительно может произойти, однако мы не можем рассчитывать на это как на общий закон социального развития. Дело в том, что в целом доброе намерение при нормальных обстоятельствах приводит к хорошему результату, в то время как дурное намерение при нормальных обстоятельствах приводит к плохому результату. Мы не можем рассчитывать на плохое поведение, чтобы добиться прогресса общества. Мы можем только надеяться, что добрые действия приведут к хорошим результатам и человечество сможет улучшить свои способы познания и действия в соответствии с хорошим, а не дурным поведением. Мы можем не ожидать, что другие будут хорошими с самого начала, но мы должны убедиться, что у нас самих с самого начала есть добрые намерения, и сделать все возможное, чтобы они дали хорошие результаты.

Преступления и заблуждения невежества и жадности

Есть что-то очень неправильное в человеке, компании или даже в нации или культуре, если мы действуем исходя из дурных побуждений, поскольку не можем ожидать от других благих намерений, и поэтому мы ведем себя так просто для того, чтобы контролировать власть и богатство. Рынок, лишенный ограничений, в конечном счете переходит к монополии и другим экономическим проблемам. Мир без этического самоконтроля власти неизбежно вступит в войну, мы наблюдали это на примере двух последних мировых войн. Вопрос в том, как мы могли прийти к такому финалу. Нынешний финансовый кризис представляет собой яркий пример взаимодействия власти и капитала, которое ведет к огромному разрыву между богатством и моралью.

Существует еще одна ошибка, которая может быть вызвана частными интересами и желаниями, способными вывести известную моральную конвенцию за пределы ее допустимости или просто игнорировать рациональное размышление

ради благой цели и тем самым ввергнуть себя во власть слепых сил чрезмерного кредита и доверия. Здесь мы можем различать два типа ошибок (или, лучше сказать, преступлений): ошибка и преступление невежества, которое состоит в игнорировании реальности и других людей, а не просто в отсутствии знаний, и ошибка и преступление жадности или желания контролировать власть через богатство или богатство через власть.

Что касается современных крупных экономических сделок, преступления и ошибки невежества и жадности могут быть обнаружены в текущем финансовом кризисе, вызванном американскими корпорациями в условиях западной культуры. Модель совершения действий в западной культуре заключается в сочетании интеллектуального совершенства и математической точности. Возможно, это неплохая идея сама по себе, но то, как она соотносится с реальным миром перемен, всегда является проблемой и вызовом. Дуалистический подход Платона, проводящего различие между идеальными формами и эмпирическими фактами, сводится к тому, что он просит нас оставить этот мир реальности и работать для возвращения в мир идеалов. Предположение, что кто-либо, занимающий высокий пост, имеет право судить людей и устанавливать стандарты совершенства, ставит серьезные вопросы, касающиеся законности и моральной ответственности за свои действия. Вот почему Аристотель должен был вернуться к конкретному подходу, основанному на научном наблюдении и эмпирическом понимании, которое объединяет всеобщее и частное в реальных вещах. Но Аристотель не мог отказаться от предпочтения идеальной жизни в интеллектуальной медитации, которая не может быть применена к земному миру политики и экономики.

Однако, несмотря на склонность Аристотеля к объективной науке в классификации сфер человеческой деятельности, в его рассмотрении конца человека в целом есть нечто очень ценное. Он хочет определить **телос** человеческой деятельности не просто как вопрос поиска счастья или благополучия без учета социальной справедливости, которая является как распределительной, так и карательной. Аристотель, таким образом, хочет видеть этику частью политики и, возможно, экономику частью этики. Однако есть одно слепое пятно, которое необходимо выявить, а именно: хотя этика может быть частью политики, а экономика – вопросом этики, следует также сказать, что мы должны рассматривать политику как часть этики, а этику – как часть экономики, с тем чтобы этика служила не только инструментом политики, но и ее целью, и не только целью экономики, но и способом управления ею. Именно этика отдельного человека и всего общества связывает экономику и политику как пути развития человеческой личности и человечества в целом, а не наоборот. К сожалению, западная политическая и экономическая история по большей части показала, что имеет место противоположная тенденция. Именно политическая и экономическая власть господствует с самого начала современной эпохи, когда Европа освобождается от рабства теократии при христианской церкви.

Ирония в том, что в то время как средневековая теократия показывает, как Бог, наделенный абсолютной властью, может развратить человечество и утратить свою абсолютную непогрешимость, он теперь, как правило, используется в качестве высшей инстанции для контроля за политикой и экономикой в ряде национальных государств последнего периода европейского развития. В результате та-

кого моделирования каждая нация претендует на абсолютную власть (суверенитет), подобную власти Бога, и все же не приемлет морали, приписываемой Богу. Таким образом, основа современного развития европейских государств состоит в том, чтобы сначала обрести силу с поиском морали (или без него), которая должна не только быть применима ко всему человечеству, но и иметь основу в человечестве. Нельзя отрицать тот исторический факт, что западная наука и экономика развивались в русле благочестивой/религиозной/праведной власти без нравственной цели, что неизбежно привело к двум мировым войнам. Интересно также отметить, что после Второй мировой войны национальные государства Европы ослабли, а возвышение Америки как сверхнационального государства, основанного на власти и богатстве, знаменует собой новый этап западной цивилизации, на котором доминирует не один народ – представитель конкретной расы, а система институтов, которые становятся машинами для систематического генерирования власти и богатства. Можно утверждать, что США демонстрируют новое явление экономического и политического роста после войны благодаря своим высшим институтам и географическому положению. Это, без сомнения, верно, но поскольку люди, использующие эти институты, склонны к власти и богатству без моральной цели и, таким образом, являются наследниками старых режимов Европы, таких как Рим и наполеоновская Франция, эти институты не могут быть названы надежными. Это происходит потому, что институты используются людьми, находящимися у власти, а моральный институт может использоваться безнравственными людьми во власти. Именно в этом свете можно увидеть, как люди, обладающие властью и богатством, управляли и манипулировали американскими институтами ради собственной выгоды, а не для блага всего общества, вследствие двух преступлений или заблуждений, о которых уже было упомянуто, которые являются заблуждениями и преступлениями не только институтов, но также и людей, которые их используют.

Даже если опустить вопиющий пример финансового устройства и практики вторичных ипотечных кредитов, всегда было ясно, что послевоенная американская политика в значительной степени направлена на обеспечение преимуществ и полномочий, а также защиту приобретенных власти и богатства во всем мире, забывая, таким образом, о демократическом духе гуманизма, принятом в Декларации независимости Джефферсона. В итоге внешняя и внутренняя политика США, по-видимому, находятся в противоречии: одна рассматривает демократию как средство обеспечения контроля над своими зарубежными военными базами и сдерживания развивающихся стран, таких как Китай, а другая – как средство достижения власти и защиты приобретенного богатства или обеспечения американского превосходства. Ни в том ни в другом случае моральная цель не является очевидной, как и ни в одном из них индивидуальная человеческая личность не имеет политических прав и какой-либо экономической защиты, которые препятствуют моральной рефлексии. В этом смысле американские граждане рассматриваются как те, кого радикальный американский прагматик Ричард Рорти называл наемными рабами, которые по качеству ничем не отличаются от рабов до Гражданской войны.

Финансовый кризис и глобальный финансовый капитализм

Именно на фоне этих и других исторических и идеологических предпосылок сегодняшний финансовый кризис иллюстрирует работу западной науки в рамках гуманизма и человеческой социальной реальности. В частности, это демонстрирует, как американская система приобретения власти и распределения или перераспределения богатства работает в американском обществе в целом и среди отдельных граждан в частности. Теперь результат настолько очевиден, что только группа финансовых компаний и корпораций, а не отдельный человек, должна нести ответственность за многие ошибки политики, которые маскируют помыслы и желания тех, кто находится у власти, и тех, кому удается получать деньги от власти и власть от зарабатывания денег. В финансовых операциях отдельные лица фактически становятся просто номерами и цифрами финансовой отчетности, и все же мы можем не знать или не видеть значения цифр в отношении потенциальных признаков риска и опасности. Мы можем даже никогда о них не узнать, потому что эти цифры не соответствуют действительному положению дел, реальным ситуациям и реальным людям. На самом деле наиболее заметной чертой финансового капитализма, порожденного западной традицией науки и американской системой принятия решений, является то, что он имеет дело не с реальными людьми, а с возможной прибылью и возможными убытками в цифрах. Финансовый капитализм развивается не только на локальном уровне, он выходит за пределы национальных границ для извлечения большей выгоды. Так, например, во время финансового кризиса 1997 г. в Юго-Восточной Азии мы отчетливо наблюдали эту игру глобального финансового капитализма на практике, в фонде «Квантум» Джорджа Сороса.

Следовательно, мы должны рассматривать нынешний финансовый кризис с точки зрения факторов риска. Это, как мы указали выше: 1) неспособность видения или незнание реальной ситуации; 2) естественная жадность или же бездеятельность в поиске максимума, который может вырасти до бесконечности; 3) личный интерес и преднамеренный план или заговор, составленный с целью извлекать выгоду из ситуации, не отчитываясь за свои действия; 4) «слепая сила» на работе, которую могут использовать люди и которая может вызвать коррупцию и крах, когда наступает определенный момент; 5) сочетание всех этих факторов, о которых никто не знает и которые при срабатывании вызовут лавину вреда с эффектом домино.

В свете вышесказанного об общей ситуации на Западе и американской практике мне бы хотелось отметить, что в финансовой сфере необходимо учитывать и оценивать эти факторы в контексте этики мотивации, последствий, прав и обязанностей. Отсутствие учета этических норм или адекватного понимания социальной ответственности является фундаментальной проблемой современного финансового капитализма. Она прямо указывает на некоторые основополагающие культурные и идеологические характеры или их составляющие на Западе и в Америке, что порождает определенный склад и инертность ума тех, кто обладает властью и богатством, а это неизбежно приводит к коррупции и краху последних, вследствие чего больше всего страдают простые люди. Как мы уже отмечали, эти модели западных культурных ценностей и особые отношения в американском обществе поддаются воздействию факторов риска. Мы действительно можем

назвать эти ценности и установки западничеством и американизмом, потому что они отражают особый тип черт западной и американской культуры, которые глубоко укоренились в сознании, бессознательном, образовании и религиозных верованиях жителей Запада.

В связи с этим можно сделать ретроспективный вывод, что богатство развращает так же, как и власть, потому что оно используется как сила для приобретения всего того, о чем было сказано ранее. Теперь вопрос в том, чему мы научились, можем ли мы вообще чему-то научиться и что сделать, чтобы подобный кризис не повторился. Дж. Сантаяна сказал, что те, кто не учится на ошибках истории, обречены повторять их снова и снова. Является ли этот финансовый кризис каким-то повторением ошибки и преступления невежества и жадности в иной форме, скажем, после Великой депрессии и двух мировых войн? Это достаточно настораживающая проблема, и все же, не ощущая тревоги, мы не можем в полной мере начать учиться на опыте, полученном в результате ошибок. История не предопределена по своей природе, но она может быть определена действиями людей. Единственный выход из катастроф – научиться лучше относиться к людям и заботиться о других, как учит конфуцианство, которое делает политику частью этики и рассматривает этику и экономику как взаимоограничивающие и способствующие взаимному развитию. Отсутствие на Западе гуманизма в качестве внутренней цели (или его неприятие американцами) столь же фатально, как и отказ от иммунной системы человеческого тела и, следовательно, освобождение всех форм вирусов и микробов, которые в конечном итоге настигнут человека и приведут его к жалкому состоянию болезни и беспомощности, подавив способность к восстановлению. Такая опасность существует при нынешнем финансовом кризисе, если не появится некая «исцеляющая рука», которая даст надежду и в будущем сможет руководить развитием человечества. Возможно, это событие послужит полезной цели, а именно: постзападная Америка станет действительно глобальной и будет играть положительную роль в развитии здоровых мировых тенденций, приемлемых для Востока и Запада.

Уроки, которые следует извлечь из конфуцианской мудрости

Но для этого важно относиться к Китаю как к подлинному равноправному партнеру в обучении и сотрудничать, прилагая общие усилия по достижению гуманистических идеалов и экономики без политического доминирования. Именно в этом духе мы должны говорить о мировом сообществе, в котором ни одна финансовая держава не должна пытаться подавить другие и ни при одной личной заинтересованности в экономической выгоде не должны упускаться из виду моральные стороны как мотивов, так и следствий. Важно также, чтобы посткризисное государство тщательно все взвесило перед вступлением в новую эру экономического сотрудничества и взаимной поддержки, которая должна привести к международному политическому партнерству. На пути к миру и согласию не должно быть сомнительных мотивов какого бы то ни было государства вмешаться в планы другой страны с целью задержать ее экономическое развитие или инициировать там внутренние беспорядки. Одна культура или одно общество должны по-настоящему учиться у других культур или обществ. Это, без сомнения, может включать отказ от пагубных побуждений и ограниченных точек зрения, поэтому эгоистичные же-

лания, такие как жадность и склонность использовать других в качестве инструментов для достижения своей цели, могут быть сдержаны и ограничены.

Какие культурные предпосылки привели к такому злоупотреблению со стороны капиталистической системы? Я считаю, что одна из них – пуританство или кальвинизм, который имеет много общего с подъемом капитализма. Другая – это просвещение и вера в технику и науку, которая ослепляет людей и лишает возможности видеть важность здравого смысла для человечества, который представляет для него особую ценность. Есть и третий фактор – злоупотребление властью, ведущее к изоляционизму и коллективному эгоизму. Это приводит к позиции методологического антиморального самосовершенствования и пренебрежению гуманистическим образованием. Наконец, радикализмом являются попытки забыть исторический опыт, не используя его позитивно, а трансформируя для негативного использования, например, отрицая существующие военные преступления.

В резком контрасте с американской традицией мы видим, как конфуцианство в Китае может помочь избежать всех этих недостатков с точки зрения фундаментального уровня человечества. Это делает китайскую традицию ресурсом для развития обновленной мировой системы с использованием нового опыта и даже новых принципов и механизмов в мировой экономике и мировых финансах. Мы не можем полностью уничтожить зло финансового капитализма, когда он используется для максимизации прибыли корпорации или государства, но мы можем уважать местную автономию в производстве, поощрять внутренний рост и самостоятельность, не закрывая двери взаимной торговли и обменов. Нынешние усилия правительства КНР по развитию внутренних рынков и масштабной координации и контролю являются хорошим примером разумного экономического развития общества на основе справедливости и гуманизма. Но мы должны предупредить, что Китай все еще может столкнуться с двумя потенциальными опасностями: во-первых, Запад в состоянии подтолкнуть его к несправедливому и неравноценному обмену благами во вред китайской стороне. Дело в том, что Запад должен искренне желать сотрудничать с Китаем для развития глобальной системы микроэкономики при условиях справедливой макроэкономики. Это означает, что на Западе, особенно в США, враждебная политика ограничений не должна быть направлена против КНР, не должно быть никаких интриг или провокаций в отношении Китая, попыток остановить его естественное развитие, а также не должны предприниматься враждебные действия вроде подстрекательства к массовым беспорядкам в западных пограничных районах Китая. Это вызвало бы тревогу и привело к контрпродуктивным последствиям для экономического развития.

Есть и вторая причина для беспокойства: китайское правительство должно усовершенствовать свою политику и стратегию по поддержанию экономического роста и иметь возможность обосновать ее вескими аргументами. Другими словами, Китаю нужна теоретическая база, которая способствовала бы формированию современной политики и экономики и в то же время вносила бы в них соответствующие корректировки при появлении новых обстоятельств. Очевидно, что философия творческого управления необходима для преодоления трудностей, вызванных изменениями в современном мире. Эта творческая философия управления должна быть разработана в соответствии с историческим опытом и философской мудростью Китая.

Я опишу философию творческого управления в нескольких общих чертах, чтобы показать, как китайская философская традиция, в частности конфуцианская философия человечества, может быть включена в рассмотрение вопросов разработки государственной политики, развития предпринимательства, экономического развития и дипломатии, международного участия в обеспечении мира и гармонии.

Вполне возможно, что Китай все еще может попасть под влияние западной традиции и непроизвольно пойти по такому же пути. Здесь независимость и саморефлексия чрезвычайно важны для развития КНР. Я буду говорить о теории пяти держав конфуцианского управления глобализованным миром, которая заключается в установлении гармонии ценностей для всех народов в современном мире и в согласовании различных интересов народов и наций, не отрицая необходимости разнообразия и его процветания.

Конфуцианская философия творческой самоидентификации и самоуправления

Конфуцианство – это философия, основанная на эмпирическом наблюдении и рефлексивном понимании человечества или того, что такое человек. Все началось со скромного наблюдения за тем, как вещи и люди меняются и движутся. Этот опыт наблюдений пробуждает человека к размышлению о своей собственной идентичности, чтобы он мог изменять свое поведение и утверждать автономию человеческой воли, основанную на человеческих чувствах и человеческом понимании. Поэтому конфуцианство – это открытие человечества от себя к другим и от других к себе. В этом открытии собственного «я» человек устанавливает свою идентичность и начинает чувствовать других в отношении их идентичностей, которые должны быть открыты их собственными «я». Он открывает человеческую цель поиска добра и человеческий потенциал для этого. Таким образом, личность приходит к определению того, как правильно поступать в соответствующих обстоятельствах, и, следовательно, приходит к ощущению должного для совершенствования нашей способности действовать и нашего понимания целей человеческой жизни как для личности, так и для общества.

Говоря об обществе, мы обнаруживаем, что человек является общественным существом и нуждается в заботе и справедливости со стороны других, чтобы выжить, не говоря уже о процветании. Для достижения этой цели необходимы коммуникация, координация и сотрудничество, поскольку любой человек в принципе способен улучшить свою жизнь и характер посредством развития этих отношений и способностей. Конечно, это означает, что человек может трансформироваться в лучшую версию себя в зависимости от преследуемых им целей и от того, как он взаимодействует и сотрудничает с другими людьми. Следует отметить следующее: хотя гуманистической сущности, возможно, потребуется обратиться к внешнему Богу как к образцу для подражания, или руководителю, или даже как к постоянному проводнику после смерти, человек должен в конце концов обнаружить, что эта потребность является его собственной потребностью, а его вера в Бога – его собственной верой, коренящейся в этой потребности. Он мог бы исследовать этот ресурс изобретения религии для своей цели, но также мог бы отказаться от порабощения своей религией, чтобы быть более творческим с точки

зрения непрерывного культивирования собственной идентичности и потенциала, в котором вера в Бога является только одной из форм. В этом отношении конфуцианство – не трансцендентная религия, как христианство, а рационально-гуманистическая философия, включающая в себя как моральную, так и политическую философию и даже метафизическую философию космоса и всего в мире, и понимание того, что такое человек, что он должен делать, кем он может и должен стать.

Учитывая это описание, можно увидеть, как конфуцианство способно мобилизовать все человечество для достижения такого состояния, в котором оно училось бы на своих ошибках и критически поддерживало бы развитие человека. Мы можем начать с принципа установления основы. Китайское слово *ben* (本) имеет значение «источник, корень, основание» и даже «конечная цель». В «Аналектах» Конфуция говорится: «Как только установлена основа, Дао будет генерироваться»[1]. Для нас важно знать, что является самым основным в нашем понимании вещей. Знать это – означает знать, как вещи вообще порождаются и основываются, и таким образом понимать внутренний порядок и логику развития вещей. Поэтому знать основное значит не просто идентифицировать что-то как источник, но глубоко переживать основное как источник расширения и роста. В этом смысле знание основного требует от нас знания больших порядков вещей, которых человеческое понимание *ben* позволит нам достичь.

Порядок и его последовательность представляют Дао или способ производства и упорядочивания вещей. Чтобы знать это, человеческая личность должна размышлять и распознавать, отталкиваясь от основного. В этом смысле самое основное является самым всеобъемлющим, ибо именно от основного мы можем достичь самого всеобъемлющего. Мэн-цзы говорит о «самоуправляющей личности (*chunzi*), что если сначала установить, что является основным, то все малозначительные вопросы уже не могут быть отброшены». Следовательно, основное можно также рассматривать как великое и всеобъемлющее, потому что оно может стать великим, хотя и может оставаться источником, порождающим великое. Почему это так? Это происходит потому, что источник содержит корни как объективного, так и субъективного, и их взаимное возбуждение и активизация необходимы для реализации великого. Поэтому в учении «Чжун юн» предлагается, чтобы человек занимался достижением великого и выполнением малого («致广大而尽精微»)[2] как двух взаимосвязанных задач понимания творчества Дао, ибо Дао можно рассматривать как способ взаимного перемешивания и самореализации в мире, и это возможно благодаря творческой силе *ben*. Как я утверждал, *ben* приводит к образованию вещества и системы *ti* 体(тело, система).

Важно видеть, что *ti*, или система, всегда покоится на основе всех основ. Как только мы теряем из виду их внутреннюю связь, мы можем сбиться с пути и отклониться от Дао. Именно по этой причине Конфуций просит человека позволить своему сердцу положиться на Дао («志于道»)[3], которое принадлежит как внешнему,

[1] Цитата из «Аналектов», 1:2. Смысл этого краткого заявления можно выразить словами: как только первооснова человечества прочно утвердится, порядок и гармония будут совершенствоваться.

[2] Цитата из «Чжун юн», автором которого является Цзы сы, внук Конфуция.

[3] См.: Аналекты 7:6.

так и внутреннему миру. Для понимания Дао нужно открыть глаза на естественные закономерности вещей, такие как естественное рождение всего сущего и естественные порядки смены времен года. Для понимания внутреннего человек должен осознать свою истинную природу в заботе о других («**据于德依于仁**»)[4]. Нынешний финансовый кризис, несомненно, является примером того, как человек отклонился от первоосновы, самого принципа экономической и финансовой устойчивости.

Помимо этого первичного принципа перехода к основному, существует второй принцип в самоидентификации и самоуправлении. Он состоит в том, чтобы отличать общественное мнение от эгоистического, или право от прибыли. Это различие связано с положением человека во Вселенной или в обществе. Естественно, человек хочет сохранить себя и процветать в процессе самореализации. Вопрос же заключается в том, сможет ли человек злоупотреблять доверием других при условии, что он находится в положении, когда может принести пользу другим, а на самом деле заботится только о собственной выгоде. Необходимо провести грань между поиском выгоды для себя в той или иной ситуации, в которой ты действительно оказался, и причинением вреда другим. Стоит понимать, что продвигать себя – это одно, а продвигать себя за счет других – это другое. Важно быть осторожным с этим различием, поскольку оно свидетельствует, что очень часто мы перестаем понимать, как отличить добро, которое состоит в том, чтобы поступать правильно по отношению к людям, от зла, которое состоит в злоупотреблении доверием других или в создании у них ложного представления о том, что им помогают.

В наше время из-за сложности и абстрактности ситуаций, которые описываются в понятиях, очень далеких от конкретной реальности в пространстве и времени, легче воспользоваться другими, не обнаруживая этого, пока не станет слишком поздно. Именно так обстоит дело со вторичным ипотечным кредитованием. Хотя, на первый взгляд, никакая скрытая информация не раскрывается, как этого требует закон, вся система кредитования может функционировать в ущерб заемщикам, но в пользу кредитной компании или отдельного кредитора в течение определенного периода времени. Очевидно, что главную ответственность за поддержание кредита несет правительство. Это приводит к большим потерям для обычных людей в условиях, когда плохая кредитная репутация в конечном итоге проявляется повсеместно.

Чтобы предотвратить вмешательство эгоистичных интересов в общественное благо или благо отдельно взятых индивидов, важно в любое время, особенно наедине с самим собой, анализировать свои действия (**慎独**)[5]. Для того чтобы иметь возможность критически рассмотреть свое отклонение от честного и справедливого действия, необходимо искренне задуматься о своей мотивации. Это, конечно, уже предполагает формирование самосознательной самоидентификации

[4] См.: Аналекты 7:6.

[5] Требование к **慎独**, или «сохранять чувство самоограничения в одиночестве», было впервые предложено в Великом обучении (**大学**), но для Лю Цзунчжоу (**刘宗周**) (1578–1645), последнего неоконфуцианского философа в эпоху династии Мин, это свидетельствует о сознательном становлении нравственной воли в человеке, отражающей изначальную нравственную чистоту природы (Син, **性**).

человека, которую можно назвать его изначальным телом или «я» (本体)[6]. Если человек даже не уверен в том, кем он на самом деле является, как можно доверять его честной мотивации или способности отличать моральное от аморального в собственных действиях? Эта проблема установления своего подлинного «я» не была критически проанализирована и обоснована до последнего неоконфуцианца Лю Цзишаня, видящего конечную истину человеческой идентичности как онтологическую волю, называемую *duti* (одиночное «я»), которая может достичь добра, удерживая свою собственную Ци (жизненную силу) против влияния внешней Ци или жизненной силы из окружающей среды.

Хотя при разработке государственной политики мы не можем просто ответить на вопрос о различающей силе самоидентифицирующейся воли, такой как долг, процесс самопознания и критики самих себя в свете прошлого опыта должен подсказать нам, какое направление приведет к правильным действиям и хорошим результатам, при каких условиях или ограничениях они существуют. Эмпирическое исследование столь же важно, как и критически-рефлексивное, для того чтобы мы могли встретиться лицом к лицу с тем (нагнать/догнать то), что я назвал преступлением и ошибкой невежества и/или преступлением и ошибкой жадности.

Третий принцип творческого управления человеческим «я» – принцип взаимности чувств и взаимопомощи. Это относится к хорошо известному конфуцианскому золотому правилу человеческого поведения, использующемуся как мера добра и зла. Ясно, что можно желать и делать для других то, что мы сами желали бы и делали для себя. Но мы должны думать о различии между собой и другими, чтобы лучше желать и делать для других то, во что мы верим или знаем, что другие хотели бы сделать для себя. Это, конечно, предполагает знание других, их ценностей и желаний. Без такого знания мы могли бы просто желать добра другим в наших действиях, не будучи уверенными в том, что это то добро, которого другие хотят для себя. Даже если мы можем рисковать своим знанием других при одном условии, а не при другом, мы должны осознавать, как изменения личной ситуации и личных желаний других могут изменить то, чего другие действительно хотят. В условиях финансового кризиса представляется важным принять меры, которые обеспечили бы достаточную защиту населения от самообмана путем установления более жестких условий или напоминания другим о возможных трудностях в будущем. При условии, что нет идеального способа это сделать, осознание пользы от принудительного соблюдения установленных правил, несомненно, привело бы к лучшей подотчетности и осознанию своей ответственности, которые могут предвосхитить трудности, могущие возникнуть в будущем.

Что касается правила не поступать с другими так, как ты не хотел бы, чтобы поступали с тобой, было бы полезно составить список того, что не следует делать на основе здравого смысла и практической мудрости для выработки государ-

[6] Идея «первопричины», или 本体, является генеративной, исходящей из нашего понимания космоса как творческого источника, который, можно сказать, поддерживает творческие и продуктивные процессы космоса и жизни, включая человеческую жизнь и человеческую цивилизацию. См. приложение «Си цы чжуань» (系辞) к «Книге перемен», самому знаменитому тексту в классике конфуцианства. Эта идея была возрождена автором данной статьи в развитии его идеи онтогерменевтики с 80-х гг. прошлого века. См. соответствующие публикации автора.

ственной политики по политическим или экономическим вопросам. Полагаться на чувства или интуицию одного лидера недостаточно. Необходимо понимать, что, согласно Конфуцию, человеку или лидеру требуется пройти через два уровня морального мышления, а именно уровень личной морали, основанной на размышлениях о том, чего он хочет и чего не хочет, и уровень общественной морали, требующей исправленных понятий, основанных на объективной оценке и заботе о последствиях для достижения объективно понимаемых обязанностей и прав, которые должны быть описаны как «стремление к праву народа» («务民之义»)[7]. Именно в этом смысле принцип всеобщего *ren* (благожелательной заботы) о людях всегда соответствует принципу поступать правильно в соответствии с разумным пониманием, которое становится объектом внимания Мэн-цзы.

Помимо трех основных принципов конфуцианской морали в самоутверждении и управлении собой, существует много других принципов, которые могут быть включены в эти три, и, следовательно, нет необходимости анализировать их здесь с целью понимания моральной мудрости китайской традиции в решении проблем и кризисов человеческого и цивилизационного развития. Конечно, есть один главный ключ к пониманию конфуцианской моральной мудрости и практического разума, а именно гуманность, которая является творческим источником и ресурсом решения проблем. Хотя многие проблемы возникают вследствие человеческой глупости, искать решение, отличное от гуманного, – значит забывать о китайской мудрости: чтобы отвязать колокол, нужен тот, кто его привязывал. Конечно, могут потребоваться человеческое размышление, усилия и внимание, чтобы дойти до сути любой проблемы и ее истинного решения, но такие усилия стоят того, чтобы их предпринять, и, усвоив урок, мы должны сохранить его в нашей коллективной памяти, чтобы совершить снова то же преступление или ошибку. При создании мира взаимного обучения гармония становится обязательным условием для глобальной солидарности, она также станет важным достижением, которым мы сможем поделиться, когда найдем решение, став межцивилизационным сообществом.

[7] См.: Аналекты 6; 21. Право народа подразумевает то, что должно быть справедливо сделано по отношению к людям. Ибо право – это также и праведник, а праведник – тот, кто приносит надлежащую пользу для людей в целом.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: РАЗРАБОТКИ К. МАРКСА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Панфилова Т. В.[*]

К. Маркс не оставил завершенной философии истории, однако его вклад в философию истории неоспорим: материалистическое понимание истории, методология исследования капитализма, предсказание глобализации. В исследованиях современных глобальных процессов следует опираться на разработки Маркса, творчески развивая их, поскольку для осмысления новых явлений требуются новые подходы.

Ключевые слова: *философия истории, глобализация, материалистическое понимание истории, методология, капитализм.*

Karl Marx left no complete teaching in philosophy of history but his contribution to philosophy of history is obvious: the materialistic interpretation of history, methodology of capitalism research, prediction of globalization. When studying modern global processes one should rely on Marx's propositions and develop them creatively since new phenomena demand new approach.

Keywords: *philosophy of history, globalization, materialistic interpretation of history, methodology, capitalism.*

Была ли у К. Маркса своя философия истории?

Вклад К. Маркса в философию истории оценивается неоднозначно: с одной стороны, известно его отрицательное отношение к философии истории, в результате чего сам Маркс не стал бы причислять к ней собственные разработки; с другой стороны, столь же известны его идеи о всемирно-историческом уровне развития производительных сил, сопровождаемом установлением универсального общения людей, в ходе чего все народы оказываются зависимыми друг от друга, а «местные ограниченные индивиды сменяются индивидами *всемирно-историческими*, эмпирически универсальными» [Маркс 1955: 34], – идеи, которые сегодня воспринимаются как предсказание глобализации и своеобразная философия истории.

Полагаю, что видимое противоречие позиции К. Маркса по отношению к философии истории не так существенно, как может показаться на первый взгляд. Маркс возражал против нее в том виде, в каком она существовала в его время, в первую очередь против философии истории Г. В. Ф. Гегеля, в наиболее полном и совершенном виде воплотившей идеалистическую трактовку истории. Разрабатывая материалистическое понимание истории, Маркс, видимо, посчитал, что для ее осмысления достаточно общественной теории, опирающейся на принцип материализма, поскольку человеческая история – это всегда история каких-то обще-

[*] Панфилова Татьяна Васильевна – д. ф. н., профессор кафедры философии МГИМО МИД России. E-mail: panta@inbox.ru.

ственных образований. Тогда, полагал Маркс, никакого абстрактного, то есть философского, теоретизирования по поводу истории просто не потребуется. Даже предсказывая глобализацию, немецкий ученый, вероятно, рассчитывал оставаться в рамках общественной теории, поскольку, как он показал, превращение истории во всемирно-исторический процесс осуществляется в ходе универсализации производительных сил, что, в свою очередь, является результатом развития капитализма. Поэтому политэкономия как научная теория капитализма, согласно Марксу, содержит в себе социальную философию и в то же время является основой для научной истории.

В рамках материалистического понимания истории сближение общественной теории с социальной философией выглядит совершенно оправданным, особенно для того времени, когда под философией истории, в рамках которой осмысливалось общество, понималось «мыслящее рассмотрение ее» [Гегель 2000: 63], причем мыслящим субъектом признавался чистый разум. Однако рассуждая с нынешних позиций, обнаруживаешь, что Маркс нечаянно перешел ту грань, за которой затронутые им вопросы требуют уже чисто философского рассмотрения. Тем более что освещение сущности этих вопросов, как стало ясно сегодня не без его помощи, вовсе не обязательно требовало абстракций, оторванных от действительной жизни. Маркс и обратился к поиску содержательных абстракций, выражающих существенные стороны действительности, которые, как ему представлялось тогда, надо вырабатывать, анализируя конкретное общество с опорой на материалистическое понимание истории, а не «философствуя» на манер Гегеля. Справедливости ради надо отметить, что и Гегель стремился избегать «пустых» абстракций, ибо задача философии, согласно его утверждению, – «постичь то, что *есть*» [Его же 1990: 55]. Другой вопрос, получилось ли это у него, да и могло ли получиться с опорой на идеализм. В случае же материалистической интерпретации истории граница между общественной теорией и философией истории и не должна быть резкой, что мы и наблюдаем в «Немецкой идеологии».

Где же все-таки разграничение общественной теории и философии истории неизбежно? Достаточно задаться вопросом о том, что представляла собой история до того, как она стала превращаться во всемирно-исторический процесс благодаря универсализации производительных сил капитализма, чтобы стало понятно, что разработанная Марксом общественная теория адекватна для осмысления только капиталистической стадии общественного развития. И если мы не хотим впасть в бессодержательные рассуждения, пользуясь абстракцией «общество вообще», то должны признать конкретность и историческую ограниченность Марксовой теории. Кстати, В. И. Ленин подчеркивал, что научность этой теории как раз и состоит в том, что Маркс отказался рассуждать об «обществе вообще», как поступали его предшественники, а перешел к изучению конкретной общественно-экономической формации: «Маркс говорит только об одной общественно-экономической формации, о капиталистической, т. е. говорит, что исследовал закон развития только этой формации и никакой другой» [Ленин 1941: 118].

Изучив, однако, законы функционирования и развития капитализма, Маркс не мог не задаться вопросами о том, как возник капитализм, что было до него. Первоначально немецкий исследователь разделил всю историю на две формации: капиталистическую и докапиталистическую – и сосредоточился на изучении ка-

питалистической формации. Поскольку докапиталистическую формацию Маркс специально не изучал, для ее характеристики он воспользовался общепринятой схемой деления истории на Античность, Средневековье и Новое время, связав каждый из исторических этапов с каким-то способом производства: рабовладельческим, феодальным и капиталистическим соответственно. Эта схема и вошла в наше обществоведение под названием теории общественно-экономических формаций. Но можно ли считать ее оригинальной разработкой Маркса, соответствующей основоположениям его учения, или это дань общепринятым в то время представлениям?

Начнем с того, что наличие перечисленных этапов в развитии человечества предполагает существование единого исторического процесса, подразделяемого на этапы. Но как тогда быть с уже упомянутым положением Маркса о формировании единой всемирной истории вследствие универсализации производительных сил капитализма? По-моему, эта нестыковка объясняется тем, что Маркс в начале своего творческого пути занимался историей настолько, насколько это было необходимо для понимания капитализма – и только. Что касается всего остального массива исторических знаний, то на первых порах он довольствовался бытовавшими в то время представлениями, полученными им во время учебы. В частности, это относится к европоцентристской установке, явно прослеживаемой в перечислении исторических этапов и справедливо оспариваемой сегодняшней компаративистикой.

Можно ли говорить о вкладе К. Маркса в философию истории, если признано, что целый пласт истории не охватывался разработанной им общественной теорией, а от философии истории он отказался? Полагаю, что не только можно, но и нужно. Дело в том, что, изначально отказавшись от господствовавшей тогда идеалистической философии истории как *целостного учения*, он поневоле вышел на философско-историческую *проблематику* в ходе анализа развития капитализма, важнейшей тенденцией которого, как обнаружил Маркс, является глобализация, то есть распространение капитализма до всемирно-исторического состояния. Отсюда его безусловный вклад в разработку той части философии истории, которая связана с проблемами глобализации, и недоработка тех ее разделов, которые касаются докапиталистического состояния истории.

Надо ли упрекать Маркса за указанные недоработки? По-моему, это несправедливо. Маркс ставил перед собой задачи, за решение которых либо не брался никто из его современников, либо брались таким образом, что решение заведомо исключалось, причем как практически, так и теоретически. С поставленными перед собой задачами Маркс справился наилучшим для своего времени образом. Если сегодня нас беспокоят не решенные им проблемы или проблемы, возникшие уже после его кончины, значит, это наши проблемы и нам их решать. Были ли они в середине XIX в. столь же актуальны, как сегодня, – кто возьмется утверждать? Сегодня мы признаем право каждого исследователя заниматься интересующей его проблематикой. Почему для Маркса нужно делать исключение и требовать от него, чтобы он предложил ответы на все вопросы, волнующие *нас* сегодня? Думается, справедливее было бы выразить Марксу признательность и за разработку принципиально новой методологии исследования общества, не утратившей своего значения до настоящего времени, и за логически обоснованные предсказания

относительно глобализации, то есть такого состояния общества, которое, по выражению Ф. Энгельса, должно вылиться в переход от предыстории к собственно человеческой истории, – переход, означающий «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [Энгельс 1966: 288]. Наконец, не могу не воздать Марксу должного за то, что он надоумил нас, и меня в том числе, признать, что история не была единой, но становится ею по мере глобализации, о чем мне неоднократно доводилось писать [Панфилова 2013; 2016].

К чести К. Маркса нужно заметить, что он никогда не претендовал на всеведение. Напротив, как указывал Ф. Энгельс в одном из писем, написанных уже после смерти Маркса, «наше понимание истории есть главным образом руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо начать изучать заново» [Энгельс 1948: 421]. Маркс так и поступил, о чем свидетельствуют и его идея об азиатском способе производства, и его соображения насчет того, должна ли Россия непременно перейти к капиталистическому строю. Как сбывшееся пророчество звучат сегодня слова, написанные К. Марксом в 1877 г.: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» [Маркс 1948: 314]. Ученый имел в виду историческое своеобразие России середины XIX в. С тех пор у нас был еще один шанс обойтись без «злоключений капиталистического строя» – шанс, осуществленный было в 1917 г., от которого мы (точнее, руководство страны) отказались. Есть ли в том вина Маркса? Доводилось слышать, что если бы не Маркс, мы бы жили в другой стране: более цивилизованной и рыночной. Оставим открытым вопрос о том, а жили ли бы мы вообще, тем более в *самостоятельной* стране, не утратившей суверенитета. Ведь превращение России в полуколонию было наиболее вероятным исходом исторических событий накануне Октябрьской революции 1917 г. Обратимся, однако, к неоспоримым следствиям отказа от очередной исторической возможности. Да, наша страна «цивилизовалась» до такой степени, что стала неотъемлемой частью – точнее, сырьевым придатком – глобализирующегося мира, в котором богатые по-прежнему богатеют, а бедные беднеют, в котором потребительство превращено в глобальную идеологию, неизбежным следствием чего становится превращение планеты Земля в одну глобальную помойку, а человека – в потребителя, вытесняемого роботами из сферы производства не только вещей, но и идей, а значит, отчужденного от общества, от других людей и в конечном счете от собственной сущности.

Обеспокоенные ученые ставят вопрос о возможности других вариантов глобализации. Но прежде чем перейти к рассмотрению насущных проблем глобализации, подведем предварительный итог. Итак, Маркс не оставил нам целостной философии истории, скорее всего, не успел выработать такое учение, которое отвечало бы требованиям и всеобщности, и действительности. Зато он внес существенный вклад в методологию изучения общества и истории, снабдив нас инструментарием для исследования нынешних общественно-исторических проблем. Хватит ли нам этих инструментов или надо разрабатывать новые для понимания произошедших изменений – это уже наша забота.

Некоторые проблемы осмысления глобализации

Сегодня, пожалуй, не найдется исследователя, который не признал бы, что глобализация – это палка о двух концах, то есть что у нее есть как положительные, так и отрицательные стороны. Само собой напрашивается предложение усилить ее положительную составляющую и уменьшить отрицательные последствия. Можно ли что-то сделать в этом направлении, и если можно, то как? Отвечая на поставленный вопрос, некоторые ученые, а вслед за ними и политики вырабатывают практические рекомендации по «усовершенствованию» процесса глобализации. Именно по «усовершенствованию», поскольку, по всеобщему признанию, отменить процесс глобализации невозможно: он представляет собой закономерный этап всемирной истории и в этом смысле исторически необходим (спасибо Марксу!). После чего обсуждение переходит в практическую плоскость: можно ли договориться по наиболее острым проблемам, связанным с отрицательными последствиями глобализации как для отдельных стран, так и для человечества в целом; допустимы ли уступки с чьей-то стороны в каких-то случаях; надежны ли прогнозы о последствиях глобализации и как на них реагировать и пр.

Вопросы, безусловно, важные, но все-таки в них ли суть? Все ли ясно с теоретической подоплекой осмысления глобализации, в которой, думаю, без помощи философии истории не обойтись? Если же принимать некоторые теоретические допущения без специального анализа, просто по привычке, велика вероятность получить искаженную картину действительности. Попробуем разобраться.

Выделим два необходимых понятия: всемирная история и человечество. Относительно трактовки единой всемирной истории уже было сказано: вопреки широко распространенному мнению, история не была единой на всем своем протяжении, но становится таковой по мере глобализации. Иначе говоря, история *обретает единство* в ходе глобализации и *становится* всемирно-историческим процессом. Подчеркиваю: *становится.* Завершился ли этот процесс, воплотилась ли глобализация в полной мере – вопрос дискуссионный. На мой взгляд, пока не завершился. Можно было бы и не останавливаться на этом вопросе, если бы не его сопряженность с вопросом о том, сложилось ли человечество как *единое* целое. Ответ на него в значительной мере определяется тем, что мы понимаем под «человечеством»: все люди, когда-либо жившие на Земле, или совокупность людей, чем-то реально объединенных?

Затруднение в ответе на поставленные вопросы вызвано двумя обстоятельствами: во-первых, привычкой пользоваться словами «история» и «человечество» для *обозначения* некоторой реальности безотносительно к теоретическому смыслу указанных терминов; иначе говоря, пользоваться ими как общими терминами, а не как понятиями; во-вторых, двусмысленностью слова «единство», которым мы выражаем и *одинаковость* (например, все люди биологически *едины*, то есть обладают *одинаковыми* биологическими признаками, в результате чего относятся к одному и тому же биологическому виду), и *объединение* в какую-то общность (например, несколько строителей входят в *единую* строительную бригаду, то есть они *объединены* совместной деятельностью, а стало быть, и системой отношений).

Учитывая указанную особенность словоупотребления, относительно которого приходится признать, что оба значения имеют право на существование, важно

определиться с тем, собираемся ли мы *теоретически* осмысливать глобализацию и, следовательно, будем пользоваться *понятиями*, или удовольствуемся *описанием*, для которого приемлемы и *общие термины*.

Сегодня глобалистика выделилась в относительно самостоятельную область исследования, так что специалисты по глобальным процессам наверняка будут претендовать на понятийное их осмысление. В то же время нельзя не признать, что гораздо более распространенным является использование общих терминов. История традиционно представляется как «история вообще», всегда будто бы составлявшая единое целое, а человечество – как вся совокупность людей, населявших когда-либо Землю и в силу этого тоже будто бы составляющих единое целое. В качестве довода в пользу подобного словоупотребления обычно приводится ссылка на то, что все мы живем на одной планете, а значит, изначально обречены на то, чтобы быть частями единого человечества, тогда как происходящие с нами события и явления по той же причине составляют в совокупности всемирно-исторический процесс. Убедительно ли такое соображение? На мой взгляд, нет, поскольку отсылает нас к формальному основанию, не затрагивая сущности изучаемого явления.

В самом деле, из того, что жители Европы много веков ходили по той же самой Земле, что и индейцы майя, хотя и с другой ее стороны, никак не следует, будто они составляли единое человечество. Это европейские ученые теоретически подвели разные народы под единое понятие «человечества» после того, как европейские завоеватели *практически* столкнулись с неизвестным им населением американского континента, за счет которого начали обогащаться, другими словами, когда насильно начали включать неизвестное им прежде население в международное разделение труда. А если бы своевременно не столкнулись? Правомерно ли было бы говорить о «человечестве»?

То же самое можно сказать и о всемирной истории. Если бы не так называемое открытие Америки, а точнее, столкновение европейцев с населением Америки (как, впрочем, и других частей света), правомерно ли было бы рассуждать о «всемирной истории»?

Сегодня подобные соображения могут показаться излишними: ведь «открытие» Америки – и не только Америки! – состоялось. Но давайте будем последовательны: вот когда оно состоялось, тогда и сложилась реальность, адекватным выражением которой является понятие «всемирная история». Точно так же и с «человечеством»: когда различные общественные образования замкнулись в единое целое (или хотя бы начали складываться в единую систему), тогда и возникло человечество. Другими словами, и всемирная история, и человечество – это исторические образования, возникшие в определенное время и при определенных условиях.

Когда же история становится всемирной? – Как показал К. Маркс, по мере распространения капиталистического способа производства за пределы отдельно взятых стран и становления мировой капиталистической системы. Иначе говоря, всемирно-исторический процесс опирается на международное разделение труда, навязанное странам и народам в результате распространения капиталистического способа производства, универсальность которого проявляется в том, что ему безразличны местные национальные и культурные особенности: он с легкостью пре-

одолевает любые внешние границы и препятствия. Единственное, что способно его ограничить, – это, как показал Маркс, порожденная им самим его противоположность. Но это особый вопрос, который мы не будем здесь затрагивать.

Итак, глобализация имеет *исключительно* капиталистическую природу. Вопрос о том, могла ли глобализация проходить как-то по-другому, не капиталистическим путем, – из области домыслов. Сюда же относятся предложения считать первыми попытками глобализации возникновение обширных империй, претендовавших на мировое господство: например, завоевания Александра Македонского или Римскую империю. Боюсь, что здесь зафиксировано чисто поверхностное сходство, тогда как наша задача – разобраться в сущности такого исторического явления, как глобализация. Вопрос о том, что побуждало какого-то государственного деятеля или полководца завоевывать другие страны и народы, хоть и представляет безусловный интерес, но он относится к другой области исторического знания. Действовала ли там схема А. Тойнби «вызов – ответ», или особенности «материального производства непосредственной жизни» (Маркс) подталкивали руководителей государств и народов к решительным действиям, или они руководствовались какими-то соображениями, непонятными современному человеку, поскольку они не укладываются в привычные схемы нашего мышления, – все это самостоятельные исторические проблемы, сходство которых с явлениями глобализации – если таковое обнаружится – еще надо обосновать.

Возвращаясь к вопросу о природе глобализации, хочу еще раз подчеркнуть, что глобализация – насколько мы ее знаем, ибо поневоле в ней участвуем – это тенденция капиталистического производства. Сегодняшний глобализированный мир – это закономерный этап всемирно-исторического процесса, опирающегося на международное капиталистическое разделение труда. Не вижу никаких оснований полагать, будто глобализация – свойство истории вообще. «История вообще» – это бессодержательная абстракция, как сказал бы Г. В. Ф. Гегель.

Будучи производной от капитализма, глобализация несет в себе все его характеристики. Нынешняя мировая элита так же заинтересована в бесперебойном и гладком функционировании глобальных процессов, как прежние капиталисты – в четкой работе промышленных предприятий. Стало быть, противоречия глобализации будут воспроизводиться с тем же постоянством, что и противоречия «классического» капитализма, хотя и в максимально сглаженном виде, благодаря новым средствам воздействия на психику с помощью СМИ и рекламы.

Применительно к человеку противоречивое влияние глобализации налицо. С одной стороны, человек развивается по мере развития производительных сил в качестве их субъекта; с другой стороны, по свидетельству Маркса, человек в процессе капиталистического производства занимается самоотчуждением, лишая себя человеческой сущности. Капитализм нуждается в функциях, а не в людях, поэтому обеспечивает условия для бесперебойного функционирования носителей капиталистических производственных отношений, а вовсе не для развития личности как самодовлеющей ценности. Глобализация усиливает эти тенденции, содействуя атомизации личности, ее оторванности от своих корней, от родных и близких. Важнейшим следствием «вымывания» из человека его существенных свойств оказывается кризис идентичности, который ряд ученых-обществоведов вполне

обоснованно оценивает как «центральный конфликт глобализации» [Федотова и др. 2008: 388–394].

Тенденция заменять людей роботами некоторое время тому назад воспринималась как проявление научно-технического прогресса и в общем-то оценивалась положительно, поскольку речь шла о промышленных роботах, заменяющих человека на тяжелых и опасных работах. Ныне, когда пропагандируются, например, «секс-роботы», стало очевидно, что объективный смысл роботизации состоит не в том, чтобы облегчить человеку жизнь, а в том, чтобы вытеснить из нашей жизни все человеческое. На помощь роботизации приходит либерализм. Традиционно отстаивая свободу человека от внешних форм принуждения, сегодня он содействует освобождению от человеческого содержания, которое, по мнению либералов, привязывает человека к другим людям и к обществу в целом, что и рассматривается как разновидность принуждения. С чем же остается человек? Получается, чем он бессодержательнее, тем свободнее. У него не должно быть прочных связей не только с его культурой или соотечественниками, но даже и с его физиологическими особенностями. Вот они, корни проблемы идентичности! Нет ничего устойчивого. Устойчивы только пустые формы типа «прав человека».

Все это означает, что история обесчеловечивается. Вот чего Маркс не мог предвидеть! Ему представлялось, что к середине XIX в. отчуждение человека достигло предела, следствием чего станет социальный взрыв. Оказалось, что нет предела «совершенству», даже если «совершенствуется» процесс расчеловечивания. Пока мы можем утешать себя тем, что еще не весь мир полностью глобализировался, как и не сложилось еще единого человечества. Однако события, связанные с наплывом мигрантов в Европу, свидетельствуют о том, что процесс продолжается в прежнем направлении: идет расчеловечивание через глобализацию. Чем бы ни объясняли западные политики необходимость привлечения мигрантов в развитые страны, сколь бы благими намерениями они ни руководствовались, объективно они работают на глобализацию, ускоренно втягивая значительные группы населения Земли в единое человечество и единый исторический процесс. Высокие жизненные стандарты являются хорошей приманкой для населения мировой периферии. В крайнем случае процесс «объединения» можно и подстегнуть, развязав в периферийных странах вооруженный конфликт – во имя свободы и защиты прав человека, разумеется.

Не возьмусь утверждать, будто все без исключения «поборники прав человека» – лицемеры и сознательно прикрывают показным милосердием свою работу в интересах «глобализаторов». Допускаю, что среди них есть действительно доброжелательные люди, искренне пытающиеся облегчить участь беженцев. Но как бы то ни было, здесь имеет место несовпадение объективных законов общественного производства – в данном случае законов капитализма в его глобальной стадии – и субъективного восприятия происходящего. Сторонники либеральной миграционной политики, возможно, думают, что защищают интересы обездоленных, но объективно содействуют процессам глобализации во всей их противоречивости, особенно обострению проблемы идентичности. В очередной раз Маркс оказался прав: в конечном счете объективная закономерность проложит себе путь через действия отдельных людей, не подозревающих об этом.

Можно ли что-то исправить в существующем положении вещей? Поставленный вопрос при всей его невинности способен расколоть Россию на два лагеря. Один лагерь составляют люди, в принципе согласные с Марксом в том, что глобализация – закономерный этап развития капитализма и вносить в нее поправки равносильно попыткам исправить недостатки капитализма: сиюминутные усовершенствования не возбраняются, иногда и нужны, но они – увы! – не в состоянии изменить суть капиталистического общества. Другой лагерь составляют поклонники либерализма, считающие, что существенных изменений в самой глобализации и не требуется; если что-то и надо исправлять, так это положение России в глобализирующемся мире. В вопросе о том, чего следует добиваться России в сложившихся условиях, в стане либералов наблюдаются разногласия: одни считают, что России надо постараться войти в «золотой миллиард» и стать полноправным конкурентом «цивилизованных» стран; другие полагают, что для нашей страны подойдет любой вариант вхождения в глобальные процессы, в том числе и нынешнее ее положение в качестве сырьевого придатка «цивилизованного» мира. Хотя в первом случае предлагается повышение статуса России на международной арене, что в глазах обывателя выглядит предпочтительным, в отличие от второго, низводящего страну до положения полуколонии, в обоих случаях признаются незыблемыми такие проявления глобализации, с которыми вряд ли стоит мириться: социальная несправедливость, хищническое отношение к природе, перспектива расчеловечивания человека, а вслед за ним – и истории. Более того, поклонники либерализма закрывают глаза на то, что либерализм, став господствующей идеологией, превратился в свою противоположность, и сегодня правомерно говорить уже о «либеральном тоталитаризме» [Видоевич 2010: 167–168]. В самом деле, все виды «свобод», некогда провозглашавшихся поборниками либерализма, свелись к свободе потребления, разумеется, для людей состоятельных. Всем остальным, согласно либеральной доктрине, никто не мешает стремиться стать состоятельными, значит, они «свободны».

Устраивает нас либеральная перспектива в любом ее варианте? Меня – нет. Тогда остается работать на преодоление капитализма, прекрасно понимая, что речь идет не о сиюминутном акте, а о длительном процессе, субъект которого, впрочем, еще не сложился. Понятно, что им не может быть пролетариат в прежнем смысле слова, а кто может – пока открытый вопрос. Ясно лишь, что в условиях расчеловечивания истории исторический субъект подменяется субъектом глобализации [Панфилова 2013: 52–55], что чревато утратой исторической субъектности как отдельным человеком, так и целыми странами.

Можно ли что-то противопоставить устранению исторической субъектности? Полагаю, что такая попытка уже предпринималась. Имеется в виду опыт формирования новой исторической общности – советского народа. Хотя опыт едва ли можно назвать удавшимся, все-таки он представлял собою попытку создать нечто принципиально новое в истории, а именно: новый исторический субъект. Важно подчеркнуть, что новый субъект формировался не в теории, а на практике, в совместной созидательной деятельности [Ее же 2017: 107–110]. Думаю, что этот опыт следовало бы продолжать и расширять, а не отказываться от него.

Некоторые надежды внушает движение ноосферизма [Субетто 2011], опирающееся на разработку идей В. И. Вернадского и в то же время содержащее практические выходы в социальную проблематику с опорой на марксизм. Правда, что удастся реально сделать в этом направлении, пока не совсем ясно. Тем не менее работа значима как в теоретическом, так и в практическом отношении, чему, однако, противодействуют господствующие тенденции глобализации.

* * *

Итак, К. Маркс внес достойный вклад в представления о глобализации. С ним нельзя не считаться, но нельзя им ограничиваться. Необходимо разрабатывать новые подходы, опираясь на достижения предшественников.

Литература

Видоевич З. Либеральный тоталитаризм // Роль конфликтологии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества: материалы III международного конгресса конфликтологов: в 2 т. Т. 1. Казань : КГТУ, 2010. С. 167–168.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 2000.

Маркс К. В редакцию «Отечественных записок» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные письма. М. : ОГИЗ, 1948. С. 313–316.

Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? / В. И. Ленин // Соч.: в 40 т. 4-е изд. Т. 1. М. : Полит. лит-ра, 1941.

Панфилова Т. В. О пользе и вреде философии истории. Saarbrűcken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.

Панфилова Т. В. Конец истории: мрачное пророчество или логически обоснованный вывод? // Философские науки. 2016. № 5. С. 7–23.

Панфилова Т. В. Культурная революция: размышления о прошлом в назидание будущему // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 4. С. 104–115.

Субетто А. И. Манифест ноосферного социализма / под науч. ред. Н. В. Егоркина. СПб. : Астерион; Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011.

Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М. : Культурная революция, 2008.

Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные письма. М. : ОГИЗ, 1948. С. 420–422.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1966.

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ КОНФЛИКТЕ ХРИСТИАНСКОЙ И ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Ковалев Ю. А.[*]

С позиций синергетической парадигмы исследован современный конфликт между Западом и мусульманской цивилизацией. Показано, что является ошибкой трактовать его как столкновение между христианством и исламом. Его следует рассматривать как конфликт между мусульманским фундаментализмом и феноменом, который можно назвать «дети эпохи Просвещения». Показано, что это противостояние может быть преодолено только на основе ценностного синтеза, на неизбежность которого еще в конце XIX в. указывал В. С. Соловьев (в наше время он исследовался В. С. Степиным).

Ключевые слова: *синергетика, мусульманство, христианство, Просвещение, аттрактор, волновая генетика, В. С. Соловьев, ценностный синтез, В. С. Степин.*

The sources of the modern conflict between the West and the Muslim civilization are studied from the standpoint of the synergetic paradigm. It is shown that it is fundamentally wrong to interpret it as a conflict between Christianity and Islam. It should be considered as a conflict between Muslim fundamentalism and the basic values of the phenomenon that can be called "children of the Enlightenment". It is shown that this conflict can be resolved only on the basis of value synthesis whose inevitability was pointed by Vladimir Soloviev already in the 19th century (and today it was studied by V. Stepin).

Keywords: *synergetics, Islam, Christianity, the age of Enlightenment, attractor, wave genetics, Vladimir S. Soloviev, value synthesis, Vyacheslav S. Stepin.*

Сегодня (на фоне ситуации в некоторых российских регионах, в странах Западной Европы, да и общемировых процессов) все острее встает вопрос о взаимоотношениях между христианами и мусульманами на повседневном, бытовом уровне. Как справедливо отмечают А. Н. Чумаков и М. С. Стычинский, «наиболее болезненно проходит очный диалог между представителями различных культур, поскольку в нем так или иначе оказывается задействованным целый комплекс культурно обусловленных идентификационных индикаторов, зачастую выступающих в качестве факторов, в значительной степени обособляющих собеседников» [Чумаков, Стычинский 2018: 7]. Кроме того, не снижается острота проблемы исламского терроризма. В этих условиях особую актуальность приобретает исследование сущности взаимоотношений между христианской и мусульманской цивилизациями. Причем актуальность таких исследований с годами станет лишь нарастать, ибо глобализация будет способствовать повышению напряженности межкультурного взаимодействия на разных уровнях и в различных форматах.

[*] Ковалев Юрий Александрович – к. филос. н., ученый секретарь Секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. E-mail: homme4@yandex.ru.

Вместе с тем сразу следует подчеркнуть: цивилизационного конфликта между христианством и мусульманством нет, поскольку сегодня отсутствует христианская цивилизация в первоначальном смысле этого слова.

Мне возразят: но разве не христианские ценности являлись и являются системообразующими для Западной Европы, где и происходит сегодня теснейшее взаимодействие между христианской и мусульманской цивилизациями?

Здесь все не так однозначно. Разумеется, христианское вероучение стало одним из важнейших элементов «ценностной канвы», сформировавшей современную Западную Европу, Запад в целом. Но с другой стороны, специалисты говорят о кризисе христианства в современном мире. Так, епископ Сергей Ряховский отмечает: «Что, на мой взгляд, и происходит сейчас во многих европейских (и не только европейских) деноминациях. Христос умер, чтобы избавить человечество от греха… Когда же вместо этого предлагается считать болезнь нормальным состоянием, когда библейская мораль приносится в жертву постмодернистской “толерантности” или когда ревизии подвергается сердцевина христианского учения – вопрос о вечном спасении, – это уже не христианство». И далее: «Может быть, правы те, кто считает, что нужно говорить о нашем времени не только как об эпохе постмодернизма… но и как *об эпохе постхристианства*?» [Ряховский 2008]. Аналогичную позицию занимает и протоиерей Владислав Ципин. Он пишет: пафос современной Европы – «устроиться так, как если бы Господь Иисус Христос не приходил никогда в этот мир» [Ципин 2015].

Сказанное означает: вскрыть сущность взаимоотношений между христианской и мусульманской цивилизациями удастся, только если будет найден инструмент для адекватного исследования процессов, происходящих ныне в духовной сфере Западной Европы.

Такой инструмент существует – это ***синергетика***.

Мне уже приходилось писать об этом [Ковалев 2017; 2018]. Поэтому я лишь коротко повторю ранее сказанное. Синергетика как метанаправление появилась в середине XX столетия и изучает развитие сложных самоорганизующихся открытых нелинейных систем [Аршинов 1999; Буданов 2008]. А человеческое общество как раз и является такой системой. Вот главное в синергетике:

а) любая сложная самоорганизующаяся система имеет цель развития – свое конечное состояние, расположенное вне данной системы. Оно, словно магнит, «организует из будущего» ее развитие. Конечное состояние системы называют аттрактором данной системы (от английского *attractor* – притягиватель);

б) только до тех пор, пока система находится в поле притяжения своего аттрактора, она успешно развивается; выпав из области его притяжения, система весьма быстро ложится на траекторию, ведущую к катастрофе.

> **Рассказывает эксперт.** Представим себе большой муравейник. Одного из муравьев, относящегося к типу «муравьи-разведчики» (они прекрасно ориентируются в пространстве), отнесли на несколько десятков метров от муравейника – муравей запаниковал и начал совершать хаотичные движения. Но вот муравья вернули обратно – вскоре он успокоился и «встроился» в систему взаимодействий.
>
> В категориях синергетики: муравей, убранный из муравейника, выпал из области притяжения аттрактора муравейника. Отсюда – состояние паники. Возвращение муравья в муравейник – это его возвращение в область притяжения аттрактора муравейника = в область «смысла».

Естественно, и человеческое общество имеет высшую цель своей эволюции. В иерархии аттракторов это – **Главный Аттрактор**.

> Возникает вопрос: а каким образом осуществляется воздействие Главного Аттрактора на сознание (и, следовательно, поведение) людей? Отвечая на него, приходится обращаться к области гипотез. Так, есть веские основания считать, что данное воздействие может быть описано в системе *волновой генетики.* Ее автор П. П. Гаряев утверждает, что наши молекулы ДНК являются «антеннами», обращенными в Космос. С их помощью идет прием управляющей космической информации. Проведены эксперименты, доказывающие истинность этого утверждения. Например, лягушачьи икринки помещаются в экранированную металлическую клетку, в которой созданы все условия для нормального развития икринок, за исключением одного: внешнее электромагнитное окружение снижено до предела и искажено. Иными словами, для икринок создано аномальное электромагнитное окружение (только гравитационное поле остается без изменений) – и оказывается, что икринки в таких условиях *превращаются в уродов*. Значит, ***имеет место волновая (полевая) регуляция, которая идет из Космоса*** [Гаряев 1997].
>
> Этот чрезвычайно важный вывод, видимо, должен быть дополнен так: идущая из Космоса (то есть от Главного Аттрактора) управляющая информация не только воздействует на *химико-физиологические* параметры жизни биологических организмов (в том числе и человека), но определяет также их ***базовые инстинкты****:* самосохранения, продолжения рода и пр. Но это лишь гипотеза, которую нужно проверять.

А теперь взглянем на схему европейского исторического процесса, предложенную в самом конце XIX в. выдающимся отечественным мыслителем В. С. Соловьевым [1988], ***с позиций синергетической парадигмы***. Конечно, такой взгляд, прослеживая лишь *общую направленность* общественных процессов в некоторой части мира, неизбежно оставит за скобками конкретику. В этом ее известная слабость. Но, с другой стороны, именно эта так называемая слабость и позволяет вскрыть *сущностные* параметры исследуемого процесса. (Рассматривая схему В. С. Соловьева, я буду использовать и некоторые выводы В. С. Степина, который в определенном смысле исходил из его идей.)

Итак, две тысячи лет назад на территории будущей Европы начала складываться, по определению Степина, цивилизация *традиционного* типа. Ее базовая система ценностей «полагала человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней; вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию»; «инновационная деятельность отнюдь не воспринимается здесь как высшая ценность, напротив, она имеет ограничения и допустима лишь в рамках веками апробированных традиций» [Степин 2011: 268, 84].

Как отмечалось выше, одним из важнейших элементов «ценностной канвы», сформировавшей современную Западную Европу, стало христианство. Христиан-

ский комплекс дал людям следующий смысловой стержень-коридор: *ценность имеет только Бог; человек во всем зависит от Него; земная жизнь человека – это лишь подготовка к Высшему Суду.*

Особо подчеркну: у христианского ценностного комплекса была еще одна, важнейшая роль – именно через его «посредничество» западноевропейцы были введены в поле притяжения Главного Аттрактора.

Что было дальше?

На базе христианства в Западной Европе сложилась тоталитарная общественная система. Тоталитаризм, практически не оставляющий места человеческой самостоятельности, по мере «взросления» европейцев стал помехой дальнейшему развитию промышленности, науки и внутреннего мира самого человека.

Поэтому примерно с XIV в. начала формироваться *техногенная* цивилизация. Как замечает В. С. Степин, «экстенсивное развитие истории здесь заменяется интенсивным… Самое главное и действительно эпохальное, всемирно-историческое изменение, связанное с переходом от традиционного общества к техногенной цивилизации, состоит в возникновении новой системы ценностей. Ценностью считается сама инновация, оригинальность». Идея «преобразования мира и подчинения человеком природы была доминантой в культуре техногенной цивилизации на всех этапах ее истории, вплоть до нашего времени. Если угодно, эта идея была важнейшей составляющей того “генетического кода”, который определял само существование и эволюцию техногенных обществ», а «идеал творческой, суверенной, автономной личности занимает одно из приоритетных мест в системе ценностей техногенной цивилизации» [Степин 2011: 84, 89].

Альтернативной «смысловой канвой» техногенной цивилизации стал комплекс **«Культура Просвещения»**: *только от личного выбора человека зависит – верить или не верить в Бога, ибо Бог не играет определяющей роли в практической жизни, человек всего должен добиваться сам.*

Итак, теперь все зависело только от людей. Обретенная ими «самостоятельность» открыла путь для взрывного роста достижений в естествознании, технике, культуре, для гигантского роста человеческого самосознания.

Но за это пришлось заплатить свою цену. Христианство перестало быть стержнем-коридором для западноевропейцев. В этих условиях боязнь «наказания за грехи», а также желание получить после смерти «воздаяние за праведные дела» не были больше главными мотивами для людей. Кроме того, стало исчезать (что естественно) и отношение населения Европы к лидерам своих государств как к помазанникам Божьим.

И встал вопрос: *как* управлять людьми в этих качественно изменившихся условиях? Ответ пришел. Примерно с XVI в. в Европе начали складываться рыночные демократические государства, строящиеся на системе сдержек и противовесов, в соответствии с идеальной моделью которой:

1) действуют по-настоящему независимые друг от друга законодательная, исполнительная и судебная власти;

2) обеспечивается «свободная игра политических сил» – финансовых и промышленных групп, политических партий;

3) реализуется право беспрепятственного контроля за важнейшими процессами в стране со стороны гражданского общества при особой роли здесь целостной системы негосударственных (то есть независимых от власти) СМИ;

4) все это строится, как на фундаменте, на признании безусловного приоритета интересов отдельного человека над интересами государства, так что любой человек может обжаловать в суде практически любые решения исполнительной и законодательной властей.

Плюс к этому «невидимая рука рынка» должна была (в идеале) регулировать производство на основе честной конкуренции равноправных товаропроизводителей.

Необходимо отдавать себе отчет в том, каким стал в обществе масштаб перемен, вызванных комплексом «Просвещение».

Вот время, когда христианство в Европе было государственной идеологий – всего два штриха:

• в 1215 г. создан особый церковный суд католической церкви под названием Святая инквизиция; расследование дел еретиков ведется епископскими судами; светские же власти *обязаны* приводить в исполнение выносимые ими смертные приговоры. При этом еретиками объявляются, в сущности, инакомыслящие – те, кто Библию признает Священным Писанием, а ее трактовку властями Ватикана – нет;

• в 1559 г. учрежден «Индекс запрещенных книг», по которому осуществляется цензура печатных изданий всего западного христианского мира.

Сформировавшаяся к сегодняшнему дню система сдержек и противовесов создала условия для реализации весьма эффективного контроля над властью со стороны общества и коренным образом изменила атмосферу в странах Запада. В самом деле:

• в США с 1967 г. действует Закон о свободе информации (*The Freedom of Information Act*), по которому любые данные, которые имеются в государственных структурах, являются общественным достоянием, и граждане США в принципе имеют к ним бесплатный доступ. Хотя ряд ведомств (Минобороны, ЦРУ, ФБР, НАСА) частично освобождены от исполнения данного закона, любой гражданин страны имеет право через суд потребовать рассекречивания их информации;

• с начала 1950-х гг. и до конца 1960-х гг. ЦРУ США осуществляло совершенно секретный проект «МК-Ультра» (MK-Ultra). Цель – поиск средств воздействия на психику и сознание человека; проводились опыты с использованием веществ нервно-паралитического действия, психотропных препаратов, а также электросудорожной терапии. Подопытные (более 5 тысяч человек) не знали об опытах, чаще всего это были заключенные, пациенты психиатрических клиник либо выходцы из низших слоев населения; часть из них получили серьезные психические расстройства, многие погибли. Свидетельства бывших подопытных легли в основу скандальной публикации в газете «Нью-Йорк Таймс» (1974 г.). Вскоре после ее появления Конгресс США создал специальную комиссию *для расследования деятельности ЦРУ* в годы осуществления программы. Ее председатель сенатор Ф. Черч открыто обвинил ЦРУ (!) в проведении нелегальных исследований, повлекших большое количество смертей. После этого сотни пострадавших, подав в суд на правительство США за причиненный ущерб, получили значительные денежные компенсации.

Я не буду продолжать этот список. Подчеркну только, что результаты, достигнутые «детьми эпохи Просвещения», сегодня должны рассматриваться как достояние всего человечества.

Однако превращение комплекса «Просвещение» в ведущий «смысловой коридор» для населения Западной Европы, при всем том положительном, о чем только что было сказано, дало еще один результат: Западная Европа, Запад в целом постепенно ***вышел*** из поля притяжения Главного Аттрактора. Этот факт и положил начало тому конфликту, который сегодня мы некорректно называем «цивилизационным противостоянием христианства и мусульманства». Почему?

Дело в том, что параллельно развертывался еще один процесс фундаментального значения: с VII в. начала складываться цивилизация, базирующаяся, в сущности, на ***тех же*** смысловых позициях, что и христианская. Я говорю об исламской цивилизации. Эта цивилизация через «посредничество» мусульманского ценностного комплекса также была введена в поле притяжения Главного Аттрактора.

Но, и это чрезвычайно важно, действие ценностей Просвещения ограничивалось ***только*** территорией Европы (затем, естественно, они стали достоянием и Соединенных Штатов Америки). Исламский мир ими затронут не был. Поэтому исламская цивилизация из поля притяжения Главного Аттрактора не вышла.

Конечно, последствия «отключения» Запада от Главного Аттрактора на практике проявились не сразу. Вместе с тем нельзя забывать, что объективно этот факт означал: *началось движение Запада по траектории, ведущей к смысловому тупику*.

Естественно, теоретики, разделяющие идеи исламского фундаментализма, не преминули воспользоваться этим обстоятельством для критики «современного безбожного Запада». Сегодня их аргументация идет по следующим линиям.

1. Ценностью Просвещения является свобода человека. Это означает, что человеку гарантировано право свободного доступа к информации. Любые ограничения со стороны государства есть нарушение этого фундаментального права. Поэтому основа современной культуры Запада – не запреты, а наоборот, открытое функционирование всей информационной гаммы – условно говоря, от развлечений, эротики, фильмов ужасов и криминальной хроники до философской фантастики: пусть каждый выбирает на свой вкус.

С одной стороны, в такой логике, конечно, есть рациональное зерно. Ведь любые запреты на информацию (давайте смотреть правде в глаза) сводятся в конце концов к толстому тому под грифом «совершенно секретно» и с примерно таким названием: «Перечень тем, не подлежащих освещению в открытых публикациях». А еще – к аппарату исполнителей (возможно, даже в камуфляже и с дубинками в руках).

Но продолжим смотреть правде в глаза: сегодня очень значительное число граждан западных стран не готово выбрать философскую фантастику, а требует развлечений, эротики, фильмов ужасов и криминальной хроники. Спрашивается, как можно в этих условиях, к примеру, воспитывать детей, если любая помощь в выборе – это неизбежно «давление»?

> До абсурда эта логика доведена в так называемой ювенальной юстиции. Она основана на *презумпции виновности родителей* и на *принципе приоритетности прав ребенка*. Там, где введен наиболее жесткий вариант ювенальной юстиции, учителя буквально боятся просить ученика принести журнал из учительской, вытереть доску в классе, даже на минуту задержать школьников после звонка, задать задание на дом – ведь

это «нарушает права ребенка». Кроме того, родители не имеют права регулировать доступ детей к «произведениям массовой культуры», ведь, к примеру, эротические журналы, книги, фильмы, компьютерные игры продаются свободно, и значит – родительский запрет есть «нарушение права ребенка на информацию и на выбор форм досуга». А наркомания рассматривается как, может быть, и не лучший, но все же допустимый выбор молодого человека.

2. Еще один принцип Просвещения – источником власти в стране является народ. Это означает, что легитимным, к примеру, президентом страны может стать только тот кандидат, за чью программу в ходе выборов проголосовало большинство избирателей. Программы кандидатов – это (по идее) документы, поднимающие стратегические вопросы развития страны. Но основная часть избирателей в любой стране – это не профессиональные политологи, экономисты, философы, социологи или историки! Поэтому они далеко не всегда могут глубоко проанализировать объективно противоречивые общественно-политические процессы и на этой основе сделать выбор. К тому же в ведущих странах Запада сегодня в нарастающих масштабах формируется тип людей не читающих, не имеющих систематических глубоких знаний, стремящихся получать простые ответы *по логике «да – нет»* на вопросы любой сложности. И поэтому кандидаты иной раз не столько обращаются к разуму людей, сколько используют технологии скрытого манипулирования сознанием избирателей. Речь идет, например, о комплексе методик так называемого эриксоновского гипноза (они дают возможность наведения «мягкого» трансового состояния без погружения объекта в сон) и его современной разновидности – нейролингвистического программирования (NLP). Понятно, что использование подобных технологий требует от кандидатов весьма больших денежных ресурсов. Кредитуют их обычно те или иные финансовые, промышленные (а то и откровенно криминальные) группы. Но «расплатиться» победивший кандидат может, лишь так или иначе лоббируя экономические или политические интересы этих групп. Это означает, что важным мотивом деятельности победителя оказываются иной раз отнюдь не интересы страны.

3. Поставил проблемы и рынок. Как известно, цель любого субъекта рынка – получение прибыли. И прибыль окажется тем больше, чем больше своих товаров (в условиях жесткой конкуренции) ему удастся продать. Отсюда его готовность создавать у людей даже *искусственные* потребности для практически непрерывного расширения ассортимента выпускаемой продукции. Это, во-первых, не слишком способствует росту общественной нравственности, во-вторых, вызывает нарастающую нагрузку на природу, а ее «терпению» однажды может прийти конец. Кроме того, рынок с неизбежностью породил имущественное расслоение граждан: сначала в рамках отдельных стран, позже – через деление государств на преимущественно богатые и преимущественно бедные. Сегодня же наличие в мире относительно бедных стран (а в них, между прочим, проживает подавляющее большинство человечества) стало главной предпосылкой как материального изобилия ведущих стран, так и всех достижений их социальной сферы. А это, разумеется, порождает эскалацию конфликта интересов, что чревато войнами различного масштаба. Да и сам человек в условиях рыночных отношений часто выступает в качестве товара.

4. Но одной из главных «точек критики Запада» стала проблема прав женщин. Исламские фундаменталисты уверены: борьба европейских и американских женщин за то, чтобы не быть только «машиной для продолжения рода», за равный с мужчинами доступ к высшему образованию и т. д. привела к тому, что сегодня на Западе разрушаются семейные ценности, трендом стал гедонизм и, как следствие, ориентация на бездетность (позволяющая «жить в свое удовольствие»), а не на продолжение рода; нарастают масштабы проституции, растет число однополых браков, складывается даже ощущение, что у многих европейских и американских женщин начал угасать материнский инстинкт.

При этом чрезвычайно опасно следующее. Исламские фундаменталисты и их сторонники, справедливо отмечая все эти кризисные проявления (представляющие собой на деле следствие выхода Запада из поля притяжения Главного Аттрактора), видят единственный выход из ситуации в *уничтожении* «безбожного Запада» и возвращении к принципу: *ценность имеет только Бог; человек во всем зависит от Него; земная жизнь человека – это лишь подготовка к Высшему Суду.*

Однако это – не единственная опасность.

Дело в том, что носителями указанных выше базовых позиций выступают ***не только и даже не столько люди***. Они существуют и независимо от сознания людей, в виде энергоинформационных комплексов – что-то вроде «коллективного бессознательного», как у К. Юнга. И поэтому «противостояние» между ценностями христианства и ислама развертывается прежде всего как битва комплексов коллективного бессознательного (ККБ).

«Действует» любой ККБ через *пассионариев*, людей, находящихся с ним в жесткой энергоинформационной связи и готовых пожертвовать собой (и другими!) ради защиты ценностей своего ККБ. Предельный случай – это исламский терроризм «против разлагающегося Запада».

Нужно ли удивляться тому, что в 2018 г. в ряде стран Евросоюза прошла волна митингов и манифестаций выросших здесь мусульман? Лозунги были просты и доходчивы: *«Нечестивые европейцы, убирайтесь из нашей страны. Вы настолько мерзкие и развратные, что мы уже не в состоянии жить рядом с вами. Нам уезжать некуда, мы здесь родились и выросли, но с такими, как вы, мы жить больше не можем!»*

Особо подчеркну: никакими ***силовыми*** действиями (например, с помощью полицейского или военного давления) противостояние ККБ не снять. Необходим иной способ.

Его логика специалистам известна.

Все существующие ККБ непрерывно взаимодействуют друг с другом по схемам: конкуренция, конфронтация и подчинение «более конкретных» «более общим». Нас сейчас интересует схема «подчинение», поскольку, как предсказывал В. С. Соловьев, должен возникнуть **синтез** двух ранее использованных смыслов. А произойдет это как раз на базе схемы «подчинение». Иначе говоря, на новом витке эволюции должно родиться сочетание: а) постулируемой в христианской Европе и мусульманском мире зависимости человека «от Небесного» в ущерб материальному миру и б) постулируемой культурой Просвещения «заточенности» людей на материальный мир и самостоятельности в ущерб «Небесному».

Сегодня об этом так пишет В. С. Степин: синтез традиционной и техногенной систем ценностей «будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью этих двух векторов. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание» [Степин 2011: 269].

Таким образом, в рамках синтеза (который, подчеркну, может возникнуть *только* в поле притяжения Главного Аттрактора) начнут постепенно «сниматься» различия ценностей современного Запада и мусульманского мира.

Приведу пример ценностного синтеза. Как отмечалось ранее, Главный Аттрактор содержит в себе не только «конечное» состояние, проект человеческого общества, но и набор требований, выполнение которых обеспечивает реализацию этого проекта. Одно из них – требование рождения физически, умственно и психически полноценного потомства в количествах, достаточных для поддержания человеческого рода.

Поскольку в средневековой Европе христианский ценностный комплекс *удерживал* людей в поле притяжения Главного Аттрактора, семейные ценности, в том числе многодетность, для подавляющего большинства были самоочевидными, и с продолжением человеческого рода проблем не возникало.

Но, оказавшись вне поля притяжения Главного Аттрактора, «дети эпохи Просвещения» постепенно ***перестали*** инициироваться требованием поддержания человеческого рода!

Попадание в поле притяжения Главного Аттрактора постепенно снова вернет единственно нормальное отношение людей к вопросу продолжения рода.

Однако это не станет банальным возвращением к принципу «женщина – друг человека» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Будут найдены «технологии», позволяющие, с одной стороны, осуществлять воспроизводство человеческого рода, а с другой – делать это без ущемления интересов будущих родителей.

Литература

Аршинов А. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999.

Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. 3-е изд., испр. М., 2008.

Гаряев П. П. Волновой генетический код. М. : ИЗДАТЦЕНТР, 1997.

Ковалев Ю. А. Новая геополитическая реальность и вопросы идеологии // Век глобализации. 2017. № 4. С. 15–22.

Ковалев Ю. А. Многополярный мир как новый вызов для России: доклад. М. : РИОР: ИНФРА-М, 2018.

Ряховский С., еп. Постхристианство // НГ-религии. 2008. 21 мая.

Соловьев В. С. Три силы / В. С. Соловьев // Соч.: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1988.

Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011.

Ципин В., прот. Европа христианская и постхристианская [Электронный ресурс] : Православие.Ru. 2015. URL: https://pravoslavie.ru/79691.html.

Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. 2018. № 1. С. 3–14.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Леонова О. Г.[*]

Глобальные политические вызовы – это следствие противоречивого процесса развития политической глобализации, потенциальные точки политической бифуркации, которые необходимо предупредить.

Глобальные политические вызовы, будучи проигнорированными и оставленными без ответа, могут перерасти в глобальные политические проблемы, а те, в свою очередь, не находя решения, эволюционируют в глобальные политические риски.

Глобальные политические вызовы есть «эмбриональное» состояние зарождающихся глобальных политических проблем.

Существуют два типа глобальных политических вызовов: локальные, которые имеют четкую географическую локализацию и являются наиболее острыми именно в месте своего происхождения, и вызовы, которые имеют глобальный характер. Они не привязаны к определенной географической точке и затрагивают судьбу всего человечества.

Глобальные политические вызовы классифицируются по следующим параметрам: с точки зрения субъекта; с точки зрения причинно-следственных связей; с точки зрения масштаба; с точки зрения временного континуума; по объекту своего воздействия; по характеру производимого эффекта.

Динамика глобальных политических вызовов зависит от комплекса объективных и субъективных причин, а именно: темпов и характера развития глобальной экономики; объемов глобальной торговли; интенсивности глобальных финансовых потоков и объемов инвестиций; деятельности политических лидеров и других глобальных акторов и принимаемых ими политических решений.

Оставаясь без ответа, глобальные политические вызовы могут спровоцировать тенденцию деглобализации.

Возможны три сценария развития мировой политической системы в зависимости от реакции общества на глобальные политические вызовы. Первый сценарий: глобальные политические вызовы игнорируются; второй сценарий: политические элиты не желают или не имеют возможности ответить на глобальные политические вызовы; третий сценарий: мировое сообщество объединяет усилия, чтобы ответить на эти глобальные вызовы. В статье рассматриваются последствия реализации каждого из данных сценариев.

[*] Леонова Ольга Георгиевна – д. полит. н., доцент, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: politolga@gmail.com.

Век глобализации 3/2019 61–72 ***DOI: 10.30884/vglob/2019.03.05***

Ключевые слова: *глобализация, глобальные вызовы, глобальные политические вызовы, глобальные проблемы, глобальные риски.*

Global political challenges are a consequence of a contradictory development of political globalization and they are potential points of political bifurcation that should be prevented. If ignored and left unresolved the global political challenges can evolve into global political problems, and the latter in turn, being unsolved, can devolve into global political risks. The global political challenges are embryonic state of the emerging global political problems

There are two types of global political challenges: local ones with a clear geographical location and the most acute in their place of origin and challenges that are global in nature. The latter are not tied to a peculiar geographical point and relate to the fate of the whole humankind. Global political challenges are classified according to the following parameters: their subject; the cause-and-effect relations; scale; the time span; the affected object; nature of the produced effect.

The dynamics of global political challenges depends on a set of objective and subjective causes, namely: the pace and nature of the global economy, the volume of global trade, the intensity of global financial flows and investment, the activities of political leaders and other global actors and their political decisions. If the global political challenges are left unresolved, they may trigger the de-globalization trend.

There are three possible scenarios for the development of the global political system. The first scenario: global political challenges are ignored; the second scenario: political elites are unable to respond to global political challenges; the third scenario: the world community unites in order to respond to these global challenges. The article discusses the consequences of each of these scenarios.

Keywords: *globalization, global challenges, global political challenges, global problems, global risks.*

Глобальные политические вызовы: определение, сущность

Глобализация порождает определенные вызовы человеческому сообществу, поиск ответов на которые может либо стимулировать его дальнейшее развитие, либо привести к его деградации или даже поставить под угрозу само его существование.

Вызовы глобализации – популярный термин, который охотно используют ученые, политики и журналисты. Однако в науке четкого определения это явление еще не получило, в отличие от понятия «глобальные проблемы», которые уже давно являются предметом анализа многих выдающихся ученых. Наиболее известные статьи зарубежных авторов вошли в изданную в России антологию «Новая постиндустриальная волна на Западе» [1999]. Большой вклад в исследование глобальных проблем внесли и выдающиеся российские ученые, среди которых В. В. Загладин, И. Т. Фролов, А. Н. Чумаков и др. [Загладин, Фролов 1981; Чумаков 2017].

Долгое время было не принято разграничивать два понятия – «проблемы» и «вызовы» (*challenges*) [Чумаков, Иоселиани 2015: 47]. Часто их путают друг с другом или рассматривают как синонимы.

Challenge в переводе с английского – это вызов, или нечто, требующее много навыков, энергии и решимости, чтобы справиться с задачей [Macmillan… 2006: 221].

Глобальные вызовы – это постановка вопроса или задачи, которые порождаются глобализацией и требуют ответа и решения.

В глобалистике еще практически не было работ, в которых глобальные *политические* вызовы выделялись бы в отдельный вид и исследовалась их природа. Поэтому цель данной статьи – попытаться дать определение понятию «глобальные политические вызовы», описать их сущность и содержание, классифицировать.

Глобальные *политические* вызовы – это следствие противоречивого процесса развития политической глобализации, потенциальные точки политической бифуркации, которые необходимо предупредить.

Требуется не только фиксировать глобальные вызовы, но и незамедлительно формулировать на них ответы, тем самым упреждая неизбежные негативные явления.

Однако многофакторность глобализации затрудняет выработку рекомендаций для формирования ответов на ее вызовы, требует учета множества характеристик и индикаторов, которые не всегда поддаются вычислению и анализу.

Глобальные политические вызовы могут оказывать существенное воздействие на структуру и функционирование как мировой политической системы в целом, так и отдельных государств.

Глобальные политические вызовы, существующие в сфере международных отношений и мировой политики, могут влиять на жизнь отдельных людей и (если на них не дать своевременный ответ) даже ставить под угрозу жизни будущих поколений.

В последнее время мы все больше убеждаемся, что прогресс глобального развития становится все более зависим от ситуации в мировой политике. Сложная, критическая ситуация в системе международных отношений, возрастание нестабильности, турбулентности и конфликтности может затормозить глобальное развитие, повернуть его вспять и даже положить начало процессу деглобализации.

Глобальные политические вызовы, будучи проигнорированными и оставленными без ответа, могут перерасти в острые глобальные политические ***проблемы****, а те, в свою очередь, не находя решения, эволюционируют в глобальные политические* ***риски***.

Таким образом, *глобальные политические вызовы есть как бы «эмбриональное» состояние зарождающихся глобальных политических проблем.*

Существует сложная многоуровневая взаимосвязь и взаимозависимость между глобальными политическими вызовами, международной политической системой и жизнедеятельностью всего человечества.

Хотя будущее глобализации непредсказуемо, мы можем прогнозировать негативное влияние на нее глобальных политических вызовов, если они будут проигнорированы, а вопросы, которые они ставят, не найдут своего решения.

Причем ответ на них должен быть сформулирован незамедлительно, поскольку глобальный мир развивается с огромной скоростью, в процессе своего развития порождая новые, более жесткие глобальные политические вызовы.

При этом можно заметить, что если экономическая, культурная и информационная глобализация развиваются весьма динамично, то политическая глобализация стагнирует или даже порождает тенденцию к политической фрагментации глобального мира и формированию закрытых политических сообществ. (Европейский союз – это также закрытое сообщество, которое уже подошло к пределу своего расширения.)

Глобальные структурные изменения мировой политической системы, происходящие под влиянием глобализации, ведут к изменениям в содержании, направлениях и целях глобального развития вообще.

Многие (пожалуй, даже большинство) из этих изменений вызваны процессом перехода от однополярного мира к миру многополярному (уже сейчас) и полицентричному (в будущем).

Методология исследования

Сегодня человечество столкнулось с необходимостью управлять сложной системой глобальных политических процессов, которые несут в себе множество противоречивых тенденций. По мере развития глобализации и ее перехода на новый качественный уровень (глобализация «новой волны») становится все труднее не только управлять ими, но даже познавать их и отвечать на все новые вызовы [подробнее см.: Леонова 2018; Ильин, Леонова 2017].

Глобальные политические вызовы и глобальные политические изменения представляют собой сложное многоуровневое взаимодействие и требуют использования комплексного междисциплинарного подхода к их исследованию.

Хотя дальнейшее развитие глобализации невозможно спрогнозировать, жизненно важно выявить, какое влияние эти глобальные политические вызовы будут оказывать на наше общее глобальное будущее. Необходимо определить грань, на которой они перерастают в глобальные политические проблемы, а те, в свою очередь, эволюционируют до степени глобальных политических рисков. Дополнительную сложность представляет и тот факт, что в анализе должна быть учтена ситуация глобальной политической нестабильности, сложившаяся в последнее время. Поэтому моделирование глобальных политических вызовов и прогнозирование их возможных последствий требует комплексного интегрального подхода и использования различных методов политического анализа.

Разнообразие, противоречивость глобальных вызовов, их влияние на различные стороны жизнедеятельности человека (экономику, социальную и информационную сферу, культуру, экологию и т. д.) вызывает необходимость использовать в процессе их анализа *междисциплинарный интегрированный подход.*

Этот подход помогает выбрать стратегические приоритеты и сформировать эффективные средства их достижения, а также дает возможность а*кцентировать ценностные приоритеты, цели и идеалы*, касающиеся формирования будущего глобального общества.

Данный подход создает определенные рамки для выбора действий в ответ на существующие глобальные политические вызовы с ориентацией на дальнейшие перспективы глобального развития.

Он также позволяет ранжировать глобальные политические вызовы с точки зрения благоприятных или неблагоприятных перспектив их решения.

Данный методологический подход позволяет установить взаимосвязь между политическими, экономическими и социально-культурными процессами глобального сообщества и выделить глобальные политические вызовы в самостоятельный тренд и результат глобального развития.

Этот подход ориентирован на анализ не просто статичного феномена глобальных политических вызовов, но на *изучение их в процессе развития* со всем комплексом тенденций и контртенденций, что позволяет увидеть достаточно большое разнообразие будущих сценариев развития.

Таким образом, данная методология сочетает в себе:

– комплексный, междисциплинарный;

– ценностно-ориентированный;

– процессуально-ориентированный подходы.

Разумеется, в одной статье невозможно описать все существующие глобальные политические вызовы. Поэтому необходимо определить контурные рамки исследования, а именно – о каких конкретно глобальных политических вызовах пойдет речь.

При выборе существующих глобальных политических вызовов мы исходили из двух критериев: первый – степень влияния на жизнь и будущее современного глобального сообщества; второй – степень объективности их природы и сама возможность их анализа.

Гипотеза исследования

Анализ глобальных политических вызовов основан на следующих положениях.

• Сумма глобальных политических вызовов – это комплексная система взаимосвязанных причин и следствий, в которой человеческий фактор играет большую роль.

• Глобальные *политические* вызовы тесно взаимосвязаны с *экономическими* трендами развития глобализации. Они являются, с одной стороны, их следствием и результатом формирования глобальной экономики, с другой – могут сами стать причиной экономических глобальных проблем и вызовов, когда принимаются неэффективные политические решения.

• Существует тесная взаимосвязь, взаимозависимость и взаимообусловленность глобальных политических, экономических, социальных, культурных, информационных и экологических вызовов.

• Если глобализация является объективным явлением, то глобальные политические вызовы – очень часто результат деятельности политических лидеров, политического истеблишмента различных стран и глобальных акторов в целом, что обусловливает их субъективный, а зачастую и искусственный характер.

• Субъективный характер глобальных вызовов дает возможность сформулировать адекватный ответ и найти пути решения возникающих глобальных политических проблем. В отличие от глобальных вызовов и проблем в сфере экологии, многие из которых носят необратимый характер, глобальные политические проблемы при наличии доброй политической воли – прежде всего глобальных лидеров – могут быть решены.

• Глобальные политические вызовы, которые остаются без ответа, перерастают в глобальные политические *проблемы*. Нерешенные глобальные политические проблемы перерастают в глобальные политические *риски*, которые грозят разрушить мировую политическую систему.

Результаты и дискуссия

Различные дискурсы, в которых применяется термин «глобализация», приводят к некоторой путанице. Термин «глобальные политические вызовы» часто используется в контексте негативных изменений, которые происходят в окружающей среде под влиянием человеческой деятельности. Сегодня глобальные политические вызовы – это некое «зонтичное» понятие, которое охватывает не только чисто политические, но и целый ряд экономических, социальных, культурных, информационных, экологических проблем развития глобального мира в их тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Таким образом, понятие «вызовы» становится синонимом и подменяется понятием «проблемы», что не совсем верно.

В данной статье термин «глобальные политические вызовы» используется для обозначения суммы изменений, происходящих в процессе политической глобализации, являющихся ее следствием, оказывающих влияние на все сферы человеческой жизнедеятельности и особенно ярко проявляющих себя в сфере геополитики. Напомним, что мы рассматриваем данные вызовы как некое «эмбриональное» состояние зарождающихся глобальных политических проблем.

Можно выделить *два типа* глобальных политических вызовов, которые тем не менее тесно связаны между собой.

Во-первых, локальные, которые возникают в определенном месте, имеют четкую географическую привязку и являются наиболее острыми именно в месте своего рождения, но при этом оказывают большое влияние на развитие всего глобального человечества. Например, это вопрос денуклеаризации Корейского полуострова, размывание демократии в западных странах, ослабление лидерства США [Alden, Strauss 2016]

Во-вторых, это вызовы, которые имеют именно глобальный характер, они не привязаны к определенной географической точке и затрагивают судьбу всего человечества. Таковыми, например, являются глобальная нестабильность, тенденция роста популизма и национализма как в развитых, так и в развивающихся странах, возрастание неравенства между Западом и Югом и т. д.

Глобальные политические вызовы имеют *темпоральный характер*. Есть «старые» вызовы, на которые человечество еще не смогло дать ответ, но с течением времени появляются и новые глобальные политические вызовы.

Примерами глобальных политических вызовов, которые образовались в конце XX в., но не решены до сих пор, являются:

– наличие у стран большого количества вооружений, что порождает необходимость затратной конверсии военного производства в гражданское;

– угроза распространения ядерного оружия в странах глобальной периферии;

– обострение политической борьбы за контроль над локальными геополитическими пространствами, особенно богатыми ресурсами или занимающими стратегически выгодное положение [Friedman, Rapp-Hooper 2018];

– экономический разрыв и политическая дистанция между Севером и Югом, между глобальным центром и глобальной периферией [El-Ojeili, Hayden 2006].

В XXI в. появились новые вызовы и задачи, которые требуют скорейшего решения. Это:

– слабое управление глобальными политическими процессами, необходимость становления и повышения качества системы глобального управления [Chase-Dunn, Inoue 2010];

– отсутствие консенсуса в решении международных проблем, порождающее усиление нестабильности и турбулентности глобальных политических процессов [Eighth… 2017; Goldin, Mariathasan 2015];

– тенденции роста популизма и национализма как в развивающихся, так и в развитых странах [Hu, Spence 2017; Rosenboim 2017];

– размывание демократии, становление и укрепление авторитарных режимов в развивающихся странах (особенно ярко эта тенденция прослеживается в Азии) [Daalder, Lindsay 2018; Kotkin 2018];

– диффузия глобального лидерства, появление признаков потери Соединенными Штатами статуса глобального гегемона [Eberstadt 2017; McKeon, Tess 2018];

– формирование конклавов транснационального терроризма;

– волны неуправляемой миграции в Европе, Азии, Америке и др.

Актуальной является проблема классификации существующих глобальных политических вызовов. Мы считаем, что ее не следует подменять существующими во множестве классификациями глобальных проблем, поскольку у них разные качественные состояния и степень выраженности.

В соответствии с выдвинутой гипотезой глобальные политические вызовы можно **классифицировать** по следующим параметрам:

1. С точки зрения субъекта:

– вызовы, которые являются результатом принятия неверных политических решений и политического (непреднамеренного) просчета;

– вызовы, которые являются результатом безответственных решений и действий (преднамеренного характера).

2. С точки зрения причинно-следственных связей:

– вызовы, которые являются прямым или косвенным следствием других глобальных процессов (экономических, социальных, культурных, информационных, экологических).

3. С точки зрения масштаба:

– глобальные политические вызовы, которые имеют локальный масштаб, однако влияют на международную ситуацию в мире;

– глобальные политические вызовы, охватывающие всю мировую политическую систему и таким образом имеющие действительно глобальный масштаб.

4. С точки зрения временного континуума:

– глобальные политические вызовы, которые носят темпоральный и ситуативный характер (рост национализма и популизма в разных странах мира, независимо от их уровня развития; потеря Соединенными Штатами лидерства; эрозия демократии);

– глобальные политические вызовы, имеющие долговременный характер, те, которые требуют длительного процесса и совместной кооперации усилий всего

мирового сообщества (неравенство и разрыв в развитии между развитыми странами Запада и развивающимися странами Азии и Африки, рост нестабильности и турбулентности глобального мира).

5. По объекту своего воздействия:

– глобальные политические вызовы, которые влияют на экономическую сферу жизнедеятельности мирового и локальных сообществ;

– глобальные политические вызовы, которые влияют на социальную сферу жизнедеятельности мирового и локальных сообществ;

– глобальные политические вызовы, которые влияют на культурную, духовную и этическую сферу жизнедеятельности мирового и локальных сообществ;

– глобальные политические вызовы, которые влияют на экологическую сферу жизнедеятельности мирового и локальных сообществ (отказ США подписать Парижское соглашение по климату);

– глобальные политические вызовы, которые влияют на информационную сферу жизнедеятельности мирового и локальных сообществ (так называемая *sharp power*).

6. По характеру производимого эффекта:

– глобальные политические вызовы, которые оказывают кумулятивный эффект на мировую систему (нестабильность, турбулентность, отсутствие безопасности жизнедеятельности; увеличивающийся разрыв между развитыми странами Запада и развивающимся странами Юга);

– глобальные политические вызовы, которые имеют сингулярный эффект, влияя на конкретную систему (или сферу жизнедеятельности общества, например, рост популизма и национализма, потеря лидерства Соединенными Штатами, размывание демократии).

Динамика глобальных политических вызовов зависит от комплекса объективных и субъективных причин. Среди *объективных* причин, которые стимулируют появление глобальных политических вызовов, можно назвать следующие: темпы и характер развития глобальной экономики, объемы глобальной торговли, интенсивность глобальных финансовых потоков и объемов инвестиций, характер изменения климата на планете, количество стихийных бедствий и т. д.

К *субъективным* причинам появления глобальных политических вызовов относятся: деятельность политических лидеров, политических элит, международных организаций, других глобальных акторов (НГО, НПО, ТНК) и принимаемые ими политические решения. Эта *динамика* также зависит от поведения субъектов политического процесса на глобальном, локальном и индивидуальном уровне. В свою очередь, такое поведение обусловлено рядом экономических факторов (уровень жизни, качество жизни, доступность материальных и социальных благ, степень удовлетворения потребностей и т. д.); политических факторов (соображения безопасности); социально-культурных факторов (желание сохранить свою культурную и этническую идентичность); экологических факторов (осознанная необходимость сохранения окружающей среды); информационных факторов и их влиянием на общественное и индивидуальное сознание людей.

Все это подчеркивает взаимосвязь и взаимозависимость различных видов глобальных вызовов.

Заключение

Анализ показывает, что если на существующие глобальные вызовы не будут даны соответствующие ответы, последствия могут быть катастрофическими для всего глобального человечества. Глобальные политические вызовы неизбежно будут перерастать в глобальные политические проблемы и в дальнейшем в глобальные политические риски, которые поставят под угрозу глобализацию в целом [Meeting… 2017].

Глобальные политические вызовы тесно связаны с экономическими, культурными, экологическими, информационными процессами глобализации и оказывают на них большое влияние. Они могут оказать негативное влияние на процессы экономической глобализации, затормозить процессы экономической интеграции и кооперации, что неизбежно приведет к глобальному экономическому кризису и нарастанию тенденций деглобализации [Haass 2017].

Рассмотрение глобальных политических вызовов с точки зрения междисциплинарного, интегративного, ценностно- и процессуально-ориентированного подхода подтверждает нашу гипотезу об их характере, сущности и последствиях.

Относительно судьбы глобального мира и мировой политической системы с точки зрения влияния на них глобальных политических вызовов возможны **три сценария**.

Первый сценарий: глобальные политические вызовы игнорируются, глобальный мир впадает в политическую стагнацию, когда сохраняются все негативные его черты: повышенная нестабильность, стагнация, турбулентность, разрыв между странами Севера и Юга и т. д. В ситуации затухающего лидерства США образуется лакуна глобального управления и глобальной ответственности за состояние дел в мире, что может привести к ситуации хаоса. Но время идет, и по мере его течения все труднее будет искать и находить адекватные ответы на глобальные политические вызовы.

Второй сценарий: политические элиты не желают или не имеют возможности ответить на глобальные политические вызовы. В результате эти вызовы постепенно перерастают в глобальные политические *проблемы*. Если данные проблемы не найдут своего решения, они перерастут в глобальные политические *риски* и начнут угрожать существованию всего планетарного человечества.

Игнорирование глобальных политических вызовов приведет к тому, что и наше, и последующие поколения будут жить в турбулентном мире и в ситуации неуправляемого хаоса с постоянной угрозой развязывания ядерной войны; жесткой конкуренции за глобальное лидерство глобальных держав, которые будут использовать любые средства вплоть до развязывания военных конфликтов, чтобы его достичь; фрагментации глобального политического пространства на закрытые этнические общности, скрепленные сознанием собственной национальной исключительности; сползания ранее демократических режимов в авторитаризм и формирования на мировой периферии тоталитарных режимов как реакции на депопуляцию, деиндустриализацию и декультурацию (термины А. С. Панарина [2000: 352]) территорий национальных государств.

Третий сценарий: мировое сообщество объединяет усилия, чтобы достойно ответить на эти глобальные вызовы, что приведет к состоянию большей устойчивости мировой политической системы, возможному формированию эффективного

коллективного глобального управления и коллективной ответственности глобальных акторов. Но все это не гарантирует возникновения со временем новых глобальных политических вызовов.

Существует несколько вариантов возможных ответов на глобальные политические вызовы, но их принятие и последующие действия по их реализации не будут простыми и потребуют консенсуса и координации политики всего мирового сообщества. Однако отсрочка принятия таких мер может снизить их эффективность и позволит существующим вызовам перерасти в сложно решаемые политические проблемы.

Все три сценария несут в себе потенциальные риски, в них присутствуют элементы неопределенности, но они дают возможность для существования иных точек зрения на будущее глобального мира с позиций экономической или социокультурной глобализации. Будущие исследования глобальных политических вызовов должны фокусироваться на изучении проблемных полей, которые их порождают, ситуаций неопределенности, которые размывают видение причин и последствий данных вызовов, формулировании ответов на них и поиске способов решения поставленных задач, формировании адекватной политики незамедлительного реагирования на вызовы, способного предотвратить их перерастание в глобальные политические проблемы и риски. Вопрос сегодня стоит остро: сможем ли мы обеспечить будущим поколениям условия мира, стабильности и развития во всех областях жизнедеятельности, где политическая сфера занимает особо важное место?

Существующие глобальные вызовы, включающие в себя целый комплекс вопросов: от изменения климата до проблем ядерного разоружения, требуют взвешенных и эффективных ответов, которые в свою очередь должны быть подкреплены коллективными действиями всех стран на основе совместно выработанной стратегии. Сегодня такой коллективной работы нет или она выливается в малоэффективные дебаты с навешиванием политических ярлыков, применением санкций и выталкиванием страны из круга принимающих решений глобальных лидеров с официальным объявлением ее государством-парией [Ikenberry 2018].

Это ведет к росту дисбаланса в глобальной экономике и политическому напряжению, которое уже находится на стадии перехода в открытую конфронтацию и гонку вооружений. Все это подрывает сложившиеся правила мировой торговли, нарушает течение финансовых потоков и инвестиций, грозит началом борьбы стран глобальной периферии за первенство в глобальной экономике и политике и переходом к стадии неуправляемого хаоса [Council… 2018].

Литература

Загладин В. В., Фролов И. Г. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М. : Международные отношения, 1981.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Глобализация, интеграция и устойчивое развитие. Международный форум G7 // Экономика и управление: проблемы, решения. Научно-практический журнал. 2017. Т. 2. № 9. С. 66–71.

Леонова О. Г. Концептуализация понятия «глобализация» в современной науке // Век глобализациии. 2018. № 1. С. 15–24.

Новая индустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999.

Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М. : Алгоритм, 2000.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017.

Чумаков А. Н., Иоселиани А. Д. Философские проблемы глобализации. М. : Университетская книга, 2015.

Alden E., Strauss R. How America Stacks Up. Economic Competitiveness and U.S. Policy // Council on Foreign Relations. 2016. January.

Chase-Dunn Ch., Inoue H. Global State Formation and Global Democracy. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://irows.ucr.edu/papers/irows55/irows55.htm?fbclid=IwAR2LSNa_iBHB3u_J7kiqAVhsj2TBiirlsRjkT_E_wZj11-FSO8g_fEpdAi0 (дата обращения: 15.03.2019).

Council of Councils. Eleventh Regional Conference. New York : International Institutions and Global Governance Program, 2018.

Daalder I., Lindsay J. The Committee to Save the World Order. America's Allies Must Step Up as America Steps Down [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 2018. September 30. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-09-30/committee-save-world-order?cid=nlc-fa_twofa-20181004 (дата обращения: 18.12.2018).

Eberstadt N. Men without Work: America's Invisible Crisis. New York : Templeton Press, RRP, 2017.

Eighth Annual Back-to-School Event on Globalization. CFR Campus Events. October 13, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cfr.org/event/eighth-annual-back-school-event-globalization (дата обращения: 28.01.2018).

El-Ojeili C., Hayden P. Critical Theories of Globalization. New York : Palgrave Macmillan, 2006.

Friedman L. R., Rapp-Hooper M. The Liberal Order is More than a Myth. But it Must Adapt to the New Balance of Power [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 2018. July 31. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2018-07-31/liberal-order-more-myth?cid=nlc-fa_fatoday-20180731) (дата обращения: 10.12.2018).

Goldin I., Mariathasan M. The Butterfly Defect: How Globalization Creates Systemic Risks, and What to Do about It. Princenton : Princeton University Press, 2015.

Haass R. N. A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. New York : Penguin Book, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cfr.org/teaching-notes/world-disarray (дата обращения: 12.02.2019).

Hu F., Spence M. Why Globalization Stalled And How to Restart It [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 2017. July/August. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017-06-13/why-globalization-stalled?cid=emc-jun17_Promo_b-content (дата обращения: 24.02.2019).

Ikenberry J. The End of Liberal International Order? [Электронный ресурс] : International Affairs. 2018. No. 94(1). Pp. 7–23. URL: https://www.chathamhouse.org/publication/ia/end-liberal-international-order (дата обращения: 10.03.2018).

Kotkin S. Realist World. The Players Change, but the Game Remains [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 2018. June 14. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2018-06-14/realist-world?cid=nlc-fa_fatoday-20180614 (дата обращения: 12.02.2019).

Macmillan English Dictionary. Oxford : Bloomsberry Publishing, 2006.

McKeon B., Tess C. United States Foreign Policy. How Congress Can Take Back Foreign Policy [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 2018. November 7. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-11-07/how-congress-can-take-back-foreign-policy?cid=nlc-fa_twofa-20181108 (дата обращения: 12.03.2019).

Meeting Security Challenges in a Disordered World [Электронный ресурс] : Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2017. June 7. URL: https://www.csis.org/events/meeting-security-challenges-disordered-world (дата обращения: 08.03.2019).

Rosenboim O. Globalism and Nationalism. Why Interconnectedness Does Not Threaten Sovereignty [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 2017. July 10. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2017-07-10/globalism-and-nationalism?cid=nlc-fa_fatoday-20170711 (дата обращения: 15.01.2019).

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Крылова И. А.*

Статья посвящена проблеме обеспечения информационной безопасности в век глобализации, а также анализу информационных войн, которые являются частью современной информационной реальности. Выявлена специфика информационно-технической войны, кибервойн; информационно-психологической войны (и ее связь с «цветными революциями»); технологий «управляемого хаоса». Сделан вывод о необходимости выработки универсального международно-правового документа, касающегося возникновения новых угроз в сфере информационной безопасности. Показано, что в условиях дальнейшего ужесточения антироссийских санкций и потенциальной угрозы отключения Российской Федерации от Интернета необходимо создавать независимый Рунет, форсировать развитие отечественных информационных технологий, чтобы не быть зависимыми от Запада. Иначе говоря, совершенствовать систему обеспечения информационной безопасности России.

Ключевые слова: *век глобализации, информационное общество, информационно-техническая война, кибервойна, информационно-психологическая война, «цветная революция», «управляемый хаос», информационная безопасность, кибербезопасность, национальная безопасность.*

The article is devoted to the problem of ensuring information security in the age of globalization, as well as the analysis of information wars, which are the part of the modern information reality. The author defines peculiar features of information-technical warfare, cyber wars; information-psychological war (and its connection with 'color revolutions'); technology of 'controlled chaos'. The conclusion is made about the necessity to develop a universal international legal document touching the emerging threats in the field of information security. It is shown that in the situation of further tightening of anti-Russian sanctions and the potential threat of the Russian Federation being 'cut off' the Internet, it is necessary to create an independent Runet and speed up the development of domestic information technologies (to be independent from the West); in other words, to improve Russia's information security system.

Keywords: *age of globalization, information society, information-technical war, cyber war, information-psychological war, 'color revolution', 'controlled chaos', information security, cyber security, national security.*

В век глобализации на основе развертывания информационной и телекоммуникационной революции происходит формирование глобального (планетарного) информационного общества, то есть объединение человечества фактически

* Крылова Ирина Анатольевна – д. ф. н., ведущий научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: tatyanawings@gmail.com.

в «сверхобщество» с более высоким уровнем социальной интеграции. Глобальная информатизация (электронные средства массовой коммуникации: радио, телевидение, Интернет), как и глобальная компьютеризация современного общества (когда все большее количество людей во всем мире включается в использование новых технологий, а массовое сознание «перемещается» в интернет-пространство), позволяет назвать XXI век информационным.

Приходится констатировать, однако, что современное глобальное информационное пространство представляет собой объект ожесточенной борьбы за информационное превосходство, политические, экономические и сырьевые преимущества, арену постоянного противоборства различных социальных структур. Причем в современных условиях наблюдается тенденция перехода от традиционных – силовых – методов борьбы государств при отстаивании своих национальных интересов к нетрадиционным, в частности информационным средствам воздействия на противника. «Традиционное вооружение и военная техника все более становятся фактором сдерживания, – подчеркивает В. К. Потехин, – реальным же оружием все больше выступают информация и информационные технологии – **информационное оружие**» [Потехин 1999: 69]. Фактически речь идет о новом феномене глобализации – **информационной войне**, которая становится, по существу, новой формой противостояния государств, одним из видов «нетрадиционных» войн нового поколения. Поэтому в условиях стремительного формирования глобального информационного пространства (а также киберпространства) огромное значение в обеспечении национальной безопасности всех стран приобретает информационная безопасность.

Информационные войны являются частью нынешней информационной реальности. В век глобализации они представляют собой эффективное средство достижения превосходства в различных сферах жизни современного общества: политической, экономической, научно-технической, военной, социальной, духовной. Информационная война – это противостояние борющихся сторон, которые оказывают агрессивное воздействие на информационную инфраструктуру друг друга с целью достижения преимущества и победы над противником. Различают информационно-техническую и информационно-психологическую войну.

Информационно-техническая война представляет собой противоборство государств в военной информационной сфере. По существу, это разновидность военных действий, в которых основным объектом является информация. Главная цель такой войны заключается в информационном воздействии, которое позволяет без традиционных военных действий добиться победы над противником. «На арену выдвигается новый тип вооружений, – подчеркивает В. К. Потехин, – средства РЭБ, СВЧ-генераторы, информационные вирусы, электронные ловушки, компьютерные “закладки”, программы двойного назначения, интеллектуальные программные системы, голосовые синтезаторы, искусственные изображения в атмосфере…» [Там же: 70]. Информационное воздействие может быть направлено не только на нарушение работы компьютерных центров и сетей связи, ликвидацию главных штабов противника и психологическое подавление его армии, но и на разрушение инфраструктуры систем жизнеобеспечения и жизнедеятельности общества, что приводит к полной дезорганизации управления государством и дезориентации населения побежденной страны.

Как известно, впервые новое средство информационного воздействия, а именно телевидение, было применено США на население всей страны в ходе войны во Вьетнаме. В конце XX – XXI в. широкое применение информационного оружия во многих военных конфликтах и войнах – в Гренаде, Панаме, Ираке, Югославии, Ливии, Сирии – показало, что разрушение не только военной, но и гражданской инфраструктуры заставляет побежденное государство в конечном счете прекратить военные действия и принять любые кабальные условия нападающей стороны. Это сделало очевидным тот факт, что информационно-техническая война представляет новую угрозу национальной безопасности суверенных государств в XXI в.

В настоящее время путем пролонгирования и ужесточения антироссийских санкций сознательно создаются условия для зависимости России в сфере новейших информационных технологий. При этом преследуется цель увеличения технологического отрыва стран первого мира, а также наращивания их возможностей для противодействия созданию в России конкурентоспособных информационных технологий. Поэтому в связи с возросшей угрозой применения информационного оружия против российской информационной инфраструктуры одной из первостепенных задач является обеспечение технологической независимости Российской Федерации, прежде всего в тех областях информатизации, телекоммуникации и связи, которые отвечают за национальную безопасность страны.

В век глобализации киберпространство также является ареной острейшего противоборства между различными государствами и коалициями стран. В условиях стремительного формирования глобального киберпространства большинством развитых стран мира создаются специальные кибервойска для ведения войн, основанных на использовании компьютерных сетей в военных целях. Речь идет фактически о **кибервойне**. Иначе говоря, о воздействии страны-агрессора на компьютерные сети другого государства, что делает последнее совершенно неспособным оказать сопротивление противнику.

В настоящее время кибератакам подвергается большинство стран мира, и ущерб от них в целом оценивается в 0,5 млрд долларов. Что касается России, то сайты президента РФ, Государственной Думы и Совета Федерации постоянно подвергаются кибернападениям (до 10 тысяч кибератак в день) [Капто 2013: 618]. Не являются исключением и США, которые до недавнего времени доминировали в киберпространстве. Причем угроза кибератак и кибервойн в мире только нарастает. Ныне вести масштабную кибервойну способны уже более 100 государств. В связи с нарастающей угрозой кибервойн возникает задача выработки международно-правового документа по кибербезопасности на уровне ООН. В век глобализации умение вести противоборство в киберпространстве в значительной степени обеспечивает информационную безопасность и суверенитет страны. «Уровень информационной безопасности государства, – подчеркивает А. А. Кокошин, – во многом зависит от степени развития национальной электронно-компонентной базы, от наличия в стране собственных решений в области программирования, от уровня развития криптографии, от системы организации информационного противоборства» [Кокошин 2014: 1096]. Поэтому во всех развитых странах придается такое огромное значение разработке новейших информационных технологий для отражения кибератак и предотвращения кибервойн,

а также подготовке высококвалифицированных специалистов в сфере обеспечения кибербезопасности.

Под **информационно-психологической войной** понимается информационное воздействие на сознание человека. Информационно-психологическое оружие направлено на «переформатирование» сознания людей (путем внедрения чуждых ценностей, традиций и культуры), а через него – на изменение существующей социально-политической системы. Диапазон информационно-психологического оружия чрезвычайно широк – от сокрытия важной информации и ее искажения до полной дезинформации населения. Опасность нового вида оружия заключается в том, что его воздействие приводит в конечном счете к кардинальной трансформации общественного сознания, влечет за собой социальный взрыв и свержение неугодного политического лидера или режима в стране-объекте. Таким образом, достижение победы над противником происходит без традиционных военных действий. Главным же является то, что страна-агрессор получает огромную выгоду в политической, экономической, финансовой, научно-технической, военной и других сферах побежденного государства, которое становится «страной-донором» и на долгое время попадает под внешнее управление. Именно так уничтожили СССР. В то время как Советский Союз наращивал оборонный потенциал для обеспечения национальной безопасности государства, Запад, преследуя свои геополитические цели, не применяя военную силу, победил советскую сверхдержаву, «взорвав» ее изнутри. В результате в России была разрушена промышленность, уничтожено сельское хозяйство, подорван научный и военный потенциал, что значительно ослабило национальную безопасность страны. Крах СССР наглядно показал, что информационно-психологическая война, в которой используются информация, информационные ресурсы и информационные технологии, представляет собой не менее разрушительное оружие, чем традиционное. Поэтому многие страны принимают жесткие меры для защиты своих духовных ценностей, традиций и культуры, а также национальных информационных ресурсов от чуждой информационной экспансии.

Что касается России, то в последние годы, особенно после воссоединения Крыма с Российской Федерацией, США и Евросоюз ведут против нашей страны агрессивную информационно-психологическую войну. Причем в своем информационном противоборстве с Россией эти страны, кроме собственных средств массовой информации, используют не только силы, которые они «проплачивают» внутри нашей страны (русофобские СМИ, несистемную оппозицию, другие организации), но также антироссийски настроенные политические элиты и СМИ ряда соседних и европейских государств (Украины, Грузии, Литвы, Латвии, Эстонии и Польши). Главной целью этой информационно-психологической войны для США и стран НАТО является свержение существующего «режима Путина» и ослабление российского государства. Поэтому западные СМИ пытаются не только испортить репутацию России за рубежом, представить нашу страну отсталой, тиранической и агрессивной, но также демонизировать президента Российской Федерации. При этом информационно-психологическое воздействие направлено на население как России, так и других государств. В этих условиях информационную контратаку против западной дезинформации успешно ведет отечественный стратегически наступательный канал *Russia Today*.

В век глобализации к новым формам ведения информационно-психологических войн относятся и так называемые консциентальные войны. Основным оружием таких войн является дезинформация населения, которая осуществляется через различные средства массовой информации, радио, телевидение и Интернет. «Под консциентальной войной, – пишет В. К. Потехин, – мы понимаем войну психологическую по форме, цивилизационную по содержанию и информационную по средствам, в которой объектом разрушения и преобразования являются ценностные установки народонаселения противника» [Потехин 1999: 66]. Исходя из того, что ценностные и целеполагающие установки человека тесно связаны с культурой народа, являющейся основой той или иной цивилизации, главной целью в консциентальной войне предстает уничтожение культуры противника, а значит, разрушение другой цивилизации. Сегодня угрозу информационной безопасности России представляет пропаганда образцов массовой культуры и ценностей, чуждых традиционным духовным и нравственным ценностям, принятым в нашем обществе. Представляется, что в век глобализации надежной защитой от манипулирования индивидуальным, групповым и массовым сознанием может стать общее повышение информационной культуры как необходимое условие существования социума в информационном обществе.

Надо сказать, что многочисленные **«цветные революции»**, происходящие ныне в тех или иных странах, также являются результатом современных информационно-психологических войн. В век глобализации США и странами НАТО все чаще инициируются протестные социальные движения в суверенных национальных государствах путем информационно-психологического воздействия на массовое сознание (с целью насаждения западной демократии и европейских ценностей) для свержения неугодных политических режимов и лидеров. «Проблема “цветных революций” значительно актуализировалась в контексте глобального финансово-экономического кризиса (который далеко не закончен), – считает А. С. Брычков, – что связано с борьбой за ограниченные ресурсы планеты и дает шансы выйти из него с наименьшими издержками тем государствам, которые поставят чужую ресурсную базу под свой контроль» [Брычков 2018: 118]. Подготовленные США и Западом «цветные революции» в ряде бывших советских республик (Украине, Грузии, Киргизии), направленные на «взрыв» государства изнутри, показали, что они являются мощным инструментом информационно-психологической войны, которая заставляет население стран-объектов совершать действия, в действительности противоречащие их убеждениям и потребностям.

Наиболее наглядным примером такого воздействия «мягкой силы» и информационно-психологической войны является Украина. Преследуя свои национальные интересы, США вложили в сферу «переформатирования» массового сознания украинцев всего 5 млрд долларов (по сравнению с Российской Федерацией, оказавшей за прошедшие годы экономическую помощь в размере более 200 млрд долларов), что привело в конечном счете к предательству национальных элит, свержению законной власти, гражданской войне, превращению братской страны во враждебную России, которая стремится ныне вступить в НАТО и Евросоюз. В свое время о необходимости полного выведения Украины из сферы влияния России писал еще З. Бжезинский в книге «Великая шахматная доска», так как был убежден, что без Украины невозможно восстановление мощи Российской импе-

рии, то есть территориального и государственного единства страны. Сейчас США и страны Евросоюза воплощают рекомендации З. Бжезинского по Украине на практике.

В настоящее время США предпринимают попытку инициировать «цветную революцию» в Венесуэле, чтобы свергнуть законного президента Николаса Мадуро. Вполне вероятно, что в случае провала «невоенного» сценария он будет дополнен традиционно военным вмешательством. Следует учитывать, что на Западе давно вынашивается идея подготовки «цветной революции» и в России. При этом не скрывается, что главной целью введения и ужесточения антироссийских санкций является ухудшение социально-экономической обстановки, снижение уровня жизни населения, провоцирование социального недовольства для смены политического руководства и дальнейшего распада нашей страны на «осколочные» государства.

Трансформация массового сознания и мировоззрения противника с использованием новейших информационных технологий положена и в основу **концепции «управляемого хаоса»**, направленной на сокращение численности населения на планете, а также разрушение национальных государств для постановки под контроль ТНК их ресурсов. В этом смысле чрезвычайный интерес представляет точка зрения В. Е. Лепского, который считает организацию «управляемого хаоса» в национальных экономиках и социальной сфере различных стран новой мировой информационно-психологической войной. «Технологии управляемого хаоса, – подчеркивает он, – это новый неконтролируемый в настоящее время международными организациями вид оружия массового поражения для установления мирового порядка в интересах стороны, его применяющей» [Лепский 2016: 104]. Целью технологий «управляемого хаоса» является разрушение экономик национальных государств путем захвата управления в конкретных странах-объектах и блокирования в них способности к инновационному развитию, которое в условиях глобальной конкуренции представляет главный фактор сохранения политического суверенитета. То есть, по существу, технологии «управляемого хаоса» ведут к новой форме неоколониализма, который превращает страны-объекты в придаток «избранных» государств. «Главной особенностью, отличающей неоколониализм от традиционного колониализма, – пишет А. А. Горелов, – является то, что управляют страной представители коренной нации, составляющие правящую элиту, но управляет она, как и при колониализме, в интересах метрополии» [Горелов 2013: 69]. В конечном счете такое управление приводит к утрате неоколониальными странами политического суверенитета, деградации экономики, демографической катастрофе, деморализации и деградации вооруженных сил, разрушению традиционных ценностей, традиций и культуры.

Технологии «управляемого хаоса» направлены на организацию «бессубъектности» развития в таких неоколониальных странах. Следует констатировать, что после разрушения СССР к России также были применены подобные технологии. В результате сформировалась бессубъектность развития, прежде всего инновационного (что наблюдается и поныне, несмотря на провозглашенный высшим политическим руководством страны курс на технологический прорыв), представляя реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Практика показала, что катастрофичность последствий использования технологий «управ-

ляемого хаоса» в ряде национальных государств сопоставима с применением оружия массового уничтожения. Отсюда следует, что такие технологии должны быть запрещены на уровне ООН, поскольку их применение нарушает международные нормы о невмешательстве во внутренние дела суверенных государств. Фактически речь идет о необходимости международно-правового регулирования в сфере использования технологий «управляемого хаоса», инициатором которого могла бы стать Российская Федерация.

В век глобализации от надежности обеспечения информационной безопасности зависит национальная безопасность суверенных государств. Причем в ходе научно-технического прогресса и информационной революции эта зависимость будет только возрастать. Следует отметить, что за последнее время в России был реализован широкий комплекс мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности. Однако известно, что в ряде стран не только ведется интенсивная разработка различных концепций информационных войн, но также создаются особые средства опасного воздействия на информационную инфраструктуру других государств, способные нарушить работу информационных и телекоммуникационных систем для получения свободного доступа к их информационным ресурсам. В частности, США продолжают разработку новых проектов воздействия на информационную инфраструктуру Российской Федерации, а также ведения информационно-технической войны, кибервойн, информационно-психологической войны, провоцирования «цветных революций», применения технологий «управляемого хаоса» против нашей страны. Поэтому в условиях дальнейшего ужесточения антироссийских санкций и потенциальной угрозы отключения России от Интернета необходимо создавать независимый Рунет, форсировать развитие отечественных информационных технологий, чтобы не быть зависимыми от Запада. Иначе говоря, совершенствовать систему информационной безопасности для обеспечения суверенитета России.

Литература

Брычков А. С. «Цветные революции» в России: возможность и действительность // Россия в условиях изменяющегося мира: философия осмысления и перспективы будущего. М. : Проспект, 2018. С. 115–122.

Горелов А. А. Глобальный неоколониализм: государство и инволюция // Глобальные тенденции развития мира: материалы Всероссийской научной конференции, 14 июня 2012 г. М. : Научный эксперт, 2013. С. 69–82.

Капто А. С. Кибервойна: генезис и доктринальные очертания // Вестник РАН. 2013. № 7. С. 616–625.

Кокошин А. А. Обеспечение реального суверенитета России в современном мире // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 12. С. 1090–1097.

Лепский В. Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). М. : Когито-Центр, 2016.

Потехин В. К. Национальная безопасность: информационная компонента в современных войнах // Безопасность. 1999. № 5–6. С. 63–74.

ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ*

Бабушок Н. О.**

Статья посвящена культурной глобализации, ее локальным и глобальным аспектам, актуальным проблемам и вызовам. В ней изучены основные тенденции, явления и феномены, а также условия формирования глобальной культуры. Основное внимание уделено современным культурно-цивилизационным трансформациям и тенденциям, перспективам межкультурного диалога на фоне современных вызовов, а также региональным аспектам межкультурного взаимодействия на примере России и Китая.

Ключевые слова: *культурная глобализация, глокализация, массовая культура, анклавизация, гибридизация, культурный код, межкультурный диалог, глобальные проблемы, Россия и Китай.*

The present article is devoted to cultural globalization with its local and global aspects, current problems and challenges. It considers the major trends, phenomena and conditions for the formation of a global culture. The focus is put on contemporary cultural and civilizational transformations and trends, the prospects for intercultural dialogue against the background of modern challenges, regional aspects of intercultural interaction by the example of Russia and China.

Keywords: *cultural globalization, glocalization, mass culture, enclavization, hybridization, cultural code, intercultural dialogue, global problems, Russia and China.*

Продолжительное время, вплоть до XX в., культурно-цивилизационные изменения в локальном масштабе не рассматривались в аспекте их вовлеченности в процесс единого мирового исторического развития. Теперь наиболее важной является динамика процессов трансформации культурно-цивилизационных систем, экономических и социально-политических изменений, что, по сути, отражает глобализация [Гринин и др. 2012: 76].

Это изменение не является стихийным, а продиктовано современными вызовами. Мировое сообщество сейчас испытывает совершенно новые потрясения и вызовы как в качественном отношении, так и по масштабам. Например, кризис 1929–1933 гг. в США, известный как Великая депрессия, несмотря на тяжелые последствия для экономики Соединенных Штатов и тесно связанных с ними стран Западного полушария, фактически серьезно не затрагивал другие государства, включая СССР, Китай, Индию и другие страны второго и третьего блоков [Saidian 2017: 109]. На современном этапе ситуация принципиально изменилась.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества» (№ 19-511-93002).

** Бабушок Никита Олегович – бакалавр международных отношений факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: nicolasspj@icloud.com.

В то время как в годы Великой депрессии усилий одного государства было фактически достаточно для того, чтобы совладать с кризисом, сейчас, в период многоаспектной глобализации, любое серьезное потрясение в более или менее крупной стране отразится на всем мировом сообществе, не оставив без участия ни одно государство земного шара. Примером может служить мировой кризис 2008 г., который начался в США, очень быстро охватил другие страны и имел последствия как для отдельных стран, так и для мировой экономики в целом еще несколько лет спустя [Oldani *et al.* 2013: 109].

В наше время значительное усиление культурно-цивилизационных трансформаций на всех уровнях – от локальных до глобального – вызывает все бóльшую озабоченность, становясь предметом изучения и острой темой для дискуссий в научной, политической и деловой среде. Мнения касательно содержания и сути этих процессов порой расходятся и создают еще большую неясность. Усиление культурно-цивилизационных взаимодействий, их взаимозависимости, распространение и развитие западной массовой культуры, изоляционные тенденции и глокализация – все эти взаимосвязанные глобальные процессы, порой противопоставленные друг другу, влияют на широкий спектр оценок культурно-цивилизационных изменений, их перспектив развития и сценариев будущего.

Различные культуры в глобализирующемся мире встречают все новые и новые вызовы со стороны других культур и культурно-цивилизационных формаций, испытывают все возрастающее внешнее давление. Несмотря на то что культурные коды еще сохраняются, то есть границы между западным и восточным мирами еще четко прослеживаются, различия между православной и исламской культурами, буддийским и конфуцианским мирами остаются весомыми, изменения внутри этих миров в современном мире довольно серьезны [Чумаков 2017: 408–411].

Так, помимо процессов унификации, являющихся продуктом культурной глобализации, возникают тенденции к образованию новых обособленных культурных формаций внутри уже существующих, которые пытаются отстаивать свою значимость и важность относительно главной. Так, примером может служить присвоение православной церкви Украины Константинопольским патриархом статуса автокефалии [Хоменко, Денисов 2019]. Тем самым УПЦ обособилась от Московского патриархата, и внутри украинского общества появилась новая, независимая от русского православия культурная формация. Как известно, религия и культура тесно и неразрывно связаны между собой, и любые изменения в религиозной сфере той или иной общности непосредственно отразятся на ее культуре. Однако это событие не только отразилось на судьбе одной страны, но и породило серьезный резонанс во всем православном мире, став причиной заметных изменений и появления новых тенденций внутри культурно-цивилизационной формации, одна из которых – разрыв РПЦ с Константинопольским патриархатом [Ившина 2018]. В свою очередь, данные тенденции стали причиной ухудшения отношений в социально-политической сфере и появления новых разногласий.

Росту гетерогенности культур, свойственному глобализирующемуся миру, способствуют две тенденции – **анклавизация** и **гибридизация**. В культурно-цивилизационном контексте эти термины впервые использовала в своей статье доктор культурологии В. М. Хачатурян [2013: 2].

Анклавизация – тенденция, которой свойственен путь к изоляционизму, замкнутость культур. Отмечается, что бурный рост количества культурно-цивилизационных анклавов продиктован стремлением различных культурных форм к самосохранению и ростом миграционных потоков. Источниками анклавизации являются диаспоры (особенно в странах Востока), иммигранты из развивающихся стран, различные социальные группы, города и мегагорода с сильно варьирующимся этноконфессиональным составом. Ярким примером последствий таких тенденций является результат политики мультикультурализма в Германии, приведшей к общей напряженности внутри страны и поставившей под угрозу основную национальную культуру [Шнайдер 2012: 166]. Данный пример показал: чем большее количество мигрантов прибывает в страну, тем меньшее стремление к адаптации и интеграции в культурно-цивилизационное общество обнаруживается у принимающей стороны.

Об этом писал Сэмюэл Хантингтон, который предсказал рост количества этноконфессиональных единиц в Европе, не имеющих ничего общего между собой, кроме нахождения на одной территории [Huntington 2004: 34]. Некоторые ученые дают еще более пессимистичные прогнозы касательно будущего Европы, предсказывая ее полную исламизацию и тотальную трансформацию культурно-цивилизационного кода [Преображенский 2017]. Конечно, пока не приходится говорить о полном вытеснении принимающей культуры. Однако диаспоры, которые в основном сохраняют культурную замкнутость, все чаще начинают демонстративно отстаивать свои культурные ценности, все больше проникая в дела принимающей страны. Ярким примером является официальное признание шариатских судов в Великобритании в 2008 г. [Остапенко 2011: 203–204]. Таким образом, происходит размывание религиозных границ, являющихся одним из основных компонентов цивилизационного кода. Ф. Фукуяма в своем труде не раз отмечал опасность таких процессов для всего западного мира, ставя во главу угла угрозу западной демократии, также являющейся основным компонентом кода [Фукуяма 2004: 114].

Другая тенденция – **гибридизация**, которая предполагает открытость культур к внешнему влиянию других, их диалог и взаимодействие. Несмотря на такой толерантный подход к будущему культур, гибридизации также свойственно размывание культурно-цивилизационных границ, присущих анклавизации. По сути, данная тенденция ведет к образованию новых культурно-цивилизационных форм, созданных при их синтезе. Гибридизация показывает стремление общества к нахождению общего знаменателя, созданию единой формы, подходящей всем этноконфессиональным единицам. Даже неудачные эксперименты подчеркивают важность поиска компромиссной формы жизнедеятельности в обществе. В современном мире такая тенденция видится наиболее приемлемой в связи с усилением глобализационных процессов. Однако в долгосрочной перспективе последствия такой гетерогенности культур представляются довольно противоречивыми и неопределенными. Очевидно, что существуют два варианта исхода – обогащение и трансформация культуры в единую форму и гибель культурной формы, неспособной конкурировать с другими. Исход будет зависеть от различных факторов, таких как способность к культурному диа-

логу, степень открытости, наличие этноконфессиональных противоречий, степень устойчивости обычаев и традиций и др.

Примерами гибридизации могут служить появление космополитичной прослойки успешных молодых предпринимателей-яппи в Китае, которая изначально зародилась в США под воздействием культуры западного типа и отражала соответствующее мировоззрение [Rosen 2005: 159–179]. Однако в Китае данная прослойка в большинстве своем сохранила конфуцианские устои и приверженность китайской культуре. Это говорит о разных соотношениях культурных установок при гибридизации. Хорошим примером также может служить Япония, где довольно полно отражаются многие атрибуты западной массовой культуры, но при этом сохраняется своя традиционность.

Таким образом, появляются все новые и новые формы гибридизации, которые в перспективе смогут вызвать культурно-цивилизационные трансформации, ведущие в свою очередь к синтезу западной и восточной культур. Интерес Востока к Западу в основном продиктован атрибутами западной массовой культуры. Не менее сильный интерес Запада к Востоку состоит в стремлении к диалогу, к культурно-историческому наследию Востока, причина которого лежит в ослаблении эффективности ценностей и норм и «утомлении» от западных мировоззренческих установок. Несмотря на то что говорить о полном синтезе культурно-цивилизационных единиц еще преждевременно, тенденции к диалогу с каждым годом все более усиливаются, оставляя надежду на положительный исход процессов культурно-цивилизационных трансформаций.

Унификация культуры, помимо положительных аспектов, несет в себе определенные риски, главные из которых касаются исчезновения этнокультурного разнообразия, которое выполняет жизненно важные функции в современном мире.

С ростом интенсивности международных связей и масштабов глобальных процессов расширяется и культурно-цивилизационное многообразие современного мира. При этом оба данных процесса активно влияют друг на друга, порождая новое явление, которое в специальной литературе получило название «*глокализация*». Глобализация в этом случае имеет первостепенное значение, поскольку она «на первый взгляд нечто громадное, внешнее, что надвигается и в конце концов подавляет все остальное, – воспринимается в конкретных мелких проявлениях, на местах, на собственной жизни, в символах культуры, отмеченных знаком “глокального”» [Бек 2001: 92]. Таким образом, глокализацию следует понимать как процесс переплетения глобальных и локальных процессов общественного развития, который очень важен для понимания и самой глобализации, и ее влияния на мировые культуры.

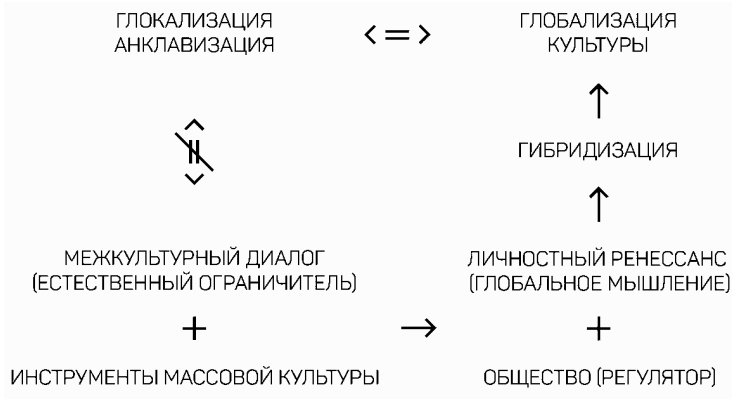
Как отмечает Р. Робертсон, глобальное и локальное не могут исключать друг друга [Robertson 1995: 56]. Ученый однозначно прав; более того, локальное следует воспринимать как часть глобального, как один из его аспектов. По сути, культурная глобализация представляет собой столкновение локальных культур, а современное культурно-цивилизационное пространство – пространство процессов глокализации, в котором наблюдаются взаимодействие и параллельное взаимопроникновение культурных факторов, аспектов общественной жизни, обладающих при этом способностью сохранения своих национальных особенностей.

Несмотря на то что глокализация и анклавизация рассматриваются в первую очередь как ответ на глобализацию, реакцию культур на процессы сближения, в конечном счете как противодействие культурной глобализационной экспансии, они все же не отрицают межкультурный диалог. Напротив, это следует воспринимать как вполне нормальную реакцию общественного организма на объективные процессы глобализации [Чумаков 2014: 40]. Можно сказать, что это в определенной степени способствует развитию национальных связей, поскольку появляются новые возможности для межкультурного общения. Важно отметить и то, что бороться с данными тенденциями невозможно по причине серьезной вовлеченности общества в эти процессы. По сути, данные тенденции служат естественным механизмом сохранения самобытности национальных культур и предотвращения негативных последствий чужеродной культурной экспансии.

Межкультурный диалог, в свою очередь, не следует рассматривать в качестве препятствия культурной глобализации. Он видится скорее как ее мягкая форма, естественный ограничитель, и его функция – не допустить тех самых негативных последствий общей глобализации, порождением и составной частью которых является и такой феномен, как массовая культура. Будучи унифицированной, упрощенной и широко распространенной, такая культура не должна восприниматься только в негативном аспекте, поскольку она заключает в себе и немало положительных моментов. Иными словами, массовая культура, являясь продуктом культурной глобализации, стала особым универсальным средством, которое объединяет людей на всей планете в их стремлении и желании жить в стабильном и безопасном мире. Таким образом, массовая культура выполняет важнейшую мировоззренческую функцию, которую сложно переоценить. Взгляды, ментальность, воспитание, мировоззрение, образ жизни, как и массовая культура, являются основным духовным каналом современного человека. Стоит отметить, что массовую культуру в данном случае не следует понимать как инструмент экспансии культуры исключительно западного типа. В данном случае «плоды» массовой культуры, тесно связанные с бурным развитием информационных технологий, являются объединяющим фактором для качественного межкультурного общения.

Важную роль в формировании глобальной культуры играют индивид с новым (глобальным) мышлением и общество как целое в качестве «направляющего» таких изменений. Основу культурной глобализации составляет сам человек, однако для поддержания и направления такого изменения должно быть задействовано общество как целое, которое способно управлять процессом формирования глобального мировоззрения. Гибридизация – третий этап – показывает стремление общества к единению, нахождению общей культурной среды для более тесного взаимодействия.

Таким образом, можно проследить контуры будущей глобальной культуры. На рисунке показаны условия ее формирования при учете основных тенденций и противоречий.



Условия формирования глобальной культуры

В этой связи важно подробнее изучить основные принципы и тенденции межкультурного диалога. В современном мире локальные и региональные культурно-цивилизационные взаимодействия чрезвычайно широки и разнообразны – от конкуренции и противостояния до сотрудничества и партнерства. Культурные связи являются основополагающим компонентом общения между странами и общностями. Межкультурные коммуникации как взаимодействие, выражающееся в непосредственных и опосредуемых контактах между культурно-цивилизационными единицами, являются средством сохранения, накопления ценностей, взаимного обогащения культур. Долгое время культуры различных стран и народностей развивались обособленно. Следствием этого явились отставание одних культур от других и потеря собственных культурных ориентиров. В современном мире открытость другим культурам является локомотивом развития любой культуры. Стоит подчеркнуть, что как культуры самих стран, так и культурные формации непосредственно внутри этих стран имеют равные права на участие в межкультурном диалоге, а условия будут зависеть от объективных факторов, определяющих способность той или иной культурной формации к такому типу взаимодействия.

Межкультурное взаимодействие занимает одно из важнейших мест в международных отношениях. Однако есть культуры, находящиеся в отношениях друг с другом на довольно серьезной дистанции с точки зрения их исторических корней и путей цивилизационного развития. Подобными являются культуры России и Китая. Эти две страны обладают разительным этническим колоритом, а также характеризуются параллельным соседским историческим развитием, которое уходит в глубь веков. Их культурные коды, как и цивилизационные ареалы, сильно отличаются. В этой связи наиболее важным видится изучение тех стимулов, условий и ограничений, на фоне которых происходят процессы взаимодействия культурно-цивилизационных формаций такого уровня.

Несмотря на то что Россия и Китай относятся к разным типам цивилизаций, этим странам за их многолетнюю историю удалось сохранить свою культурную идентичность и самобытность. Кроме того, примечательна способность этих культур интегрировать различные этнокультурные единицы; за свою многовековую историю эти страны накопили серьезный ассимиляционный опыт. Еще в пет-

ровские времена наблюдался интерес к культуре Китая. Конечно, в первую очередь это связано с географической близостью, но это можно сказать и про другие соседние государства. Еще тогда Россия вдохновилась китайской своеобразной культурой и искусством ремесленников. В свою очередь, русская культура внесла серьезный вклад в духовную культуру Китая: в литературу, театр, балет, музыку. Характерные общие черты прослеживаются и в мировосприятии. Не стоит забывать и советский период отношений, внесший серьезный вклад в становление современного Китая, в мировоззрение нескольких поколений китайского общества. Так или иначе, Россия и Китай, имеющие общую протяженную границу, сходные проблемы, богатую историю, тесные экономические связи, не могут существовать автономно, поэтому важным шагом в развитии их двусторонних отношений должно стать выведение межкультурных связей на новый уровень.

Важно отметить, что во внешнеполитической стратегии РФ отношения с Китаем занимают особое место [Указ…]. Отмечается, что всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие между Россией и Китаем выходят на новый уровень [Совместное…]. Каждый год проходят визиты глав внешнеполитических ведомств России и Китая, также на регулярной основе они встречаются «на полях» международных мероприятий, в частности, по линии ООН, G20, АТЭС, БРИКС, ШОС, ЕАЭС. Главы государств поставили задачу увеличить к 2020 г. товарооборот до 200 млрд долларов [Залевский 2018]. В первую очередь актуальность таких приоритетов объясняется современными реалиями на международной арене, усложнением отношений с западными странами как у России, так и у Китая. Рост экономических связей и развитие отношений в целом сопутствуют также расширению культурного взаимодействия обеих стран. Активно развиваются образовательные, научные и культурные связи. Недаром в последние годы внимание многих ученых-культурологов приковано к российско-китайским отношениям, а вопросы культурно-цивилизационного диалога приобретают все большую актуальность.

Таким образом, эффективность межкультурного взаимодействия обусловливается культурной совместимостью, и чем качественнее элементы этой совместимости, тем выше потенциал культурного диалога. Кроме того, важнейшим аспектом межкультурного диалога России и Китая является взаимоуважение во взаимодействии культур. Давно сформировавшимся, устойчивым социокультурным системам обоих государств, которым удалось сохранить свою уникальность и целостность на продолжительный исторический период, в которых очень внимательно и уважительно относятся к своей истории, чужды любые попытки вмешательства в их культурный мир. Поэтому межкультурные взаимодействия должны иметь ни к чему не принуждающий, дружелюбный, бескорыстный и открытый характер. Только в таких условиях возможен культурный диалог между культурно-цивилизационными системами такого уровня, между странами с глубокой исторической традицией. А тот самый опыт интеграции различных культур является высоким показателем коммуникативной способности. Кроме того, особая черта обеих стран – традиционность обществ. Это доказывает XX век, когда оба государства не включились в периферию западного проекта развития, а создали нечто новое, поставив все на сохранение своей культурной идентичности и на ускоренную модернизацию [Русская… 2017].

Все это подтверждает развитие российско-китайского межкультурного диалога. Российская молодежь проявляет неподдельный интерес к китайской культуре, изучению китайского языка, развивается сотрудничество в сфере кино, проводятся тематические дни и недели культуры. Несмотря на серьезную культурную дистанцию, прослеживается общность культурно-цивилизационного развития обеих стран, обусловливающая притяжение культур. А русская духовная культура, долгое время формировавшаяся под значительным воздействием западноевропейской, в то же самое время сохранила черты традиционности и целостности, и, как утверждают некоторые ученые, способна в перспективе стать «мостом» между различными культурно-цивилизационными системами современного мира [Россия… 2017].

Таким образом, глобализация культуры – сложный многоаспектный процесс, идущий параллельно с глобальными проблемами, новыми вызовами и кризисами. Возрастание влияния одной культуры на другие усиливает противоположные тенденции к сохранению культурной идентичности. Поэтому мягким вектором на пути к глобальной культуре, помимо этого, жизненно необходимым для мирного сосуществования культур в современном мире, является межкультурный диалог, который учитывает все сложности и тонкости такого типа коммуникации. Как говорил М. Горький, «процесс развития культуры есть процесс преодоления трудностей» [Горький 2018: 78]. Так же и с глобальной культурой – только путем равноправного сотрудничества, взаимного уважения можно достигнуть устойчивости в развитии человеческой цивилизации.

Литература

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Горький М. Мать. М. : АСТ, 2018.

Гринин Л. Е., Ильин И. В., Коротаев А. В. Универсальная и глобальная история: Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества. Волгоград : Учитель, 2012.

Залевский И. Увеличение товарооборота с Китаем и новые соглашения: в Москве подвели итоги годовой работы РАСПП [Электронный ресурс] : Большая Азия. 2018. 21 декабря. URL: http://bigasia.ru/content/news/businness/uvelichenie-tovarooborota-s-kitaem-i-novye-soglasheniya-v-stolichnom-otele-balchug-kempinski-podveli/ (дата обращения: 02.06.19).

Ившина О. Православные за рубежом обсуждают решение РПЦ [Электронный ресурс] : BBC News Русская служба. 2018. 23 октября. URL: https://www.bbc.com/russian/features-45948732 (дата обращения: 02.06.19).

Остапенко Г. С. Британские мусульмане в конце XX – начале XXI в. // «Иммиграционный вызов» в начале XXI века: миграции в глобализирующемся мире: сб. ст. / отв. ред. В. М. Хачатурян, Е. Ю. Сергеев. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2011.

Преображенский И. Исламизация Европы неизбежна [Электронный ресурс] : Росбалт. 2017. 30 ноября. URL: http://www.rosbalt.ru/world/2017/11/30/1665048.html (дата обращения: 02.06.19).

Россия и Китай: межкультурное взаимодействие в постсоветский период / под ред. А. Н. Чумакова. М. : КНОРУС, 2017.

Русская идея и китайский путь в культурном контексте современности / под ред. А. Н. Чумакова, Ли Хэй. М. : РФО; ООО «СиДиПрессАрт», 2017.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества. 8 мая 2015 г. [Электронный ресурс] : Kremlin.ru. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4969 (дата обращения: 02.06.19).

Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Ст. 84 [Электронный ресурс] : Kremlin.ru. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : Ермак, 2004.

Хачатурян В. М. К проблеме трансформации культурного пространства в эпоху глобализации: гибридизация и анклавизация // Культурологический журнал. 2013. № 1(11). С. 2.

Хоменко С., Денисов М. «Томос наш». Православная церковь Украины получила автокефалию [Электронный ресурс] : BBC News Русская служба. 2019. 6 января. URL: https://www.bbc.com/russian/news-46772560 (дата обращения: 02.06.19).

Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 39–51.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017.

Шнайдер Э. Мультикультурализм в Германии // Россия и мусульманский мир. 2012. № 1. С. 166.

Huntington S. Who We are? The Challenges to America’s National Identity. New Delhi, 2004.

Oldani C., Kirton J. J., Savona P. Global Financial Crisis: Global Impact and Solutions. Farnham : Ashgate Publishing, Ltd., 2013.

Robertson R. Globalization // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London : SAGE Publications Ltd, 1995.

Rosen S. The State of Youth / Youth and the State in Early 21st Century China: The Triumph of the Urban Rich? // State and Society in the 21st Century China: Crisis, Contention and Legitimation / ed. by P. Gries, S. Rosen. London; New York, NY : Routledge, 2005.

Saidian S. The Great Depression: Worldwide Economic Crisis. Farmington Hills : Greenhaven Publishing LLC, 2017.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

НОВАЯ ЭПОХА В ОСВОЕНИИ И РАЗВИТИИ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Мазур И. И.*

Автор статьи рассматривает Арктику как одну из ключевых точек пересечения различных интересов в развитии глобального мира. Уже обозримое будущее оказывается в зависимости от того, как будут реализованы эти интересы. Процессы глобализации выдвигают на первый план проблемы суверенитета государств, установления их юрисдикции над природными ресурсами и транспортными маршрутами, устойчивого развития Арктического региона в целом. В статье также акцентируется внимание на экологических аспектах освоения природных ресурсов Арктики и необходимости относиться к первозданной природе как к достоянию всего человечества.

Ключевые слова: *освоение Арктики, глобализация, концепция устойчивого развития, международное сотрудничество, приарктические государства, нефть и газ.*

The author considers the Arctic as one of the key intersection of different interests in the development of the global world. The foreseeable future depends on how these interests are realized. The processes of globalization bring to the fore the problems of sovereignty of states, the establishment of their jurisdiction over natural resources and transport routes, sustainable development of the Arctic region as a whole. The article also focuses on the environmental aspects of the development of natural resources of the Arctic and the need to treat the pristine nature as the heritage of all mankind.

Keywords: *Arctic development, globalization, sustainable development concept, international cooperation, Arctic States, oil and gas.*

Парадоксально, что суровая Арктика, с ее экстремальными условиями для жизни и освоения территорий, стала занимать одно из приоритетных мест в глобальной повестке дня.

Даже простое перечисление названий международных форумов, регулярно проводимых в последние годы, дает представление о широком спектре проблем, интересующих политиков, ученых, бизнесменов и экологов из различных международных организаций: «Арктика – территория диалога», «Арктические рубежи», «Северным морским путем к стратегической стабильности и равноправному партнерству в Арктике», «Нефть и газ арктического шельфа», «Освоение аркти-

* Мазур Иван Иванович – д. т. н., профессор, президент научно-производственной корпорации «Интеллектуальные системы». E-mail: rngs@rngs.ru.

ческого шельфа: шаг за шагом», «Сохранение и устойчивое развитие Арктики», «Коренные народы и охрана окружающей среды», «Полярная наука – глобальное влияние» и др.

Развитие территорий, расположенных за полярным кругом, имеет особое значение в первую очередь для приарктических государств, а в связи с процессами глобализации также и для многих других стран мира как части единого экономического пространства. Этот регион может стать примером реализации концепции устойчивого развития – на основе продуктивного диалога государственных структур, бизнеса и тесного международного сотрудничества. Однако для этого потребуется решить множество политических, социальных и экологических проблем.

Важнейшие факторы, являющиеся стимулом для создания стратегических программ и крупных проектов:

- Растущий спрос мирового рынка на полезные ископаемые.
- Новейшие достижения научно-технического прогресса.
- Создание новых транспортных коридоров.
- Особый статус арктических пространств.
- Государственно-частное партнерство для стратегически важных проектов.
- Многообразные формы взаимодействия между государственными структурами и частными компаниями, органами местной власти и общинами коренных народов.

Устойчивое развитие Арктического региона – сложный процесс согласованной политики и сотрудничества в первую очередь приарктических государств. Решение территориальных споров, разработка принципов использования природных ресурсов и создание международных транспортных коридоров – важнейшие вопросы арктической политики [Арктика… 2011].

Согласно действующей Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., права приарктических государств распространяются исключительно на их экономические зоны, расположенные в 200 морских милях от побережья. В пределах этих зон государствам разрешено разведывать и разрабатывать месторождения полезных ископаемых.

Недра морей и океанов за пределами экономических зон являются общим наследием всего человечества, и любое государство мира имеет право подать заявку на разработку участка дна моря.

В том случае, когда по геологическим данным континентальный шельф распространяется далее 200 миль от побережья, экономические зоны интересов государств могут быть расширены, но не далее 350 миль от границы территориальных вод. В этих пределах государство получает контроль над ресурсами, в том числе и нефтегазовыми, что стало чрезвычайно актуально в последние годы. Решением вопросов, связанных с полярными областями, занимается специальная Комиссия ООН по границам континентального шельфа, которая подтверждает научную правомерность притязаний [Commission… 2018].

Современный этап можно обозначить как точку бифуркации, то есть период, когда формируется новая концепция освоения Арктики. В ближайшие десятилетия определятся темпы и сроки развития региона – в зависимости от множества экономических, политических и географических факторов.

Гигантские ресурсы ценных полезных ископаемых, в том числе нефти и газа, являются основой для интенсивного развития региона. По данным ООН, «только разведанные запасы арктических месторождений нефти составляют более 100 млрд тонн (что соответственно в 2,4 и 2,1 раза превышает разведанные ресурсы России и Саудовской Аравии)» [Мазур 2010: 96]. В то же время возникает резонный вопрос: могут ли существующие технологии обеспечить надежную экологическую безопасность освоения месторождений?

Ученые предостерегают от бесконтрольного выполнения крупных проектов и настаивают на их тщательной экспертизе, а в дальнейшем и на надежном аудите. Не только экологические организации, но и представители нефтегазового бизнеса уделяют этим вопросам особое внимание. Например, Кристоф де Маржери, президент компании *Total*, поддержал предложение организации *Greenpeace* о запрете поиска нефти около берегов Гренландии. С его точки зрения, бурение таких скважин возможно только после оснащения буровых установок специальным оборудованием, предназначенным для предупреждения аварий и ликвидации нефтяных загрязнений.

Сложные производственные и экологические проблемы возникают при освоении заполярных территорий России. Каждый из этих регионов по площади превышает многие европейские государства и содержит запасы ценных руд мирового значения. Крупнейшие месторождения Норильского рудного узла и Кольского полуострова в настоящее время успешно разрабатываются. А первоочередными объектами для поиска, разведки и дальнейшей разработки твердых полезных ископаемых являются: Полярный Урал, Таймыр, Новая Земля, север Якутии и Чукотки. Проекты, рассчитанные на среднесрочную перспективу, находятся на разных стадиях реализации: многие из них уже прошли этап лицензирования, на другие составлены технико-экономические обоснования. На аукционах и конкурсах приоритет принадлежит компаниям, обладающим высокими технологиями, направленными на комплексную переработку полезных ископаемых с максимально полным извлечением ценных компонент и выполнением экологических требований.

Стратегия освоения Арктики должна базироваться на принципиально новых организационных и технико-технологических решениях, в том числе для создания современной инфраструктуры (в первую очередь транспортных и коммуникационных сетей). Экономика полярных территорий все теснее интегрируется в глобальную мировую систему в связи с расширением спроса на стратегические минералы, нефть и газ, а также с развитием технологий, облегчающих доступ к источникам сырья. Задачи освоения региона столь грандиозны, что многие из них можно будет осуществить только в XXII в.

Арктическая природа настолько уязвима, что даже незначительное вмешательство может стать причиной серьезного ущерба и иметь долгосрочные негативные последствия. Инвестиционные риски связаны не только с формированием мощных нефтегазовых комплексов и строительством судов ледового класса, но и с необходимостью выполнения жестких экологических требований, а также с возможными финансовыми затратами на ликвидацию последствий аварийных ситуаций.

Мировая общественность не случайно придает первостепенное значение предупреждению и ликвидации разливов нефти в море. Крупные разливы имеют трансграничный характер как по непосредственному выносу нефти на побережье, так и по воздействию на морскую флору и фауну. В сложных арктических условиях нефтяные разливы весьма вероятны, а разработка надежных технологий сбора нефти на покрытом льдом море находится лишь на начальной стадии.

Нефтяные компании законодательно обязаны создавать свои службы, которые оснащены необходимой техникой для предупреждения и ликвидации аварийных ситуаций. Для защиты и охраны окружающей среды разработана трансарктическая система борьбы с техногенными катастрофами, с 1 января 2017 г. вступил в силу Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс) [Международный…], и постоянно разрабатываются другие актуальные юридические документы.

Устойчивое развитие Арктического региона – сложный процесс согласованной политики и сотрудничества приарктических государств. Решение территориальных споров, разработка принципов использования биологических ресурсов и создание международных транспортных коридоров – важнейшие вопросы арктической политики. Совместные усилия государственных структур и общественности призваны обеспечить гармоничное развитие территорий с сохранением экологического равновесия Арктического бассейна.

В перспективе регион может стать крупнейшей кладовой нефти и газа и одним из ключевых транспортных узлов планеты. В XXI в. здесь интенсивными темпами начали развиваться международные транспортные коридоры, обеспечивающие экономичную транзитную перевозку грузов и эффективную торговлю. «Причина интереса к Арктике вполне объяснима. Путь из Китая в Западную Европу по Северному морскому пути составляет около 8,1 тысячи морских миль. Через Суэцкий канал он будет длиннее на 2,4 тысячи миль. А маршрут вокруг Африки еще на 4000 миль больше» [Чумаков 2018: 57]. Однако освоение территорий сопряжено со значительными затратами и характеризуется высоким уровнем риска. Назовем наиболее существенные факторы, определяющие темпы освоения территорий и степень риска инвестиционных проектов.

Арктический климат. Природные условия исключительно суровы, а во многих случаях и экстремальны для выживания человека. Сильные морозы, часто сопровождаемые штормовыми ветрами, скудная растительность и специфика полярных дней и ночей определяют своеобразие региона. Исключение составляет северная часть Европы, климат которой смягчает теплое течение Гольфстрим.

Опасности для судоходства. Более половины арктического пространства занимает Северный Ледовитый океан, покрытый льдами. Мощные дрейфующие льды и айсберги представляют серьезную угрозу для мореплавания и освоения месторождений шельфа. Важнейшие морские транспортные коридоры – Северный морской путь и маршруты вдоль побережья Европы, а в перспективе – Северо-Западный проход через Канадский Арктический архипелаг.

Труднопроходимая местность. По физико-географическим условиям в пределах суши выделяют зоны арктических пустынь, тундр и лесотундр. Обширные пространства обычно заболочены, так как близко к поверхности подходит вечная мерзлота.

Неразвитая инфраструктура. Регион хорошо освоен в пределах Европы и Аляски, остальные территории почти не заселены и не имеют современной транспортной инфраструктуры.

Экологические проблемы. Животный и растительный мир уникален и требует особого внимания к защите окружающей среды от техногенного загрязнения.

Что же явилось причиной стремительного повышения интереса мирового сообщества к Арктике?

Двадцать первый век иногда называют «веком Арктики», так как только сейчас появились возможности для реализации сложнейших арктических программ [Глобалистика… 2003: 44–46]. Инновационный вектор развития экономики предусматривает создание современной инфраструктуры (транспортных и информационных систем), использование специальных видов транспорта (вездеходы различных конструкций, суда ледового класса и авиация), освоение новых технологий комплексной переработки сырья и другого применения. Инновации – стержень стратегии освоения Арктики:

• Практическая реализация деклараций ООН, международных соглашений, рекомендаций Арктического совета и общественных организаций.

• Развитие новых форм международной кооперации частных компаний и государственных структур.

• Использование передовых технологий для освоения труднодоступных регионов и реализации ранее нерентабельных проектов.

• Обмен опытом ноу-хау – в технических решениях, сферах управления, маркетинга, контроля качества и применения мировых стандартов.

• Государственно-частное партнерство при реализации инфраструктурных проектов (строительство транспортных коридоров, коммуникационных сетей и объектов социального значения).

• Экологическое нормирование, переход на международные экологические стандарты технологических процессов и качества продукции.

• Обеспечение жизнедеятельности местного населения и его комфортного проживания.

Прожорливый и ненасытный монстр под названием «мировая экономика» требует освоения все новых и новых порций природных ресурсов. Потребление энергии за последние сорок лет выросло в два раза, а к концу века мировой энергобаланс увеличится еще вдвое [Global… 2014: 179]. На планете потребляется огромное количество нефти и газа, и, естественно, возникают вопросы: на сколько лет хватит их запасов и какой будет структура мирового энергобаланса через 100 лет?

Как говорят геологи, «эпоха легкой нефти закончилась», поэтому приходится начинать разработку труднодоступных залежей на глубине 5–10 км, а также «выдавливать» нефть из низкопроницаемых пластов, битумов или сланцев. Современное развитие научно-технического прогресса достигло такого состояния, когда проекты, которые совсем недавно казались фантастическими, становятся реальностью на наших глазах. В промышленные запасы ежегодно переводятся огромные ресурсы тяжелой нефти и реализуются ранее нерентабельные проекты в труднодоступных регионах планеты, в том числе на арктическом шельфе.

В недрах Арктики, по оптимистическим оценкам геологов, содержится четвертая часть от современных мировых запасов нефти и газа. Оценки ресурсов углеводородов, а особенно возможности их освоения, сильно отличаются и являются предметом постоянных дискуссий между экспертами. Например, по оценкам Геологической службы США, на арктическом шельфе содержится около 13 % неразведанных мировых запасов нефти (12,2 млрд т), а также до 30 % запасов газа (50 трлн куб. м).

Суммарные доказанные запасы арктических месторождений, открытых к настоящему времени на суше и на шельфе, оцениваются в 3 млрд т нефти и 20 трлн куб. м газа. При этом в месторождениях России содержится основная часть этих запасов (43 % нефти и 92 % газа), что создает надежную базу для реализации крупнейших инвестиционных проектов уже в ближайшие десятилетия [II Международный… 2011]. «Роснефть», «Газпром» и «Лукойл» интенсивно осваивают лицензионные участки на севере Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, на Ямале, Гыдане и Таймыре, а также на шельфах Баренцева, Печорского и Карского морей.

Эксперты приводят весомые экономические и экологические аргументы против экстенсивного увеличения добычи нефти и газа в Арктике без применения технологий, гарантирующих безопасность проектов [Розенберг 2016].

Необходимость привлечения крупных инвестиций и использования мощных производственных ресурсов для создания инфраструктуры в необжитых районах, большие затраты на эксплуатацию месторождений – все эти аргументы являются сдерживающим фактором для большинства морских акваторий.

В среднесрочной перспективе будут осваиваться уже выявленные и подготовленные к эксплуатации месторождения на суше и в прибрежных акваториях, а также проводиться поисковые и разведочные работы на лицензионных участках шельфа. Началось формирование крупных промышленных комплексов, охватывающих как сушу, так и моря. При этом морские установки (платформы, терминалы, подводные трубопроводы) и транспортные суда ледового класса, а также береговые заводы по переработке нефти и газа становятся основными компонентами организационной структуры нефтегазового сектора экономики.

Поисковое и разведочное бурение еще не проводилось на огромных морских акваториях Восточной Сибири, в северных частях Карского и Баренцева морей, шельфах Аляски и Канадского архипелага, а в первых скважинах у берегов Гренландии пока не выявили месторождений. По-видимому, лишь к концу XXI в. наступит очередь месторождений, находящихся на больших глубинах моря и расположенных далеко от берега. Для этого потребуются разработка множества технологий (бурение в условиях сложной ледовой обстановки), создание арктического флота из судов ледового класса, строительство системы подводных трубопроводов, внедрение автономных комплексов по переработке газа в жидкое состояние, разработка других технических средств, над конструкциями которых только начинают задумываться проектировщики.

Устойчивое развитие в Арктике предусматривает хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение нынешних экономических и социальных потребностей, не ставящую под угрозу потенциал и возможности для будущих поколений. Современная концепция освоения базируется не только на принципи-

ально новых возможностях научно-технического прогресса, но и на гармоничном развитии регионов с учетом интересов местного населения и обеспечения защиты окружающей среды от беспощадного молоха индустриализации.

Первозданная природа является достоянием всего человечества, и необходимо приложить все усилия для ее сохранения.

Литература

Арктика: история, современность, горизонты будущего / гл. ред. И. И. Мазур. М. : ИЦ «ЕЛИМА», 2011.

Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003.

Мазур И. И. Арктика – точка бифуркации в развитии глобального мира // Век глобализации. 2010. № 2(10). С. 93–104.

II Международный арктический форум «Арктика – территория диалога» (22–23 сентября 2011 г., Архангельск). 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://orion-show.ru/novosti/arktika-territoriya-dialoga.

Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс). Резолюция MSC.385(94) (принята 21 ноября 2014 г.). [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/420376046.

Розенберг Г. С. Экология «в законе». 2-е изд., испр. и доп. Самара; Тольятти : Стандарт, 2016.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018.

Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS). 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/clcs_home.htm (дата обращения: 17.07.2018).

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay; with a Foreword by M. Gorbachev. Amsterdam; New York : Rodopi, 2014.

МАКРОПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНА ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Думнов А. Д., Рыбальский Н. Г.*

Статья является логическим продолжением близкой по тематике публикации в журнале «Век глобализации» [Думнов и др. 2017]. В ней, в частности, предлагается субсистема макростатистических показателей, отражающих ход и результаты некоторых видов природопользования и охраны окружающей природной среды, а также кратко анализируется сущность этих макроиндикаторов. Соответствующие построения во многом используют показатели системы национальных счетов (СНС), систематически рассчитываемых в России и других странах мира. Кроме того, в статье анализируется ряд международных рекомендаций Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) по формированию интегральных макроагрегатов, в сводном виде отражающих природопользование (или его узловые аспекты), в том числе с использованием расчетов в рамках системы природно-ресурсного и экономического учета, вспомогательной (сателлитной) к основным счетам СНС. При этом дан краткий критический анализ указанных предложений-рекомендаций ОЭСР.

Ключевые слова: *макропоказатели природоемкости и природоотдачи, выбор терминов, эффективность использования лесных и других биологических и почвенных ресурсов, удельные бюджетные доходы и расходы, сводный природно-ресурсный индекс, надежность макростатистических расчетов.*

The article is a logical continuation of the publication in the journal «Vek Globalizatsii» [2017, No. 2]. In particular, we propose a subsystem of macrostatistical indicators reflecting the progress and results of some types of nature management and environmental protection, and briefly analyzes the essence of these macro-indicators. The most important aggregates of the system of national accounts (SNA), which are systematically calculated in Russia and other countries of the world, use the corresponding constructions in many ways. In addition, the article analyzes a number of international recommendations of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) concerning the formation of integrated macro-aggregates reflecting in a consolidated form the use (or its basic aspects) of natural resources, including the use of calculations within the System of Environmental-Economic Accounting, auxiliary (satellite) to the main accounts of the SNA. A brief critical analysis of these proposals-recommendations of the OECD has been performed.

* Думнов Александр Дмитриевич – д. э. н., г. н. с. Национального информационного агентства «Природные ресурсы». E-mail: a.dumnov@mail.ru.

Рыбальский Николай Григорьевич – д. б. н., профессор, директор Национального информационного агентства «Природные ресурсы», первый вице-президент Российской экологической академии. E-mail: rng@priroda.ru.

Keywords: *macroeconomic indicators of environmental capacity and productivity, choice of terms, the efficiency of use of forest and other biological and soil resources, specific budgetary income and expenditure, quantity index of natural resources, the reliability of macro-economic calculations.*

В журнале «Век глобализации» в 2017 г. авторами данной статьи был рассмотрен ряд приемов статистического анализа природопользования и охраны окружающей природной среды, основывающихся на конкретных макроиндикаторах [Думнов и др. 2017]. Как показала практика, соответствующая проблема требует дальнейшего развития, уточнения и углубленного исследования.

Если коротко напомнить и охарактеризовать предысторию вопроса, то его истоки лежат еще в 70–80-е гг. прошлого века, когда на международном уровне начали обсуждаться гипотетически возможные подходы к отражению комплексной деятельности в области окружающей природной среды (далее также ОПС) в системе макростатистических характеристик общественного воспроизводства. В основном указанное обсуждение проходило и соответствующие исследования осуществлялись в пилотном режиме на международном уровне [Симпозиум… 1971; Учет… 1973; Определение… 1973 и др.]. В СССР такого рода изучение тоже проводилось, но, к сожалению, в ограниченных масштабах [см., например: Охрана… 1977]. Положение резко изменилось в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда силами ряда авторитетных международных организаций стали разрабатываться конкретные элементы вспомогательных (сателлитных) счетов, отражающих различные аспекты природных ресурсов, природопользования и охраны ОПС и дополняющих традиционную систему национального счетоводства. Указанные мероприятия нашли итоговое завершение в принятии Статистической комиссией ООН в 2012 г. международного стандарта – Базовой схемы Системы природно-ресурсного и экономического учета, БС СПЭУ-2102 (System of Environmental-Economic Accounting – Central Framework, CF SEEA-2012), разработанной ООН, Европейской комиссией и рядом других организаций и опубликованной в итоговом виде в 2014 г. [System… 2014] (перевод на русский язык, уточненный российскими специалистами, был опубликован в 2017 г.). В последующие годы этот основополагающий и обязательный для всех стран документ был дополнен рядом факультативных приложений и разъяснений [Думнов и др. 2017].

При этом значительное внимание было уделено задаче формирования итоговых макрохарактеристик, которые бы увязывали соответствующее природопользование и охрану ОПС с главными экономическими показателями, то есть с получением конкретных данных о так называемых *ресурсопродуктивности* и *ресурсопроизводительности*. Особое значение этот вопрос получил в различных документах-рекомендациях ОЭСР и Евростата, разработанных в самые последние годы [см., в частности: Green… 2014; 2017].

Что касается нашей страны, то, к сожалению, с момента развала СССР до начала второго десятилетия текущего века – то есть фактически двадцать лет – в России в этой области почти не проводилось никаких исследований и разработок, что способствовало значительному отставанию от целого ряда государств мира. Сколько-нибудь упорядоченные и методологически адекватные мероприятия в рамках БС СПЭУ начались фактически только с принятием Правительством Российской Федерации распоряжения от 12.10.2012 г. № 1911-р «О внесении из-

менений в Федеральный план статистических работ, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 671-р». Оно предусматривало как внедрение системы стоимостных оценок природных ресурсов и природопользования в рамках СНС с включением соответствующих элементов в общий экономический баланс активов и пассивов, а также с уточнением национального богатства страны и корректировкой основных агрегатов национальных счетов, так и регулярное получение конкретной статистической информации по системе показателей ресурсной продуктивности/производительности. При этом статистические сведения по указанным индикаторам, отражающим ресурсопродуктивность/ресурсопроизводительность, предполагалось начать публиковать с данных за 2018 г. [Егоршева 2017 и др.].

Предыдущая статья авторов в журнале «Веке глобализации» как раз и была посвящена рассмотрению некоторых из вышеназванных макропоказателей, для расчета которых или уже имеется статистическая база, или эта база требует относительно небольших корректировок и дополнений. В частности, было детально рассмотрено построение таких макростатистических индикаторов, как водоемкость (водоотдача), выбросоемкость (выбросоотдача), сбросоемкость (сбросоотдача) и отходоемкость (отходоотдача). Одновременно были раскрыты показатели *декаплинга* (с их графическим отражением), то есть характеристики расхождения величин типовых агрегатов СНС с показателями природопользования и негативного воздействия на ОПС. При этом было указано на необходимость уточнений терминологического аппарата, в первую очередь касающихся понятий производительности и продуктивности различных природных ресурсов. Судя по всему, в данном случае применяются практически дословные переводы англоязычных терминов *environmental / resource intensity* и *environmental / resource productivity* соответственно. Однако авторами предлагалось и предлагается использовать иные термины, а именно: удельная природоресурсоемкость, сокращенно – природоемкость (вместо *environmental / resource intensity*), и удельная природоресурсоотдача, природоотдача (вместо *environmental / resource productivity*). Указанные предложения строятся на основе таких близких по существу и устоявшихся в отечественной экономической статистике понятий, как фондоемкость и фондоотдача, энергоемкость и энергоотдача и т. п., причем по аналогии показатели природоемкости и природоотдачи обратны один другому. На основании приведенного терминологического подхода вышеназванные понятия и определения были использованы применительно к водным ресурсам, атмосферному воздуху и отходам производства и потребления.

Целесообразно отметить, что авторами настоящей статьи совместно с другими специалистами уже сравнительно давно осуществлялись и продолжают проводиться расчеты ряда относительных макроагрегатов для дальнейшей официальной публикации результатов. Например, соответствующие сведения уже свыше десяти лет приводятся в ежегодных государственных докладах «О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации» и статистических сборниках «Водные ресурсы и водное хозяйство России», подготавливаемых по заказам соответственно Минприроды России и Федерального агентства водных ресурсов. Характерно, что в этих изданиях рассматриваемые сведения приводятся не только по нашей стране и ее регионам, но и по другим государствам в сопоста-

вимом виде [см., например: Рыбальский и др. 2018; Водные… 2018 и др.]. Кроме того, некоторые макрооценки были включены в Государственные доклады «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации» за 2015 и 2016 гг. [Рыбальский и др. 2017].

В настоящей статье предлагается пойти несколько дальше и проанализировать возможные методы построения других удельных макропоказателей, прежде всего тех, для которых информационная база еще не создана или ее формирование находится на начальной стадии. Это представляется тем более целесообразным, поскольку обеспечивается обратная связь: воздействие предлагаемой методологии конечных макрохарактеристик на формирование статистических сведений, обеспечивающих практические расчеты с получением конкретных данных.

Построение всей, то есть максимально полной и комплексной, системы предлагаемых макроиндикаторов выходит за рамки объема настоящей статьи. Более или менее результативное решение указанной проблемы теснейшим образом связано с решением комплекса сопутствующих вопросов и обеспечивающих факторов, прежде всего со значительным повышением экономико-статистического профессионализма в системе госуправления, включая возрастание ответственности при проведении необходимых расчетов, озвучивании соответствующих цифр и т. п. (О сохраняющихся в этом плане недостатках см. более подробно в статье авторов [Думнов, Рыбальский 2018].) Поэтому целесообразно ограничиться представлением системы показателей, характеризующих эффективность использования лесных и прочих биологических и почвенных ресурсов по их видам, то есть конкретных элементов природоемкости и/или природоотдачи применительно к указанным видам природных активов.

В табл. 1 и 2 представлены конкретные предложения по построению системы соответствующих агрегатов и отдельных индикаторов с соответствующими группировками, а также с необходимым минимумом пояснений.

Таблица 1

Основные макропоказатели, характеризующие эффективность использования лесных, других биологических и почвенных ресурсов

Показатель	Краткий алгоритм расчета	Примечание
1. Макростатистические показатели лесопользования – лесоемкость/лесоотдача (древесиноемкость/древесиноотдача) и др.	1.1. Объем ежегодной заготовки (вывозки с мест вырубки) древесины или объем производства необработанной древесины, в куб. м на 1 млн р. какого-либо агрегата СНС, например, объема: а) валового выпуска; б) промежуточного потребления; в) валовой добавленной стоимости и/или валового внутреннего продукта (ВДС и/или ВВП); г) валовой прибыли и валовых смешанных доходов; д) конечного потребления (в соответствующих институциональных секторах); е) валового сбережения[1].	Расчеты соответствующих показателей целесообразно производить по виду деятельности *«Лесоводство и лесозаготовки» (код 0.2 по ОКВЭД 2,* с выделением подвида деятельности *«Лесоводство и прочая лесохозяйственная деятельность», код 02.1*) и/или в расчете на соответствующие агрегаты СНС в целом по всей экономике страны

Продолжение табл. 1

Показатель	Краткий алгоритм расчета	Примечание
	1.2. Сальдовый прирост/убыль запасов лесной древесины, относящейся к природным активам, за отчетный год, в тыс. куб. м на 1 млн р. какого-либо агрегата СНС (см. конкретные агрегаты в п. 1.1, от *а)* до *д)*	
2. Макростатистические показатели охотопользования – охотоемкость/ охотоотдача	2.1. Количество добытых животных (голов, ед.), являющихся наиболее массовыми объектами охоты (отстрела, отлова) – например, волков, лосей, косуль, кабанов, уток и т. д. – в расчете на 1 млн р. какого-либо макроагрегата СНС (см. агрегаты в п. 1.1). 2.2. Сальдовый прирост/убыль поголовья (численности) охотничьих животных, относящихся к природным активам, выбранных для оценки согласно п. 2.1, за отчетный год, голов (ед.) на 1 млн р. какого-либо агрегата СНС (см. п. 1.1). 2.3. Стоимостной объем добычи *всех* охотничьих животных, включая птиц, пресмыкающихся и т. д., по ценам реализации или по стоимости выданных охотничьих разрешений на отстрел/отлов, в расчете на 1 млн р. какого-либо агрегата СНС (см. п. 1.1)	Расчеты желательно осуществлять применительно к подвиду деятельности *«Охота, отлов и отстрел диких животных, включая предоставление услуг в этих областях» (код 01.7 по ОКВЭД 2).* В принципе не исключены расчеты по отношению к агрегатам СНС, взятым в целом по всей экономике страны. Однако эти оценки целесообразно осуществлять в расчете на 1 млрд р. соответствующих агрегатов из-за очень небольшой значности цифр, полученных при расчетах на 1 млн р.
3. Макростатистические показатели природоемкости/природоотдачи прочих биоресурсов (отличных от лесной древесины, охотничьих животных и рыбных ресурсов)	3.1. Количество добытых (собранных) продуктов в форме различных естественно произрастающих ресурсов, являющихся наиболее массовыми объектами собирательства – например, тонн грибов и ягод – в лесах и иных естественных угодьях, за отчетный год, в расчете на 1 млн р. какого-либо агрегата СНС (см. п. 1.1). 3.2. Стоимостной объем добычи (собирательства) каких-либо естественных пищевых и непищевых продуктов – прежде всего грибов и ягод по существующим ценам реализации на «колхозных» рынках – в лесах и иных естественных угодьях, за отчетный год, рублей, в расчете на 1 млн р. какого-либо агрегата СНС (см. п. 1.1)	Расчеты весьма желательно осуществлять по подвиду деятельности *«Сбор и заготовка пищевых лесных ресурсов, недревесных лесных ресурсов и лекарственных растений».* В принципе не исключены расчеты по отношению к агрегатам СНС, взятым в целом по экономике. Однако эти оценки целесообразно осуществлять в расчете на 1 млрд р. соответствующих агрегатов из-за очень небольшой значности цифр, полученных при расчетах на 1 млн р.

Окончание табл. 1

Показатель	Краткий алгоритм расчета	Примечание
4. Макростатистические показатели почвоемкости/ почвоотдачи	4.1. Сальдовый прирост/убыль площади земель, подверженных почвенной эрозии и/или иной деградации почв, относящихся к природным активам, за достаточно длительный период времени, тыс. га. 4.2. Увеличение площади «запечатанных», то есть фактически исключенных из ОПС, участков почвы, тыс. га (за достаточно длительный период)[2]. 4.3. Сальдовый прирост/убыль площади земель, подверженных почвенной эрозии и/или иной деградации почв, относящихся к природным активам, тыс. га, на 1 млн р. какого-либо агрегата СНС (см. п. 1.1), суммарно за все годы достаточно длительного периода. 4.4. Увеличение площади «запечатанных» участков почвы, тыс. га, за достаточно длительный период времени, на 1 млн р. какого-либо агрегата СНС (см. агрегаты в п. 1.1), суммарно за все годы рассматриваемого периода	В целом по экономике страны и с желательным выделением подвида деятельности *«Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях»* *(код 01 по ОКВЭД 2)*

Примечания:

[1] Здесь и далее расчеты предлагается осуществлять применительно к агрегатам СНС, рассчитанным в текущих и постоянных ценах. Аналогичные оценки в принципе могут быть сделаны по отношению к сальдовому увеличению/уменьшению *расчетной лесосеки* (то есть расчетной величине возможного объема вырубки, обеспечивающего неистощительное лесопользование) и/или по отношению к величине перерубов этой лесосеки.

[2] Под «запечатанными» землями понимаются площади земельных участков, обладающих почвенным слоем и находящихся под застройками, различными дорогами, асфальтовым или иным твердым покрытием и т. п. Период расчета зависит от надежности соответствующих наблюдений / мониторинга почвенного слоя).

В целях получения более полной картины, характеризующей природопользование с макроэкономических и финансовых позиций, целесообразно также исследовать удельные затраты на охрану ОПС и рационализацию природопользования. Кроме того, представляют определенный интерес удельные показатели, рассчитанные по отношению к данным консолидированного и/или федерального бюджетов, в том числе к бюджетным доходам в форме различных налогов, сборов и платежей, связанных с использованием тех или иных природных активов, и т. п. (табл. 2).

Таблица 2

Дополнительные удельные макрохарактеристики использования лесных и других биологических и почвенных ресурсов

Показатели	Краткий алгоритм расчета	Примечание
1. Природопродуктивность (природопроизводительность) – по отношению к расходам и доходам		
1.1. Общеэкономическая и/или отраслевая затратоемкость (затратоотдача) в области охраны ОПС и рационализации природопользования	1.1.1. Удельные совокупные затраты, связанные с охраной ОПС, за отчетный год, рублей, в расчете на 1 млн р. какого-либо агрегата СНС, например: – валового выпуска; – промежуточного потребления; – ВВП или ВДС; – валовой прибыли и валовых смешанных доходов; – валового национального продукта и др.[1] 1.1.2. Показатели 1.1 по отношению к совокупным расходам консолидированного бюджета РФ, за отчетный год. 1.1.3. Показатели 1.1 по отношению к совокупным доходам федерального бюджета РФ, за отчетный год	В целом по экономике страны, по отдельным видам деятельности и/или институциональным секторам
1.2. Общеэкономическая и отраслевая доходоемкость (доходоотдача) в области охраны ОПС	1.2.1. Удельные общеэкономические доходы, связанные с охраной ОПС и рационализацией природопользования, за отчетный год, рублей, в расчете на 1 млн р. какого-либо агрегата СНС, например: – ВВП и/или ВДС; – валовой прибыли и валовых смешанных доходов; – валового национального продукта. 1.2.2. Удельные общеэкономические доходы, связанные с охраной ОПС и рационализацией природопользования, за отчетный год, рублей, в расчете на 1 млн р. доходов консолидированного и/или федерального бюджетов РФ	В данном случае подлежат изучению общеэкономические (отраслевые) и бюджетные доходы, связанные с дополнительными поступлениями в ходе охраны ОПС и/или рационализации природопользования. Их величину предлагается определять как разницу между доходами до и после проведения комплекса мероприятий по повышению эффективности и защите соответствующих природных активов. Лаг во времени между числителем и знаменателем дроби предлагается установить в 3–5 лет. По экономике в целом, отдельным видам деятельности и/или институциональным секторам

Продолжение табл. 2

Показатели	Краткий алгоритм расчета	Примечание
2. Макроэкономическая характеристика налогообложения и совокупности субсидий в области охраны ОПС и рационализации природопользования		
2.1. Общеэкономическая и отраслевая налогоемкость/ налогоотдача профильных налогов, платежей и сборов, связанных с охраной ОПС и рационализацией природопользования	2.1.1. Доля налогов, платежей и сборов, направленных на охрану ОПС и рационализацию природопользования, в общей сумме налогов, используемой при расчете макропоказателей СНС производственным методом (прежде всего ВВП в виде налогов на продукты). 2.1.2. Доля налогов, платежей и сборов, направленных на охрану ОПС и рационализацию природопользования, в общей сумме налогов, используемой при расчете макропоказателей СНС распределительным методом (прежде всего валовой прибыли и валовых смешанных доходов в виде других налогов на производство). 2.1.3. Доля налогов, платежей и сборов, направленных на охрану ОПС и рационализацию природопользования, в общей сумме доходов консолидированного и/или федерального бюджетов страны	В целом по экономике страны
2.2. Макрохарактеристика профильных бюджетных трансфертов, направленных на охрану ОПС и рационализацию природопользования – субсидиеемкость/субсидиеотдача охраны ОПС и рационализации природопользования	2.2.1. Доля трансфертных перечислений (субсидий и субвенций), направленных на охрану ОПС и рационализацию природопользования, в общей сумме субсидий, используемой при расчете макропоказателей СНС производственным методом (прежде всего ВВП, в форме субсидий на производство). 2.2.2. Доля трансфертных перечислений (субсидий и субвенций), направленных на охрану ОПС и рационализацию природопользования, в общей сумме субсидий, используемой при расчете макропоказателей СНС распределительным методом (прежде всего валовой прибыли и валовых смешанных доходов в виде других субсидий на производство). 2.2.3. Доля трансфертных перечислений (субсидий и субвенций), направленных на охрану ОПС и рационализацию природопользования, в общей сумме субсидий консолидированного и/или федерального бюджетов страны	В целом по экономике страны

Окончание табл. 2

Показатели	Краткий алгоритм расчета	Примечание
3. Прочие макропоказатели		
3.1. Природопроизводительность/природоубыточность в расчете на одного занятого работника	3.1.1. Сальдированный прирост (убыль) конкретного природного актива в стоимостном выражении на одного работника, занятого в соответствующем виде (подвиде) деятельности, за отчетный год: – применительно к ресурсам лесной древесины – в куб. м на 100 чел.; – применительно к почвам – в га на 100 чел.	Показатели, расчет которых желателен в перспективе

Примечание: [1] Здесь и далее расчеты осуществляются по отношению к агрегатам СНС, рассчитанным в текущих и постоянных ценах.

Как уже было указано выше, в настоящее время работу по формированию макроиндикаторов, отражающих как отдельные аспекты природопользования, так и общеинтегральные характеристики природопользования и/или охраны ОПС, проводят сразу несколько международных организаций. В частности, в рамках исследований, организуемых ОЭСР, уже несколько лет предпринимаются попытки разработать так называемый *количественный индекс природных ресурсов* (*quantity index of natural resources*) [Green… 2014; 2017].

В принципе используемый здесь теоретический подход базируется на стандартной производственной функции. Согласно ей величина выпуска Y определяется с использованием таких факторов производства, как, например, труд и капитал в качестве ресурсов/затрат (*input factors*). В рассматриваемом случае функция дополняется показателями природного капитала как такового плюс показателями негативного влияния отрицательных результатов производства (вредного «выпуска», *negative effect of bad output on production*). Иначе говоря, в стандартную производственную функцию вносятся две основные корректировки. Во-первых, факторы природного капитала (включая нефть, газ, уголь, неэнергетические полезные ископаемые, а также древесину) агрегируются в природно-ресурсный субиндекс и вводятся в производственную функцию в качестве третьего фактора производства (то есть соответствующих ресурсов/затрат). Во-вторых, нежелательные результаты (негативный выпуск) – например, в виде выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, а также поступлений в нее CO_2 – отражаются в составе Y, чтобы получить общий (сальдированный) выпуск Q. С формализованной точки зрения это может быть представлено в виде:

$$Q(R_t, Y_t) = f(K_t, L_t, S_t),$$

где: Q – совокупный (обобщенный) выпуск; Y – позитивный выпуск; R – нежелательные результаты (негативный или отрицательный выпуск); K – ресурсы / затраты капитала; L – ресурсы / затраты труда и S – поток природных ресурсов. При этом S представляет собой агрегат, то есть совокупность ресурсов / затрат различных природных ресурсов (их «входы», *inputs*) [Green… 2014: 23].

По мнению разработчиков подхода, самой большой проблемой в этом случае остается получение конкретных и надежных данных, характеризующих использо-

вание затрат природных ресурсов (природно-ресурсных «входов») в производстве и связанные с этим попутные издержки, в частности, в виде стоимостных величин истощения и деградации природных ресурсов. Характерно, что предварительные итоги и выводы работы, уже проведенной в рамках ОЭСР, показывают, что «оценки роста общей экономической производительности могут оказаться завышенными в странах, в которых рост выпуска основывается главным образом на истощении природных ресурсов в процессе производства, или там, где издержки производства сохраняются на низком уровне в результате применения технологий, являющихся значительным источником загрязнения ОПС (в результате экономии на природоохранных/природосберегающих расходах). С другой стороны, при существующих ныне подходах и системе оценок могут недооцениваться экономика и устойчивость развития тех стран, в которых осуществляется масштабное инвестирование средств в более эффективное и рациональное использование природно-ресурсных (экологических) услуг в ходе производства. Это происходит из-за того, что некоторые производственные издержки (входы) не служат целям непосредственного увеличения текущего выпуска товаров и услуг, а направлены на уменьшение негативных внешних результатов, то есть отрицательных процессов и факторов, происходящих за пределами данного производства» [Green… 2014: 23].

Следует отметить, что в указанных положениях нет ничего принципиально нового для российских исследователей. В нашей стране уже имеется целый ряд публикаций, развивающих и дополняющих эти постулаты. Основные проблемы состоят в том, что: а) соответствующими исследованиями в России, как уже было отмечено выше, начали заниматься относительно недавно (с начала 90-х гг. XX в. и до начала второго десятилетия XXI в. эти вопросы изучались в частном, полукустарном порядке, причем общеуправленческие, экономические, природно-ресурсные и природоохранные госорганы ими практически не интересовались); б) круг учреждений и организаций, реально заинтересованных в развитии рассматриваемых исследований, до сих пор весьма невелик; в) в имеющихся отечественных наработках порой присутствует определенное теоретическое недопонимание сути проблемы, отчего возникают противоречия, неверные результаты расчетов и т. п.

Продолжением и развитием вышеприведенного общетеоретического подхода, предлагаемого специалистами ОЭСР, являются мероприятия по разработке целевого количественного природно-ресурсного индекса $I^{t/t-1}$ [*Ibid.*: 24]. Он должен отражать, например, средний темп изменения запасов по всем природным активам за какой-либо конкретный период времени между моментами t и $t-1$. При этом изменение величины каждого актива взвешивается по доле, которую он занимает в общей ценности (стоимости) всех активов на начало учетно-отчетного периода, с применением в ходе расчетов цен на середину данного периода. В частности, существует предположение, что такого рода индекс мог бы иметь следующую форму:

$$I^t = \sum\nolimits_t \frac{\overline{p}_i^t X_i^{t-1}}{\sum_i \overline{p}_i^t X_i^{t-1}} \frac{X_i^t}{X_i^{t-1}} = d^i + 1,$$

где: $\overline{p}_i^t$ – средняя цена природного ресурса i за рассматриваемый учетно-отчетный период; X_i^{t-1} – запасы природного ресурса i на начало этого периода (в нату-

ральном измерении); X_i^t – запасы природного ресурса *i* на конец периода (также в натуральном измерении).

Если итоговая цифра окажется равной или больше 1, это в принципе должно означать, что базовые природные активы количественно не изменяются или их суммарная величина растет. Одновременно если полученный результат окажется меньше 1, то это означает истощение данных активов.

Рассматриваемая формула, на наш взгляд, небезупречна и требует определенной разъяснительной доработки. Однако такого рода исследования сами по себе имеют безусловно позитивный характер. Они отражают, образно говоря, общую «хрустальную мечту» статистиков-экономистов – получить в максимально интегрированной форме сводную информацию, объективно отражающую *общий* тренд какого-либо явления или процесса.

По мнению исследователей ОЭСР, при использовании вышеприведенного индекса в ходе международных сопоставлений он должен быть адаптирован к конкретным реалиям стран, где проводятся соответствующие расчеты (то есть учитывать уровень обеспеченности государств теми или иными ресурсами). Указанная адаптация может осуществляться с помощью весов, определенных для конкретных стран.

Весьма важным вопросом является наличие или отсутствие статистических данных, необходимых для соответствующих расчетов, а также полнота и надежность указанных сведений. Требуемая информация включает широкий спектр детализированных статистических материалов, отражающих: 1) запасы и потоки природных активов в физических (натуральных) единицах измерения; 2) удельные доходы и затраты, необходимые для расчета рентных характеристик; 3) информацию об ожидаемых масштабах и уровнях добычи/изъятия из ОПС какого-либо природного актива и/или об оставшемся сроке его существования в целях вычисления чистой приведенной стоимости по каждому активу. По мнению специалистов ОЭСР, «предварительные результаты исследований показывают, что во многих странах в принципе имеется значительный массив профильной информации. Однако ряд важных информационных блоков пока отсутствует» [Green… 2014: 24].

Кроме того, итоги расчетов, проведенных в рамках ОЭСР и в некоторых иных международных организациях с учетом вышеописанных факторов, вызывают вопросы и определенные сомнения. В частности, в одном из последних исследований ОЭСР утверждается, что «около 23 % роста объема выпуска (*output growth*) в Российской Федерации с 1994 г. обеспечила добыча полезных ископаемых. Это вызывает озабоченность из-за зависимости общеэкономического развития от указанной добычи, а также из-за очевидной необходимости выявления новых источников роста в перспективе» [Green… 2017: 6]. Характерно, что по данным Росстата, опубликованным в «Российском статистическом ежегоднике», в последние 15–20 лет доля выпуска по виду деятельности «добыча полезных ископаемых» в общей величине выпуска по стране, взятого в основных текущих ценах, составляла всего лишь 7–9 %. Иначе говоря, не совсем понятно, как такая относительно небольшая отраслевая доля (без четкой тенденции к ее повышению) смогла обеспечить рост общеэкономического выпуска почти на четверть. К сожалению, конкретные приемы и алгоритмы расчетов специалисты ОЭСР в рассматриваемом документе не приводят.

В заключение следует признать, что большинству предлагаемых систем макропоказателей и/или сводно-интегральных индикаторов пока трудно дать оценку в практическом плане из-за недостаточности информационной базы, на которой они должны строиться, или ее очевидной ненадежности. Одновременно целесообразно подчеркнуть, что итоговые данные, получаемые на основе расчетов с применением рассматриваемых макропоказателей / сводных индикаторов, в любом случае обязаны иметь доступную для понимания и удобную для последующего анализа форму, на основе чего только и могут приниматься важные управленческие решения в сфере природопользования и охраны окружающей природной среды.

Литература

Водные ресурсы и водное хозяйство России в 2017 году (Статистический сборник) / под ред. Н. Г. Рыбальского, А. Д. Думнова. М. : НИА-Природа, 2018.

Думнов А. Д., Борискин Д. А., Рыбальский Н. Г. О некоторых методах макростатистического анализа природопользования и охраны окружающей природной среды // Век глобализации. 2017. № 2. С. 37–50.

Думнов А. Д., Рыбальский Н. Г. Корректное использование статистических показателей – основа эффективного управления природопользованием // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2018. № 3. С. 4–14.

Егоршева Н. Статистика танков не боится // Российская газета. 2017. 9 июня.

Определение потоков, относящихся к изучению проблем окружающей среды, в системе национальных счетов и баланса народного хозяйства (Записка Секретариата ЕЭК ООН). Конференция европейских статистиков, Семинар по статистике окружающей среды (Варшава, 15–19 октября 1973 г.). Б. м. : ЕЭК ООН, 1973.

Охрана окружающей природной среды (модели управления чистотой природной среды) / под ред. К. Г. Гофмана, А. А. Гусева. М. : Экономика, 1977.

Рыбальский Н. Г., Муравьева Е. В., Борискин Д. А., Жумнов А. Д. и др. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». М. : Минприроды России; НИА-Природа, 2017.

Рыбальский Н. Г., Омельяненко В. А., Думнов А. Д., Муравьева Е. В. и др. Государственный доклад «О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2017 году». М. : НИА-Природа, 2018.

Симпозиум ЕЭК по вопросам окружающей среды // Труды и документы Симпозиума ЕЭК ООН (Прага, 2–15 мая 1971 г.). Нью-Йорк : ООН, 1971.

Учет проблем, касающихся окружающей среды, в национальных счетах и балансе народного хозяйства (Меморандум Секретариата ЕЭК ООН). Конференция европейских статистиков (Женева, 14 февраля 1973). Женева : ЕЭК ООН, 1973.

Green Growth Indicators 2014 (OECD Green Growth Studies). N. p. : OECD Publications, 2014. P. 141 [Электронный ресурс]. URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264202030-en.

Green Growth Indicators 2017 (Highlights). N. p. : OECD, 2017. P. 15 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbd.int/financial/2017docs/oecd-greenindicators2017.pdf.

System of Environmental-Economic Accounting 2012: Central Framework/United Nations, European Union, FAO, IMF, OECD, World Bank (ST/ESA/STAT/Ser.F/109). New York : United Nations, 2014.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО КОСМОПОЛИТИЗМА

Шестова Т. Л.[*]

Универсальная во времени и пространстве природа космополитизма позволяет выявить основные группы интересов, стоящих за идеологией мирового гражданства в различных исторических условиях. В статье выделены три основных направления античного космополитизма, которые рассмотрены как латентные программы современных моделей глобализации. Космополитические учения киников, киренаиков и стоиков соотнесены с современными вариантами космополитизма – эгалитаристско-демократическим, связанным с утверждением общечеловеческих ценностей; либертарианским, идеалы которого направлены на отмену ограничений предпринимательской инициативы на глобальных рынках; мондиалистским, связанным со становлением институтов мировой государственности и глобального управления.

Ключевые слова: *глобально-исторический подход, глобальное сознание, модели глобализации, античный и современный космополитизм, киники, киренаики, стоики, эгалитаризм, либертарианство, мондиализм.*

The universal in time and space nature of cosmopolitanism makes it possible to identify the main groups of interests behind the ideology of world citizenship in various historical conditions. The directions of ancient cosmopolitanism are considered here as latent programs of contemporary globalization models. The cosmopolitan teachings of Cynics, Cirenaics and Stoics are correlated with contemporary versions of cosmopolitanism – egalitarian-democratic, associated with the affirmation of universal human values; libertarian whose ideals are aimed at abolishing the national restrictions on Global trade markets; mondialistic, associated with the formation of the institutions of the World statehood and Global governance.

Keywords: *global-historical analogues, Global Consciousness, ancient and contemporary cosmopolitanism, Cynics, Cyrenaics, Stoics, egalitarian cosmopolitanism, libertarian cosmopolitanism, mondialistic cosmopolitanism.*

[*] Шестова Татьяна Львовна – д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: tshestova@mail.ru.

Космополитизм, понимаемый как идеология мирового гражданства, является наиболее привычным символом для обозначения духовных настроений той части общества, которую называют «субъективным фактором глобализации».

Тема космополитизма широко представлена в научной литературе, по проблеме космополитизма высказывались известные мыслители, составлялись коллективные монографии, ей посвящали специальные номера авторитетные философские журналы, собирались крупные конференции и симпозиумы и т. д. Однако проблема космополитизма и сегодня остается неисчерпанной. Она почти столь же многолика, как и проблема глобализации. Как указывает А. Н. Чумаков, «без должного внимания остается то обстоятельство, что космополитизм и глобализация не чья-то выдумка, а реальность, в которой с разных сторон отражаются единая природа человека и общие закономерности его эволюции. Вот почему для понимания современной ситуации и перспектив общественного развития важно вскрыть истинную природу данных явлений и правильно определить соответствующие им понятия, поставив каждое из них на свое место в системе категорий, отражающих современный мир» [Чумаков 2009: 33].

Почему не иссякает интерес к космополитизму? Почему и в эпоху глобализации эта тема так привлекает внимание ученых? Потому что в содержании понятия «космополитизм» отражены наиболее существенные стороны такого аспекта глобализации, как формирование глобального сознания (*Global Consciousness*) [Robertson 1992; Steger, James 2016], и в первую очередь его теоретического, системного уровня. Космополитизм представляется нашим современникам одной из основополагающих идейных систем, отражающих объективные интересы центростремительных сил глобализации. Эти интересы далеко не едины, и, анализируя космополитизм, мы выявляем различные группы интересов, стоящих за определенными моделями процесса глобализации. В этом состоит суть анализа космополитизма в контексте процесса глобализации.

Интерес к космополитизму особенно возрастает в эпохи глобальных социальных трансформаций, в периоды перехода на новые стадии глобализации. Так, острые дискуссии по проблемам космополитизма проходили в 1940–1950-х гг., когда формировалась новая система международного порядка, зарождались институты глобального представительства и глобального регулирования (ООН, Всемирный банк, МВФ), когда начиналась фаза «многоаспектной глобализации».

Следующая волна интереса к космополитизму приходится на 1990-е – начало 2000-х гг., когда наступает эпоха «свободной глобализации», эпоха падения многих экономических, политических, идеологических ограничений на пути формирования единой в рамках планеты социальной целостности. В этот период обретает категориальный статус само понятие «глобализация», появляется огромный пласт работ по теории глобализации, анализируются различные аспекты этого процесса. В контексте изучения глобализации оживляются и дискуссии о космополитизме.

В 1990-е гг. наблюдается всплеск работ по космополитизму. Проблемы последнего рассматривались такими исследователями, как Арджун Аппадураи [Appadurai 1996], Даниэле Аркибуджи [Archibugi 1995], Жак Деррида [Derrida 1997], Юрген Хабермас [Habermas 1997], Ульрих Бек [Beck 1997], Аппиа Кваме [Kwame 2006] и многие другие. Важными работами 1990-х гг. о космополитизме

стали книга Тимоти Бреннана «Во всем мире как дома: космополитизм сегодня» [Brennan 1998] и коллективная монография «Космополиты: мысля и чувствуя вне нации», вышедшая под редакцией Чи Феня и Брюса Роббинса [Cosmopolitics… 1998]. Обобщая появившиеся в 1990-х гг. концепции космополитизма, австралийский исследователь Бретт Найлсон назвал дискурс о нем в контексте глобализации новым космополитизмом [Neilson 1999].

В первое десятилетие 2000-х гг. к теме космополитизма обращались такие крупные ученые, как Ульрих Бек [Beck 2006], Александр Чумаков [2009], Даниэле Аркибуджи [Archibugi 2008], Костас Кукузелис [Koukuzelis 2007], Чи Фень [Cheah Pheng 2000] и др. В работах этих авторов космополитизм рассматривается через призму актуальных вызовов XXI в. Тематика космополитизма подробно разбиралась на XXII Всемирном философском конгрессе в Сеуле в 2008 г., в рамках которого состоялся специальный симпозиум «Globalization and Cosmopolitanism». Итоги международной дискуссии А. Н. Чумаков обобщил в статье «Глобализация и космополитизм в контексте современности» [Чумаков 2009].

Казалось бы, тема космополитизма временно себя исчерпала. Однако в 2010-х гг. она вновь обратила на себя внимание [Held 2010; 2011; Cosmopolitanism… 2011; Ding John Zijiang 2011; Neville 2012; Chumakov 2015; Pohl 2018].

После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. глобализация сделала «два шага назад», временно уступив место центробежным тенденциям глобального развития. События последнего десятилетия свидетельствуют об изменении характера процесса глобализации. «Арабская весна» и *Brexit*, миграционный кризис 2015–2019 гг. в Европе и панамериканские «караваны» 2018 г., «Великая мексиканская стена» и *Great China Firewall*, всплеск сепаратизма и подъем дезинтеграционных движений во всем мире, санкционные войны и обострение проблемы глобальной кибербезопасности – все эти явления говорят о переходе к новому этапу глобализации и кризисе сложившихся к началу XXI в. институтов глобального взаимодействия.

В условиях поиска новых форм мироустройства усиливаются тревожные настроения, обостряются общественно-политические и – как их отражение – научные дискуссии по проблемам глобального развития. В контексте роста националистических настроений в мире проблема космополитизма вновь обрела актуальность.

Выражением вновь обострившегося в современных условиях интереса общества к проблеме космополитизма стала статья колумниста и блогера Росса Даутета в «Нью-Йорк таймс» под названием «Миф космополитизма». «Возможно, нам не следует больше говорить о левых и правых, либералах и консерваторах. Отныне великие политические баталии будут вестись между националистами и интернационалистами, нативистами и глобалистами. Отныне социально значимые установки будут либо узко “трайбовыми” – Снова сделаем Америку великой! Этот благословенный заговор. Эта земля. Это царство. Эта Англия, – либо мультикультурными и космополитичными», – пишет Даутет [Douthat 2016].

Однако что такое космополитизм? В какой мере космополитизм противоречит патриотизму? В чем заключается его социальная сущность?

Для ответов на эти вопросы стоит вновь обратиться к истокам космополитизма, которые следует искать в самом сердце античной цивилизации – греческой классике.

Современный космополитизм, безусловно, отличается от античного. Однако понимание причин, вызвавших возникновение идеологии мирового гражданства в античную эпоху, позволяет прояснить характер интересов, стоящих за основными течениями современного космополитизма.

На универсальную во времени и пространстве природу космополитизма не раз обращали внимание исследователи. Особенно много в последние годы выходит работ по китайскому космополитизму. Можно отметить исследования Шан Чуна «О китайском космополитизме (Tian Xia)» [Chun Shan 2009], Диня Джона Цзыцзяня «Современные образы китайского космополитизма» [Ding John Zijiang 2011] и др. Особый интерес к китайскому космополитизму обусловлен проблемой многочисленной китайской диаспоры, усилением миграции и спецификой реализации курса «Одна страна – две системы». Основой единства китайской диаспоры авторы называют космополитические ценности конфуцианства, сложившиеся более двух тысячелетий назад: «Китайский космополитизм отражает широкий географический и этический опыт китайского народа, обретаемый в течение более чем двух тысяч лет» [Chun Shan 2009: 20]. Появившиеся в эпоху Конфуция идеи об упорядоченном мироустройстве продолжают определять мировоззрение китайского народа.

В последние годы значительно возрос интерес к конфуцианскому космополитизму и у западных авторов. В работах Роберта Невилла «Измерения современного конфуцианского космополитизма» [Neville 2012], Карла-Хайнца Пола «Этика космополитизма – конфуцианская традиция» [Pohl 2018] и ряде других исследований проводятся параллели между древним китайским учением о вселенской гармонии и современными идеями о мировом государстве. Авторы показывают, что космополитические идеи конфуцианства актуальны и в наше время. Р. Невилл выделяет в конфуцианской традиции пять измерений космополитизма, обусловивших универсальность учения Конфуция, его способность ответить на запросы современного человека. К.-Х. Пол, раскрывая универсализм конфуцианских норм морали, прямо ставит знак равенства между понятиями «глобальная этика» и «этика космополитизма»: «Учитывая, что конфуцианство является этическим учением, сфокусируемся на этике как важнейшей составляющей космополитизма, в частности, на его роли в формировании норм “глобальной этики” – или этики космополитизма» [Pohl 2018: 11].

Большое количество современных работ по космополитизму посвящено учениям Нового времени. Особенно много работ посвящается космополитическим аспектам кантианской теории Вечного мира.

Обретя популярность еще в годы раннего и классического либерализма, философско-этические аспекты космополитизма сохраняют актуальность и сегодня, в период слома системы классических либеральных ценностей и формирования новых идеалов глобальной эпохи.

Рассматривая космополитизм в глобально-историческом контексте, удается выявить его неизменную, постоянную суть, не зависящую от конкретных условий.

Как и в китайской традиции, видящей истоки учения о мировом государстве в философских школах 1-го тыс. до н. э., в европейской традиции истоки рационального учения о космополисе возводят к Античности.

В эпоху расцвета афинской школы (V–IV вв. до н. э.) вызревают социальные и гносеологические предпосылки для возникновения космополитизма – как философского принципа и как идейного знамени общественных слоев, ратующих за разрушение полисных ограничений. В развернутом виде учение о космополисе возникает у римских стоиков в I–II вв. н. э. в период расцвета имперского ойкуменизма.

Античный космополитизм хорошо изучен, однако сегодня в контексте теории глобализации можно открыть новые грани как в истории Античности в целом, так и в ее идейном наследии. Попыткой взглянуть на античный космополитизм как скрытую (свернутую) программу идеологии глобализации является данная статья.

Социальные корни космополитизма

Зарождение европейского космополитизма напрямую связано с кризисом классической полисной системы.

События греческой истории IV в. до н. э. отражают ту объективную логику глобализации, которая сегодня проявляется в кризисе институтов национальной государственности и развитии форм взаимоотношений на уровне мирового социума. В IV в. до н. э. в греческом мире происходят необратимые изменения: вместо совокупности относительно замкнутых суверенных гражданских общин начинает формироваться единое общегреческое пространство. Причем единое не только в языковом, религиозном и культурно-историческом плане (такая общность была характерна для эллинов еще с архаических времен), но также в экономическом и политическом. Античное общество стремительно выходило за рамки полиса.

Важнейшим внутренним фактором этого процесса было развитие товарного производства. Ориентированное на получение прибыли товарное хозяйство не соответствовало устоям полисной системы, разрушая ее изнутри. Коммерческие интересы в принципе противоречили идее гражданской общины. Для гражданина полиса основная цель хозяйственной деятельности состояла в удовлетворении непосредственных потребностей семьи, а не в извлечении прибыли.

Основой полисной экономики являлась общественная собственность на землю и другие ресурсы. Землей вокруг города обычно владел полис, раздавая ее небольшими участками в пользование своим гражданам. Чаще всего общественными были также леса, источники, рудники... Доходы с них либо поровну делились между гражданами, либо шли на строительство общественных сооружений, выведение колоний, устройство праздников или – как, например, в Афинах при Фемистокле – постройку флота. С развитием специализации, ростом торговли и ремесла общинная собственность начинала заменяться частной, появление которой сопровождалось социальным расслоением, развитием займов и долговой кабалы.

Гражданская община как институт препятствовала становлению частной собственности, росту финансовой зависимости свободных общинников, расслоению внутри общины. На защиту гражданских интересов была направлена вся полисная идеология. Сохранение полисных устоев обеспечивала правовая система. Особо

богатых граждан облагали специальными налогами и общественными повинностями. В ряде полисов, как, например, в Спарте, существовал запрет на роскошь, законодательно закреплялось равенство земельных наделов (клеров), сама гражданская община именовалась «общиной равных». Однако затормозить развитие товарного хозяйства, специализации, ограничить рост индивидуальных состояний было невозможно. Эти процессы подрывали основы полисного строя и создавали предпосылки для формирования единого социально-экономического пространства на территории эллинского мира [Шестова 2008].

Силы, связанные с ростом товарно-денежных отношений, развитием индивидуальной хозяйственной инициативы, формированием института частной собственности, и стали той социальной средой, интересы которой объективно выражала идеология космополитизма.

Однако первые голоса космополитической проповеди раздались по другому поводу. Почвой для формирования первой концепции космополитизма стала политическая борьба за уравнивание в правах коренных граждан античного полиса и переселенцев. Это универсальная закономерность политических последствий миграции, она отчетливо проявила себя в Античности и все ярче обозначается в современном мире [Aleshkovski 2017].

В классическом полисе полными правами обладали только его граждане – рожденные в законном браке дети граждан. Переселенцы из других греческих городов, так называемые метеки (от др.-греч. *metoikoi* – чужаки, переселенцы), и другие категории свободных неграждан, несмотря на богатство многих из них, были существенно ограничены в правах. Так, например, в большинстве греческих полисов метеки не могли иметь недвижимость, участвовать в политической жизни, были обязаны регистрировать свое пребывание в городе через какого-либо гражданина, платить особый налог и т. д.

Купить гражданство или получить его через брак было очень сложно, а в ряде полисов – практически невозможно. Даже дети от браков граждан с метеками не получали полноценного гражданства. В начале IV в. до н. э. в этой сфере стали появляться некоторые послабления. Так, например, богатейший афинский трапезит (банкир) Пассион в 370-х гг. до н. э. получил афинское гражданство, оснастив за это пять триер, выкупив для города тысячу щитов и организовав на свои средства несколько панафинейских праздников.

Следует отметить, что ремеслом, торговлей и ростовщичеством в греческих полисах в основном занимались метеки. Классическая полисная этика воспитывала презрительное отношение к этим занятиям (особенно к ростовщичеству), значительно меньше осуждая безделье, чем стремление к наживе, видя в последнем внутренний источник гибели гражданской общины.

Гражданину предписывалось проявлять умеренную заботу о содержании семьи и ведении домашнего хозяйства, сочетая обязанности хозяина с выполнением гражданского долга – с участием в органах управления, в народном ополчении, суде, со службой в храмах и т. п. Изо всех видов производительного труда уважением пользовались только занятия сельским хозяйством.

Развитие любого профессионализма в архаическую и классическую эпоху не приветствовалось в принципе. В полисной системе не было профессиональной власти, не было профессиональной религиозной организации, не было професси-

ональной армии. Все должности, в том числе политические, жреческие, военные, судебные, поочередно занимались гражданами на какой-либо определенный (довольно краткий) срок. В этом отсутствии профессиональной власти заключалась основная причина уникального свободомыслия полисной эпохи [Шестова 2008].

В результате основная масса граждан имела средний достаток, вполне позволявший обеспечить существование семьи, но не дававший возможности участвовать в обороте средств, в капитализации ресурсов.

Рост экономического могущества метеков, сопровождавшийся расслоением внутри гражданского коллектива, стал важным фактором развития космополитизма как принципа, разрушающего рамки некогда замкнутой общины.

Главный интерес всех неполноправных граждан состоял в уравнивании их в правах с гражданами полиса. В этом требовании и богатые, и бедные метеки были едины. Не случайно первыми идеологами космополитизма стали киники, школа которых была основана Антисфеном, сыном афинского гражданина и дочери фракийского переселенца, сполна вкусившим горечи гражданского неравноправия. Пренебрежение нормами и ценностями полисной культуры, пропагандировавшееся Антисфеном и его последователями, можно считать своего рода радикальным ответом всех метеков на отказ полиса предоставить им равные права с гражданами.

Еще одним социальным основанием космополитизма становится наемничество, получившее широкое распространение после Пелопоннесской войны и особенно – в эпоху походов Александра Македонского. Ослабевшие полисные институты уже не могли обеспечить материальное положение граждан. В новых условиях наиболее доступным (и, главное, более почетным, чем торговля или ростовщичество, в традиционном представлении древних греков) способом обрести средства к существованию становится наемничество.

Замена ополчения наемным войском стала одним из самых ярких признаков крушения полисной системы и одновременно – одним из важнейших социальных оснований космополитизма. Наемники, сражаясь сегодня под одним знаменем, завтра под другим, послезавтра под третьим, исповедуют принцип «Ubi bene, ibi patria / Где хорошо, там и родина», отрываясь от полисной системы ценностей. В то же время им требуется «нравственная легитимизация», моральное обоснование своих новых принципов, что они и находят в космополитизме. Следует также отметить, что в наемных войсках происходит активное стирание грани не только между гражданами и метеками, но и между гражданами различных полисов, а позднее – между эллинами и варварами.

Замена народного ополчения наемным принципом комплектования армии имела колоссальные последствия для внутреннего строя греческой гражданской общины. Ведь именно народное ополчение цементировало всю полисную структуру, обеспечивая и военно-политическую организацию общины, и привилегии граждан над метеками, и повиновение рабов.

С размыванием основ полисного строя (гражданского принципа владения и пользования землей), с развитием институтов частной собственности, с ростом социального расслоения внутри городской общины, с выхолащиванием институтов политического равноправия, с заменой гражданского ополчения

профессиональным наемным войском рушился привычный мир классического греческого полиса.

Вместе с ним рушились и нравственные идеалы полисной эпохи. Патриотизм сменился космополитизмом, коллективизм – индивидуализмом, презрение к материальной выгоде – стремлением к наживе. Все эти изменения отражены в аттической литературе IV в. до н. э. Комедии Аристофана, речи Лисия, Исократа, Демосфена, сочинения Ксенофонта, Платона, Аристотеля отображают глубокий кризис как самой полисной организации, так и идеологии полисного гражданства [Лосев 1977].

Основным идейным источником космополитизма стало разложение полисного духа.

В греческом обществе появляются предпосылки для возникновения некой новой социальной организации, и как отражение этих реалий в общественном сознании постепенно начинают вызревать монархическая идея и связанное с ней учение о мировом государстве.

Все эти явления получили особенно широкое распространение в эпоху эллинистических монархий. В III–II вв. до н. э. гражданская община окончательно теряет то влияние, которым пользовалась в античном обществе в VIII–IV вв. до н. э. Наступает новая историческая эпоха, эпоха классических империй древности, цепь которых на рубеже старой и новой эры протянулась от Средиземного моря до Желтого. Образование империй являлось закономерным этапом латентной глобализации. Движущая сила создания империй – стремление к укрупнению единых социальных пространств. Единые законы, единая денежная система, единые правила торговли, общая система мер и весов, общий официальный язык – все это отвечало запросам социально-экономического развития поздней древности. Трансформации, произошедшие в античном полисе в конце 1-го тыс. до н. э., отражали общую логику глобализации.

Вышедшие из-под суверенитета гражданской общины земля и другие ресурсы сосредотачиваются в руках новой знати, чаще всего это представители македонской администрации, связанные с местной торгово-ростовщической прослойкой. Это становится питательной почвой для развития космополитизма.

Расцвету космополитических настроений способствовала общая мобильность населения эллинистического мира. Существенно активизируются торговля, ремесло, мореплавание, военное дело, наука, изобретательство, искусство, расширяются международные взаимосвязи.

Космополитизм становится идейным знаменем широких масс, оказавшихся в новых социальных условиях. Выразителями новых интересов становятся новые оракулы. Их аудитория – не консервативно настроенные патриоты гражданской общины, чьи экономические и политические ресурсы теряют свою ценность в более масштабной социальной системе эллинистической эпохи, и не цепляющиеся за свои патриотические привилегии люмпены греческих городов, которых уже никто не хочет кормить только за то, что они граждане полиса, а мобильные, инициативные, часто меняющие города и страны индивидуалы, преследующие собственные интересы. Эти люди переезжают из города в город, из страны в страну в поисках своего места под солнцем. Они уже не боятся покинуть родину (хотя еще полвека назад изгнание являлось почти трагедией для грека) и, даже

оставаясь формально членами родной общины, объективно становятся космополитами.

Как и в современном мире, где трудовая миграция и образование являются важнейшими факторами глобальной мобильности (Aleshkovski 2015; Ильин и др. 2017) и социальной основой формирования наднациональных институтов, массовые перемещения эпохи эллинизма были вызваны в первую очередь изменениями масштаба социальных взаимодействий и выходом их на макрорегиональный (имперский) уровень. Мобильность создавала почву для универсалистски-космополитических настроений.

Основой эллинизации широкого пространства от Балкан до Гиндукуша было не только военное завоевание, но и универсализация культуры. «Греческий образ жизни и греческий строй мысли были перенесены на чужие земли, став объектом для подражания» и основой для формирования нового, ойкуменического, сознания, как пишет греческий исследователь Апостолос Пиеррис [Pierris 1993: 134–135].

Эллинистический мир – это особый период в развитии античной цивилизации. В его социальном устройстве место гражданской общины начинает занимать новый институт – военно-бюрократическое государство, имманентно наделенное стремлением к экспансии, к империализму. Последний становится способом существования военно-бюрократической монархии. Для утверждения нового социального порядка требовалось идеологическое обоснование. В эпоху существования империи Александра и возникших на ее обломках эллинистических монархий, а также в период Римской империи космополитизм становится одним из главных принципов официальной идеологии. В дальнейшем, с укреплением монархического строя, космополитизм, выполнивший свою историческую задачу – разложение полисной идеологии, – вновь потеряет свое влияние, уступив место государственному патриотизму.

Сам по себе космополитизм не имеет конструктивного значения. Его основная функция – разрушать коллективные рамки, освобождая инициативу индивидуалов, объективно направленную на становление единого миропорядка. В течение последующих двух тысяч лет космополитизм продолжал существовать в европейской общественной мысли, увядая и вновь расцветая, меняя свои очертания и обличия, но всегда сохраняя свою социальную суть – разрушение границ коллективных суверенитетов.

В современных условиях, в век глобализации, социальная суть космополитизма остается той же самой. Только место гражданских общин теперь занимают национальные государства, а противоположностью космополитизма становится не полисный, а национально-государственный патриотизм.

В Античности социальной базой космополитизма являлись силы, связанные с размыванием институтов полисного гражданства и полисной собственности на ресурсы, с уравниванием в политических правах граждан и метеков, с ликвидацией препятствий для коммерческой деятельности, для свободы передвижения индивидуалов, с выходом экономической и политической инициативы на имперское пространство.

В век глобализации социальной базой космополитизма являются силы, связанные с глобальными рынками, с глобальной мобильностью, с размыванием ин-

ститутов национального гражданства, национально-государственного суверенитета над природными и территориальными ресурсами, с формированием глобальной культуры и глобального сознания, со становлением институтов глобального управления.

Философские основания космополитизма

Первыми идеологами космополитизма были киники, киренаики и стоики, отрицавшие полисный патриотизм и полисную этику как таковую.

Самые ранние свидетельства о возникновении космополитических идей восходят к учениям киников Антисфена, Диогена Синопского и их последователей – Онесикрита, Монима, Кратеса.

Основная идея киников – свобода личности. Антисфен и его ученики проповедовали полную автономию человека от любых прививаемых ему обществом норм – от правил поведения до нравственных принципов и государственных законов. Идеалы киников – естественный образ жизни, возврат к природе, равенство, свободная любовь, отсутствие всех порожденных культурой социальных институтов – брака, государства, гражданства, границ, денег, собственности и т. д. Особенно остро киники критиковали разделение общества на свободных и рабов, граждан и неграждан, эллинов и варваров. В социальном плане люди должны быть так же равны, как равны они по своей природе, и могут делиться только на мужчин и женщин, стариков и молодых, – учили основоположники кинизма.

Космополитизм становится одним из программных принципов учения киников. Чаще всего и введение самого понятия «космополит» в значении «гражданин мира» приписывают киникам, в частности Диогену Синопскому, идеями которого восхищался стремившийся к завоеванию мира Александр Македонский. Впрочем, введение этого понятия приписывают также Сократу, Зенону Китионскому и другим великим греческим философам.

В целом космополитизм киников, проповедовавших идею мирового гражданства во имя всеобщего равенства, отражал настроения широких демократических слоев греческого мира. Абстрагируясь от конкретно-исторических условий, можно сказать, что подобные настроения характерны для многих и сегодня, в эпоху глобализации [Archibugi 2008].

Второй школой, продвигавшей космополитические идеалы, были киренаики. В отличие от демократической идеологии киников космополитизм киренаиков выражал интересы олигархической верхушки греческих городов, связанной с торговлей и кредитно-денежными операциями. Космополитизм в версии киренаиков был направлен на стирание ограничений, которые полисная организация накладывала на коммерческую и политическую деятельность представителей этих кругов.

Философия киренаиков, представленная учениями Аристиппа, Феодора, Евгемера и их последователей, формально была направлена на утверждение принципов сенсуализма и гедонизма. В социальном плане эти принципы выразились в отрицании норм полисной этики, в проповеди следования собственным интересам. Мудрый, учили киренаики, не нуждается ни в отечестве, ни в законе, ни в друзьях, ни в богах. Глупо жертвовать жизнью ради отечества, ведь отечеством

является весь мир. Глупо следовать закону, если этот закон противоречит твоим интересам. Глупо верить друзьям, ведь друзья могут предать. Глупо слушать богов, ведь в каждом городе свой бог.

Этика киренаиков и придала космополитизму тот негативный смысл, который сохранился в общественном сознании до наших дней. Именно это течение в идеологии раннего космополитизма придало ему оттенок антиобщественного явления и побудило патриотов видеть в космополитах, разлагающих общину, своего главного внутреннего врага.

Еще одним течением античного космополитизма стало учение стоиков о мировом государстве, которое разрабатывали Зенон Китионский, Хрисипп Солский, Посидоний, а позднее – римские мыслители Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. Объективно это учение отражало предчувствие античным обществом, терявшим свою многовековую твердыню – гражданскую общину, возникновения нового социального института, способного заменить уходящий полис. В учении стоиков о мировом государстве смутно угадывались черты этой новой социальной организации, новой структуры, которой предстояло на века стать главенствующей формой политического устройства, а именно – черты военно-бюрократического государства. В идейном плане это смещение интересов выразилось в движении в сторону монотеизма и понимания космоса как сферы мирового разума [Шестова 2008].

Центральная онтологическая идея стоиков – живой и разумный космос как единое целое. Стоики отошли от свойственного ионийским натурфилософам понимания космоса как обиталища различных материальных стихий и, развив политические идеи афинской классики, создали учение о космосе как всеобщем государстве, управляемом судьбой (логосом). Это движение в сторону понимания государства как совершенной формы разумного миропорядка соответствовало тенденциям древней китайской мысли о роли государства в обустройстве мирового социума.

Под судьбой, управляющей миром, стоики понимали универсальную закономерность, лежащую в основании всех природных и социальных процессов, так называемый логос [The Philosophy… 1996]. «Творческий огонь», или «сперматический логос» стоиков – это уже не слепая сила, властвующая и над людьми, и над богами (с образами которой мы встречаемся в греческих мифах, классической трагедии, творениях ионийских логографов и Геродота), а разумно творящая мир духовная стихия, провидение, Бог, судьба [Лосев 1970; The Philosophy… 1996].

Судьба, понимаемая как «неумолимый закон космоса», в концепции стоиков становится главным двигателем мировых событий, фатализм превращается в один из основополагающих принципов. «Ducunt volentem Fata, nolentem trahunt / Судьба согласного ведет, противящегося тащит», – учил Сенека.

Развивая учение о телеологичности бытия, стоики признавали как внутреннюю, имманентную, так и внешнюю, трансцендентную, целесообразность мира. Космос, с точки зрения стоиков, устроен в соответствии с высшими законами разума, представляя собой не что иное, как универсальное, мировое государство. Все люди являются космополитами, гражданами этого государства, которым управляет разум, направляющий все усилия человека к неким заранее определенным целям.

Это проявляется не только в жизни человека, но и в истории стран и народов. Особенно ярко идеи телеологичности мировой истории проявились в концепции крупнейшего историка эллинистической эпохи Полибия, находившегося под сильным влиянием стоицизма. «Все события мира судьба направила насильственно в одну сторону и подчинила их одной и той же цели», – пишет Полибий в своей «Всеобщей истории» [Полибий 1994: 149], имея в виду установление *Pax Romana*.

Этика стоиков во многом перекликалась с учением киников. Стоицизм проповедовал презрение к потребностям, бесстрастие, независимость от внешнего мира, воспитывал любовь к своему року, который отождествлял с провидением или логосом – «истекающим» на человека «высшим творческим огнем». Стоики учили жить сообразно с природой, с космическим законом судьбы, что означало – жить разумно, ибо природу стоики отождествляли с разумным космическим началом.

Идеи последователей Зенона весьма созвучны идеям современных им китайских и индийских философов, учивших уважать мировой разум и вселенскую гармонию. Рубеж старой и новой эры – это эпоха появления великих империй древности, цепь которых на карте глобальной истории свидетельствовала о вхождении процесса глобализации, объединения человечества, в новую фазу. Космополитические воззрения отражали реалии этой фазы всемирно-исторического процесса [Ding John Zijiang 2011: 110].

Интересы каких социальных сил выражал космополитизм стоиков?

Как уже было отмечено, космополитизм – вначале как этический принцип, а затем как сложившаяся идеология – вырос на почве кризиса греческого полиса. Начиная с IV в. до н. э. разрушаемый экономическим ростом, теряющий свою социальную замкнутость полис постепенно переставал быть «отцом» и защитником для своих граждан. Оставшись без отеческого покровительства гражданской общины, человек новой эпохи пытается осмыслить себя в новом, «сиротском» качестве и по укоренившейся в многовековой полисной культуре привычке считать себя гражданином, членом коллектива, частью некой упорядоченной социальной структуры он и создает учение о мировом государстве. Именно из этой посылки и вырастает философское учение стоиков о космополисе. Космополис – это мечта о существовании мировой универсальной силы, утверждающей победу справедливости, порядка, правды, это мечта разлагающегося античного мира о новом законе, о новом Боге. Под постулатами учения стоиков, очевидно, могли бы подписаться самые широкие слои античного общества рубежа старой и новой эры, чьи интересы были связаны со становлением новой социальной системы, возникновением новой формы государственности, появлением новой универсальной религии.

* * *

Таким образом, в античном космополитизме мы можем выделить три основных течения, каждое из которых выражало интересы различных социальных сил: эгалитаристское учение *киников*, направленное на утверждение идеи естественного равенства всех людей без разделения их на народы, государства, семьи, роды, классы и т. д. и выражавшее интересы широких демократических слоев в период крушения полисной системы; индивидуалистическое учение *киренаиков*, объек-

тивно направленное на стирание социальных ограничений, препятствующих развитию предпринимательской инициативы в экономической и политической сферах; учение *стоиков* о космополисе как мировом государстве, выражавшее интересы социальных сил, связанных со становлением институтов монархической военно-бюрократической государственности.

Эти направления в идеологии космополитизма универсальны. Их можно выявить как в другом историческом пространстве (например, в Китае эпохи династий Цинь и Хань), так и в другом историческом времени (например, в эпоху Просвещения или эру прогрессивизма).

Эти три вектора космополитизма можно наблюдать и в современных условиях, в век глобализации: *эгалитаристско-демократическое* течение, связанное с идеями гуманизма и утверждением общечеловеческих ценностей; *либертарианское*, направленное на отмену ограничений предпринимательской активности со стороны социальных коллективов (наций) в мировом масштабе; и *мондиалистское*, связанное со становлением институтов мировой государственности и глобального управления.

Социальная суть космополитизма заключается в разрушении границ коллективных суверенитетов, в современных условиях – это разрушение границ национальных суверенитетов. Основная функция космополитизма – освобождение индивидуальной инициативы, объективно направленной на становление единого миропорядка, от сковывающих ее социальных ограничений. В век глобализации это разрушение основ социального коллективизма, выраженного в форме институтов национальной государственности, путем утверждения наднациональных норм и принципов социального бытия.

И последнее замечание: несмотря на свои различные оттенки и направления, космополитизм в первую очередь является идеологией, и поэтому его нельзя рассматривать в отрыве от социальной идеи.

Литература

Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Образование для устойчивого развития: глобальный контекст // Век глобализации. 2017. Серия 27. Глобалистика и геополитика. № 2. С. 3–29.

Лосев А. Ф. Стоицизм // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5. М. : Советская энциклопедия, 1970.

Лосев А. Ф. Античная философия истории. М. : Наука, 1977.

Полибий. Всеобщая история: в 2 т. Т. 1. Кн. I. СПб. : Наука, Ювента, 1994.

Чумаков А. Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 32–39.

Шестова Т. Л. Философские основания исторических концепций Древней Греции. М. : Изд-во МГУЛ, 2008.

Aleshkovski I. International Migration Management in the Era of Globalization // Globalistics and Globalization Studies / ed. by L. Grinin, I. Ilyin, A. Korotayev. Volgograd : Uchitel, 2015. Pp. 76–86.

Aleshkovski I. Globalization International Migration: Social Challenges and Policy Implication // RUDN Journal of Sociology. 2017. Vol. 17. No. 2. Pp. 213–224.

Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996.

Archibugi D. Immanuel Kant, Cosmopolitan Law and Peace // European Journal of International Relations. 1995. No. 1(4). Pp. 429–456.

Archibugi D. The Global Commonwealth of Citizens: Toward Cosmopolitan Democracy. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2008.

Beck U. Was ist Globalisierung? Berlin : Suhrkamp Verlag, 1997.

Beck U. The Cosmopolitan Vision. Cambridge : Polity Press, 2006.

Brennan T. At Home in the World. Cosmopolitanism Now. Cambridge : Harvard University Press, 1998.

Cheah Pheng. Chinese Cosmopolitanism in Two Senses and Postcolonial National Memory. Berkeley : University of California, 2000.

Chumakov A. Philosophy of Globalization. Moscow : Moscow University Press, 2015.

Chun Shan. On Chinese Cosmopolitanism (Tian Xia) // Culture Mandala: The Bulletin of the Centre for East-West Cultural and Economic Studies. 2009. Vol. 8. No. 2. Pp. 20–29.

Cosmopolitanism and Philosophy in a Cosmopolitan Sense [Электронный ресурс] : Proceedings of the International Workshop / ed. by A. Telegdi-Csetri, V. Ducu. Bucharest : New Europe College, 2011. URL: http://www.nec.ro/data/pdfs/publications/research-and-symposia/cosmopolitanism-and-philosophy/James_Alexander.pdf.

Cosmopolitics: Thinking and Feeling beyond the Nation / ed. by Cheah Pheng, B. Robbins. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1998.

Derrida J. Cosmopolites de tous les pays encore un effort! Paris : Galilée, 1997.

Ding John Zijiang. Transformative Modes of Chinese Cosmopolitanism [Электронный ресурс] : Journal of East-West Thought. 2011. URL: https://www.cpp.edu/~jet/Documents/JET/Jet5/Ding89-112.pdf.

Douthat R. The Myth of Cosmopolitanism. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2016/ 07/03/opinion/sunday/the-myth-of-cosmopolitanism.html.

Habermas J. Kant's Idea of Perpetual Peace // Perpetual Peace: Essays on Kant's Cosmopolitan Ideal / ed. by J. Bohman, M. Lutz-Bachmann. Cambridge : MIT Press, 1997.

Held D. Cosmopolitanism: Ideals and Realities. Cambridge; Malden : Polity Press, 2010.

Held D., Brown G. The Cosmopolitanism Reader. Wallace : Polity Press, 2011.

Koukuzelis K. Republican Cosmopolitanism: Freedom and Responsibility // Values and Justice in the Global Era / ed. by K. Bouduris. Athens : International Centre for Greek Philosophy and Culture, 2007.

Kwame A. A. Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers. New York : W. W. Norton, 2006.

Neilson B. On the New Cosmopolitanism. 1999 [Электронный ресурс]. URL: https://www.westernsydney.edu.au/__data/assets/pdf_file/0003/365745/Neilson_OnNewCosmopolitianism_ICS_Pre-Print_Final.pdf.

Neville R. C. Dimensions of Contemporary Confucian Cosmopolitanism // Journal of Chinese Philosophy. 2012. Vol. 39(4). Pp. 594–613.

Pierris A. Hellenistic Philosophy: Continuity and Reaction in an Oecumenical Age // Hellenistic Philosophy / ed. by K. Boudouris. Athens : International Centre for Greek Philosophy and Culture, 1993.

Pohl K.-H. Chinese and Western Values: Reflections on the Methodology of Cross-Cultural Dialogue // Journal of Globalization Studies. 2012. Vol. 3. No. 1. Pp. 125–134.

Pohl K.-H. Ethics of Cosmopolitanism – The Confucian Tradition // Beyond Cosmopolitanism / ed. by A. Giri. Singapore : Palgrave Macmillan, 2018.

Steger M., James P. Globalization and Global Consciousness: Levels of Connectivity // Global Culture: Consciousness and Connectivity / ed. by R. Robertson, D. Buhari-Gulmez. Farnham : Ashgate Publishing, 2016. Pp. 21–39.

Robertson R. 1992. Globalization: Social Theory and Global Culture. London : Sage Publications.

The Philosophy of Logos / ed. by K. Bouduris. Athens : International Centre for Greek Philosophy and Culture, 1996.

ТРАДИЦИИ КИТАЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ВОСПИТАНИЕ ЭКОГРАЖДАНСТВА

Фу Сюйань, Чжоу Хун*

В настоящей статье выдвинуты очень важные и конкретные проблемы экологического общества и построения экологической цивилизации, а также основные законы общего развития окружающей среды и человеческой культуры. Отмечается, что культура и цивилизация должны гармонично взаимодействовать с окружающей средой, и Китай является первой страной в мире, которая кладет создание экологической цивилизации в основу государственной политики. Китайская нация – это народ с глубокими экологическими культурными традициями и экологической мудростью. Воспитание экологически образованных граждан – самая важная часть формирования экологической цивилизации.

Ключевые слова: *экологическая культура, экологическая цивилизация, традиция экологической культуры, воспитание экогражданства, экологически образованные граждане.*

This paper puts forward the very important and concrete problems of ecological society and the construction of ecological civilization, and expounds the basic laws of the common development of environment and human culture seriously and accurately. It is pointed out that culture and civilization must work together with the environment. China is the first country in the world to take ecological civilization as its basic national policy. The Chinese nation is a nation with extensive and profound ecological culture tradition and ecological wisdom. In the construction of ecological civilization society, it is an important task to take ecological education and train ecological citizens.

Keywords: *ecological culture, ecological civilization, tradition of ecological culture, education of ecological citizenship, environmentally educated citizens.*

Китайская нация является носителем глубоких, многогранных экологических традиций и отличается экологической мудростью. Это хорошо подтверждает и вся традиционная китайская философия, которая выступает за единство природы и человека. Так, например, Конфуций склонялся к провиденциализму и считал, что природа и провидение непреодолимы. Лао-цзы выступал в поддержку истин-

* Фу Сюйань – профессор Юньнаньского университета (г. Кунмин, Китай). E-mail: fuxuan2019@163.com.

Чжоу Хун – профессор Юньнаньского университета (г. Кунмин, Китай), приглашенный научный сотрудник Центра экологических исследований Академии наук Китая, член Комитета по охране окружающей среды Китайской ассоциации исследований в области устойчивого развития. E-mail: zhouhongkm@126.com.

Век глобализации 3/2019 123–129 ***DOI: 10.30884/vglob/2019.03.11***

ной природы вещей, призывая к действиям в соответствии с законами природы и за единение с ней. Чжуан-цзы считал, что люди должны жить в согласии с природой и не должны использовать свои технические достижения для разрушения ее основ или негативно влиять на окружающую среду, то есть им не следует вмешиваться в естественные природные процессы. Мэн-цзы говорил, что, понимая свою натуру, человек понимает природу. Также и Сюнь-цзы отмечал, что только познавший роль человека и природы может считаться просвещенным. При этом он подчеркивал, что существует определенная связь между провидением и человеком. Некоторые философы в эпоху Сражающихся царств оставили свою должность и вели уединенную жизнь. В конце концов их философское мышление дало развитие важному направлению китайской традиционной философии – даосизму, где «Дао» – это не человечность, которую мы обычно подразумеваем в обществе, а «закон природы», который основывается на природе вещей и естественных закономерностях [Древнекитайская… 1972–1973].

В целом китайская культура является экологически направленной. «И цзин» выражает «согласовывание с обстоятельствами», органически целостное сознание единства природы и человека и взаимодействие между Инь и Ян, поддерживаемое в учениях конфуцианства, даосизма и буддизма. Китайский народ хорошо разбирается в том, что касается мудрости: все принципы осуществляются вместе, не вступают в противоречие друг с другом и лишены крайностей. Человечество должно стремиться к моральным канонам, ко всему разумному, к достижению согласия при наличии разногласий. Китайская философская традиция заключается в единстве природы и человека. Это основные понятия, если говорить о сущности экологической культуры. В Китае 56 национальностей, и все они уважительно относятся к лесам и горам, называя их «священное дерево», «священная гора», то есть поклоняются им как тотему. Эти традиции имеют долгую историю и продолжают почитаться по сей день. В основе традиционной китайской культуры лежат трудолюбие и самосовершенствование – это тот образ жизни, на котором базируется экологическая культура, а простая жизнь, основанная на трудолюбии, – это уважение к природе и бережное использование ее ресурсов. Такие высказывания президента КНР Си Цзиньпина, как «зеленые горы и изумрудные воды – несметные сокровища» или «мировое сообщество единой судьбы», – это особое проявление традиций китайской экологической культуры и подчеркивание основных направлений ее развития.

Китай является первой страной в мире, которая считает экологическую культуру основой государственной политики. Самая важная задача в формировании экологической цивилизации – воспитание экологически образованных граждан, то есть людей, которые обладают экологическим сознанием и целенаправленно строят экологическое общество. Такие граждане не только определяют свои экологические права, но и осознают свои экологические обязанности. Они знают экологическую этику, сознательно соблюдают правила и законы об охране окружающей среды, заботятся об аккуратном и умеренном потреблении, стремятся к достижению гармонии между человеком и природой, тем самым реализуя прекрасную китайскую мечту.

В процессе воспитания экологически образованных граждан последние должны понимать цель построения экологического общества. Экологическая безопасность и здоровье людей являются главными ценностями в процессе построения экологического общества. Мы должны принять концепцию научного развития в качестве руководства, чтобы обеспечить экологическую безопасность социальной системы, поддержание гомеостазиса экосистемы и здоровья населения. В этой связи следует провести реформу системы экологизации общества, сделав ее основной задачей в формировании научного подхода как в политических кругах, так и при разработке средств защиты природы, экологической политики, законов и правил, подходящих для национальных условий. Нужно также придерживаться системы природоохранных ограничений в области экономического развития страны и ввести ответственность за нарушение экологических норм со стороны чиновников. Чтобы построить экологическое общество, нужно понять, что достижения в этой области сегодня – благо для потомков в будущем, поскольку именно народ является основой системы экологической цивилизации. Необходимо воспитывать экологически ответственных граждан, продвигать процесс экологической демократии, совершенствовать систему участия общественности в природоохранной деятельности, обеспечить каждому гражданину доступ к экологически чистой природной среде, то есть дать ему возможность жить в условиях экологического благополучия при исполнении соответствующих обязательств. Следует подчеркнуть и то, что каждый имеет право на получение актуальной информации об экологической ситуации, а также право непосредственного участия в природоохранной деятельности и контроле за состоянием окружающей среды. Таким образом все смогут наслаждаться чистым воздухом, чистой водой и реализовать свои права на экологическое благосостояние, внедряя механизм экологической компенсации в концепцию прав человека.

Нужно воспитывать экологически образованных граждан, которые придерживались бы принципов экоцивилизации. С точки зрения экологии культура помогает людям сформировать наиболее благоприятную окружающую среду. Цивилизация – это процесс адаптации социума определенной региональной культуры к окружающей среде, а также трехмерный процесс развития культуры в географии, времени и пространстве. Относительно человеческого общества жестко работает правило: нединамичная, не развивающаяся культура не имеет будущего. И если она не адаптируется к изменениям экологической среды, не будет развиваться и обновляться, экологический кризис и деградация окружающей среды станут неизбежными. Следовательно, люди должны совершенствовать свою культуру, чтобы улучшать состояние окружающей среды, не приспособленной к старой культуре. Создание и устойчивое развитие новой культуры, гармонично сосуществующей с окружающей средой, являются главной задачей экологической цивилизации. Экологическая цивилизация – это совместно развивающиеся культуры отдельных народов, окружающая среда и человечество в целом. Важнейшей функцией культуры при строительстве экологической цивилизации является прежде всего изменение системы ценностей. Прежняя культура, противоречащая законам природы, должна эволюционировать в культуру устойчивого развития гармонии природы и человека.

Проводя политику экологического воспитания граждан, следует принимать во внимание, что мы живем в эпоху современной индустриальной цивилизации, методы производства и образ жизни в которой – это массовое производство, массовое потребление и большое количество выбросов вредных веществ в атмосферу. Наряду с беспрецедентным материальным благополучием современная индустриальная цивилизация несет с собой глобальное разрушение нашей прекрасной планеты. Как прошлый опыт, так и сегодняшняя реальность показывают, что современная индустриальная цивилизация является неустойчивой системой [Global… 2014: 70–76, 270].

Если говорить о современной индустриальной цивилизации Китая, то ее история насчитывает более 100 лет, что по сравнению с глубоко укоренившейся индустриальной цивилизацией в Европе, которой более 400 лет, не так уж и много. При этом опыт Европы послужил хорошим уроком для Китая, указав направление, которое вдохновило нас на новый путь в новую эру. Путь этот ведет к устойчивому развитию социализма с китайской спецификой, а это прежде всего означает, что культура должна эволюционировать и развиваться. Современная индустриальная культура взаимодействует с окружающей средой. Современная индустриальная цивилизация – это тоже особая форма цивилизации, и она также должна эволюционировать и развиваться. Из этого следует, что путь к экологической культуре и экологической цивилизации пролегает через устойчивое развитие, которому должны следовать Китай и весь мир.

Чтобы воспитывать экологически образованных граждан, мы должны развивать и культивировать экологическую этику, которая призвана формировать экологическое сознание, экологическую справедливость, доброту и экологическую ответственность. Установление экологической добродетели и красоты может помочь людям быть правдивыми, добрыми и бережными по отношению к природе, а также развить и сохранить любовь к ней. На самом деле понимание красоты природы является основой для формирования экологической этики. Моральное измерение экологического сознания вышло за пределы общества и межличностных отношений и распространилось на всю биосферу. Таким образом, экологическое сознание включает в себя чувство ответственности и переживания людей за экологическую среду и все живое в природе. Экологическая справедливость развивается и борется против экологической несправедливости, а потому относится к принципу, согласно которому поведение отдельных лиц или социальных групп соответствует экологическому балансу, принципу биоразнообразия и глобальному видению мира, когда речь идет о защите окружающей среды. Экологическая справедливость соответствует также глобальным общим интересам, «судьбе мирового сообщества», равно как и концепции устойчивого развития, призванной защищать окружающую среду ради будущих поколений. Люди являются частью экосистемы Земли, и потому состояние окружающей среды тесно связано с человеческой деятельностью, что накладывает вполне конкретные экологические обязательства на всех жителей планеты. Экологическое благополучие граждан предполагает наличие этической концепции коэволюции между человеком и природой и устанавливает для людей определенные обязательства перед природной средой и всей биосферой. Экологически образованные граждане – это люди, которые

заботятся об охране окружающей среды, знают о своем праве на использование природных ресурсов и сознательно применяют эти знания на практике [Traditional… 2015].

Бескорыстие и бережливость – это тот нравственный минимум, который должны соблюдать все экограждане. В рыночной экономике погоня за деньгами часто уничтожает в человеке самые лучшие качества, такие как нравственность и гуманность. Этикет (культурность), чувство долга (справедливость), умеренность (бескорыстие), совестливость (четыре основные добродетели) – очень важные идиомы в традиционной китайской культуре. В свое время известный премьер-министр эпохи Сражающихся царств Гуань Чжун сказал: «Этикет, чувство долга, умеренность, совестливость – вот четыре основных элемента страны. Если эти четыре элемента не могут быть реализованы, страна легко падет». А известный китайский философ Гу Янь-у считает, что ядром четырех добродетелей является совестливость. Раньше частыми в употреблении словами были «бескорыстный и бесстрашный», теперь же более распространенными понятиями стали «бессовестный и бесстрашный», а также «бесстыжий». Наши граждане должны помнить об этих четырех нравственных и экологически значимых добродетелях. Придерживаясь этих понятий, гражданин не совершит деструктивных действий в отношении природы. Нужно стремиться к ее сохранению. Мы должны помнить, что мы все живем под одним небом, что Земля одна на всех и каждый человек должен стать экологически нравственным гражданином. И только так наше общество сможет достичь высокого уровня экологически совершенной цивилизации.

Чтобы воспитать экологически ответственных граждан, необходимо развивать экологически обоснованный взгляд на счастье. Это означает, что нужно считать чистоту и красоту окружающей среды для себя счастьем, а загрязнение и разрушение природы – деструкцией. В первую очередь экологический взгляд на счастье предполагает жизнь в контексте человеческих идеалов, сопряженных с экологическим мировоззрением и достоинством. Экологически образованные граждане не только имеют экологические права, но и несут ответственность за экологическое благополучие общества, сознательно соблюдают законы и правила по охране окружающей среды. А это значит, что нужно начать с самого себя, начать с малого, выработать привычку сортировки мусора, энергосбережения и защиты окружающей среды, а также развивать экологическое сознание полезного и рационального потребления ресурсов. Экологически образованные граждане любят природу, имеют глобальное сознание, считают Землю своим единственным домом, сознательно защищают природную среду и сохраняют биологическое разнообразие. Конфуций однажды сказал своему ученику Ян Хуэю: «О, как мудр Хуэй! Немного пищи и воды, скромное жилище; то, что других повергает в печаль, ему не портит настроения». Концепция экологического счастья несовместима с меркантилизмом, консюмеризмом, мотовством, безудержным потреблением и бесконечным использованием ресурсов, а китайская культурная традиция, для которой характерна удовлетворенность настоящей жизнью, полностью соответствует концепции экологического счастья.

Чтобы воспитать чувство экологической ответственности у гражданина, необходимо соблюдение принципа «зеленого потребления» ресурсов. «Зеленое

потребление» – это этичное потребление, отвечающее требованиям экологической цивилизации; здесь речь идет не только о естественном желании потреблять безопасные и здоровые продукты и товары, но также и об этических аспектах потребления. По мнению ряда ученых, к 2050 г. на планете будет насчитываться около 9 миллиардов человек. И если люди будут сохранять тенденции мышления современных американцев, в будущем может понадобиться более 20 таких планет, как Земля. Многие ученые предупреждают, что если способы производства и потребления со временем не изменятся, если большинство людей на планете не изменят отношение к окружающей среде и свой стиль жизни, человеческая цивилизация исчезнет. Неуместно сравнивать китайское потребительство с потребительством развитых стран. Нам нужны умеренное развитие и умеренное потребление в соответствии с национальными особенностями Китая. Мы должны помнить, что КНР – страна с многочисленным населением и небольшим количеством природных ресурсов. Мы не должны потреблять ресурсы будущих поколений.

Чтобы воспитать у людей чувство экологической ответственности, нужно обязательно придерживаться экологически ориентированного образования. Мы должны рассматривать экологическое образование как обычное для всех, осуществляемое на протяжении всего курса обучения и в течение всей жизни. Следует также повышать экологическую осведомленность гражданского населения, имея в виду как уровень национального сознания, так и глобальную осведомленность. При этом необходимо защищать экологическую этику и экологическое поведение в обществе, поскольку только так наше общество может стать экологически благополучным [Realizing… 2017]. В развитии экологического образования особенно важно, чтобы все чиновники стали экологически ответственными гражданами. В процессе содействия экологической демократии на первое место выходит экологическая справедливость, а ее главным врагом является коррупция, которая самым негативным образом сказывается на экологическом благополучии граждан. Именно поэтому борьба с коррупцией и культивирование честности являются важной задачей в развитии экологического образования и формирования на данной основе гражданского общества.

Одной из главных целей экологического воспитания и образования является подготовка таких граждан, которые будут передавать из поколения в поколение принципы экологической культуры и постоянно стремиться к самосовершенствованию [Лапина и др. 2002]. Цель жизни, отстаиваемую китайской социальной элитой, можно выразить следующими максимами: «Как небо неизменно, как земля открыта всем живущим на ней, так и человек готов к великим свершениям»; «Настоящий муж должен иметь твердые убеждения, не поддаваться искушению легкой наживы, не изменять себе из-за бедности, не совершать насилие»; «Человек со знаниями и амбициями не может быть слабым и податливым, потому что на нем лежит большая ответственность и ему предстоит долгий путь». Все это следует рассматривать в качестве императивов экологического гражданства Китая и основы для построения экологической цивилизации. В такой цивилизации главным элементом являются ее граждане, и если каждый гражданин будет повышать свою экологическую культуру и ответственность, формирование экологического общества не заставит себя долго ждать.

Литература

Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах / под ред. Л. В. Литвиновой. М. : Мысль, 1972–1973.

Лапина З. Г., Чжоу Хун, Шилин К. И. Экологическое воспитание – творческая индивидуальность будущего // Энциклопедия Живого знания. Т. 6. М. : «Нефть и газ» РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина, 2002.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay; with a Foreword by M. Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B. V., 2014.

Realizing Oneself and Realizing Others: Jointly Constructing a Civilization of All-under-Heaven. Songshan Forum (September 16–17, 2017). Dengfeng, 2017.

Traditional Culture Promotes Ecological Civilization // The 6th International Symposium on Traditional Culture and Eco-Civilization (September 16–18, 2015). Jiamusi, 2015.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИРАНСКОГО ФАКТОРА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Розанов А. С., Широков А. В., Баранова А. Е., Ильичева Л. Е., Папшева А. В.*

Поддержание безопасности в современном мире является основополагающим фактором внешней политики государств, стремящихся к укреплению своих позиций в развивающейся системе международных отношений. С течением времени системы международных отношений сменяют друг друга, образуя новые модели мирового порядка. В данной статье предпринята попытка обоснования развития иранского фактора во внешнеполитических стратегиях США.

Ключевые слова: *внешняя политика, стратегия, геополитические интересы, гегемонизм.*

Maintaining security in the modern world is a fundamental factor in the foreign policy of states, seeking to strengthen their positions in the developing system of international relations. Over time, the systems of international relations are replacing each other, forming new models of the world order. This article attempts to substantiate the development of the 'Iranian factor' in the US foreign political strategies.

Keywords: *foreign policy, strategy, geopolitical interests, hegemony.*

Рассмотрение позиции Ирана в научных трудах американских геополитиков конца XX – начала XXI в., а также в официальных внешнеполитических концепциях США дает возможность оценить его геополитическую роль в американской внешней политике. Это государство, представляя для США экономический и политический интерес, оказывает значительное влияние на внешнеполитические планы Соединенных Штатов, частично способствуя их реализации и соответствуя интересам американской стороны, но зачастую вступая в конфронтацию с прозападными режимами на Ближнем Востоке и мешая претворению американских планов в жизнь в данном регионе. Иранский ядерный вопрос в последние десятилетия затрагивает аспект национальной безопасности США, важной целью которой является ядерное сдерживание.

* Розанов Александр Сергеевич – к. полит. н., доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества ИГСУ РАНХиГС. E-mail: as.rozanov@igsu.ru.

Широков Александр Владимирович – магистрант факультета международного регионоведения и регионального управления ИГСУ РАНХиГС. E-mail: alexshir96@mail.ru.

Баранова Александра Евгеньевна – преподаватель ИГСУ РАНХиГС. E-mail: alexandra.e.baranova@gmail.com.

Ильичева Людмила Ефимовна – д. полит. н., профессор кафедры управления проектами и программами ИГСУ РАНХиГС. E-mail: ilicheva-le@ranepa.ru.

Папшева Алина Валерьевна – к. ф. н., доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета. E-mail: alina_papsheva@mail.ru.

Истоки противостояния Ирана и США зародились в результате Исламской революции 1979 г., которая возродила исламский фундаментализм как возобновившееся стремление к «чистым» исламским ценностям и отторжение ценностей западных, «столь неудачно пересаженных на Ближний Восток» [Фукуяма 2004]. После революции главным приоритетом Ирана стало выживание собственного режима в мире, а военная стратегия была направлена в первую очередь на защиту от внешней угрозы, исходящей от США и Израиля [Unclassified… 2010]. Упорство Ирана в разработке ядерной программы как в то время, так и сейчас рассматривается как элемент, необходимый для регионального гегемонизма на Ближнем Востоке и укрепления позиций Ирана в исламском мире [У ядерного… 2007]. Для стран, где не существует прозападного режима, обладание ядерным оружием зачастую считается одним из способов демонстрации своей силы перед западными державами [Хантингтон 2003]. США всячески стараются предотвратить этот процесс, так как, по их мнению, становление Ирана как ядерного государства повлечет за собой стремление Египта и Саудовской Аравии заполучить ядерное оружие [Рыков 2008].

Иран, будучи важным геополитическим центром и обладая выгодным географическим положением, отличающийся активностью в урегулировании сирийского конфликта, выступает в роли «барьера для любой перспективной российской угрозы американским интересам» [Бжезинский 2018: 256] в районе Персидского залива, где он занимает главенствующее место на восточном побережье. В соперничестве за «евразийские Балканы» [Там же], главными геополитическими центрами которых являются Турция и Иран, Соединенные Штаты встречают конкурентов в лице России, Пакистана и Индии. В борьбе за влияние в этом регионе США уступают России ввиду их географического расположения, отдаленного от Ирана [Там же]. Говоря об Азербайджане, который является сферой интересов обеих держав, стоит отметить беспокойство Соединенных Штатов, вызванное российско-иранским давлением в этом регионе «в целях ограничения его деловых отношений с Западом» [Там же]. Сотрудничество США и Ирана могло бы способствовать установлению продуктивного диалога между двумя сторонами и снижению отрицательной роли Ирана в связи с «азербайджанским вопросом».

Американский политолог и геополитик С. Хантингтон, видевший в столкновении цивилизаций основную направляющую мировой политики, утверждает, что страны Персидского залива поставили Запад в зависимость от своих энергоресурсов [Хантингтон 2003]. Будучи одним из основных нефтяных игроков, обладая большими запасами золота, природного газа и других полезных ископаемых, Иран имеет важное стратегическое значение для США в регионе.

Акцент на экономических выгодах, которые получат Соединенные Штаты в случае укрепления своего влияния в регионе, делает и американский политолог З. Бжезинский [2018: 256]. Получение контроля в регионе стало особенно актуальным ввиду недавно открытых месторождений нефти и газа на иранской территории. За счет них США смогли бы расширить свое влияние в мире, установив собственный контроль над богатствами Тегерана и используя их с экономической выгодой для себя. Утвердившись в регионе Ближнего и Среднего Востока, они получили бы контроль над нефтяными запасами Европы, поставки которых осуществляются из зоны Персидского залива [Евсеев, Сажин 2009: 94].

Зона жизненно важных интересов Америки в первом десятилетии XXI в. оказалась под угрозой, так как ситуация в Иране развивалась не в пользу США и не соответствовала их интересам. Ирану как государству, расположившемуся на рубеже материка Евразии, предстояло сделать выбор между евразийством и атлантизмом. В XXI в. выбор иранского руководства был сделан в пользу антиатлантических позиций, то есть противостояния гегемонии США и неолиберальной глобализации. Точку зрения Ирана поддерживает Россия, не заинтересованная в расстановке сил в этом регионе в пользу Соединенных Штатов и выступающая совместно с ним за построение многополярного мира [Чумаков 2018: 117–123].

Внешнеполитические документы США, изданные после завершения холодной войны, позволяют нам проследить, как менялось отношение правящих кругов Америки к руководству Ирана и его действиям. В первую очередь к подобным документам стоит отнести Стратегию национальной безопасности США, которая определяет приоритетные направления внутренней и внешней политики страны, а также выделяет потенциальные угрозы для ее национальных интересов. В начале 1990-х гг. Соединенные Штаты выражали готовность взять курс на улучшение отношений с Ираном, если тот докажет свою непричастность к поддержке террористических режимов [National… 1991: 10]. В 1994 г. Ирак был включен в ряд «стран-изгоев», или *rogue states* (Северная Корея, Иран и Ирак), способных накопить достаточно вооружений для создания дисбаланса в регионах, представляющих важность для США. Тогда же американское руководство выразило готовность бороться с этими режимами вместе с союзниками или, при острой необходимости, в одностороннем порядке [National… 1994: 7]. При этом политика США в отношении Ирана была основана на осуществлении стратегии двойного сдерживания Ирана и Ирака, включая санкционный механизм, пока эти государства представляли угрозу для собственных граждан [*Ibid.*: 25]. Эта политика была направлена на изменение поведения иранского правительства в ряде ключевых областей, включая «усилия Ирана по получению ОМУ, его поддержку террористических групп, а также печальный опыт в области прав человека» [*Ibid.*].

По истечении четырех лет в Стратегии национальной безопасности США 1998 г. мы встречаем позитивную риторику в отношении Ирана: отмечаются его «дипломатические усилия по обеспечению мира и стабильности в Афганистане», а также американская сторона приветствует «усилия Ирана, направленные на улучшение отношений с его соседями в Персидском заливе» [National… 1998: 52]. Однако, как и в предыдущие годы, прослеживается мысль о стремлении предотвратить получение Ираном ядерного оружия и остановить разработку ракет большой дальности (например, ракеты «Шахаб-3», которая была испытана этой страной в 1998 г.) [*Ibid.*: 53].

Начало 2000-х гг. ознаменовалось для Америки новыми тревогами, связанными со стремлением Ирана получить ядерное оружие. После событий 11 сентября 2001 г. борьба с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения была поставлена во главу внешнеполитической повестки США, а Иран отныне привлекал особо пристальное внимание Соединенных Штатов. В Стратегии национальной безопасности 2000 г. разведывательное сообщество доложило, что в ближайшие пятнадцать лет США, вероятнее всего, столкнутся с угрозой запуска межконтинентальных баллистических ракет со стороны

Северной Кореи, Ирана и Ирака [National… 1999: 16]. В 2001 г. Иран, наряду с такими странами, как Ирак, Китай, Афганистан, Бирма, Сербия, был обозначен как «страна, вызывающая особую озабоченность» [National… 2000].

Кульминация тревоги США по поводу опасности ядерного Ирана приходится на президентство Дж. Буша-младшего. В 2006 г. американские власти заявили, что в мире «нет большей угрозы, чем Иран». Последний обвинялся в содействии террористам, в угрозах Израилю, в стремлении дестабилизировать мир на Ближнем Востоке, в разрушении демократии в Ираке, а также в нежелании пойти навстречу своему народу, стремящемуся к свободе. Цель своей внешней политики США видели в изменении стратегии Ирана, способствовании открытию его политической системы, предоставлении экономических и политических свобод его народу [National… 2006: 20]. Также в Стратегиях национальной безопасности Буша-младшего 2002 и 2006 гг. прослеживается идея о допущении использования Америкой превентивных ударов в одностороннем порядке, что возводит Соединенные Штаты в ранг судей мира, имеющих право вершить судьбы других стран.

Придерживаясь воззрений Дж. Буша-младшего о важности глобального лидерства США, президент Б. Обама базировал это лидерство на изменении внешнеполитического курса в сторону «мягкой силы», отказа страны от превентивных действий. Согласно Стратегиям национальной безопасности 2010 и 2015 гг., Америка видит эффективное разрешение конфликтов и острых вопросов в совместных действиях государств и совместной работе международных организаций, а не в самостоятельных решениях. Этот подход коснулся и ядерного вопроса Ирана. Американская сторона выразила готовность сотрудничать с Ираном в рамках его интеграции в мировое экономическое пространство (политика *engagement* [National… 2010: 26]). США отдали предпочтение «достижению всестороннего соглашения с возможностью проверки его исполнения» [National… 2015: 11], что в дальнейшем нашло воплощение в работе Группы 5+1, одним из членов которой стали Соединенные Штаты.

Особый интерес для нашего исследования представляет современная Стратегия национальной безопасности нынешнего президента Д. Трампа, который развернул внешнеполитический курс в сторону «реанимирования» неореалистской политики Дж. Буша-младшего. О возвращении к использованию силовых методов политики свидетельствует название одной из глав Стратегии-2017 – «Мир через силу», что влечет за собой модернизацию вооруженных сил США с целью повышения своей роли в мире [National… 2017: 7]. В документе выделяются три главные группы угроз для страны: первая представлена Россией и Китаем, которые бросают вызов США и однополярному миру; вторая включает в себя «государства-изгои» Иран и КНДР; и, наконец, третья группа угроз – это транснациональные террористические организации [*Ibid.*: 25].

Наравне с Россией и Китаем США выделяют в качестве угрозы для собственной безопасности Иран, который традиционно относят к «государствам-изгоям», нарушающим права и свободы собственных граждан, стремящимся к разработке ОМУ, подрывающим региональную стабильность. Желание США ограничить роль Ирана в регионе Ближнего Востока объясняется как стремлением извлечь экономические выгоды, так и политической задачей не допустить усиления шиитского Ирана в регионе, который сможет противостоять традиционно поддержива-

емым Соединенными Штатами режимам монархий Персидского залива (Саудовской Аравии, Кувейту).

Выход США из так называемой иранской сделки стал продолжением воплощения в жизнь их внешнеполитической доктрины выхода из международных политических и экономических союзов. Д. Трамп объяснял свое решение недовольством в связи с ограниченным сроком действия договора, истекавшим к 2031 г., отсутствием полного доступа инспекторов МАГАТЭ к иранским ядерным объектам, отсутствием в соглашении запрета на разработку Тегераном ракетных вооружений. Однако за этими оправданиями стояли реальные причины выхода США из сделки, которые преследовали достижение американских геополитических интересов. Во-первых, Соединенные Штаты стремятся к изоляции Ирана на нефтяном рынке с целью размораживания собственных проектов по добыче сланцевой нефти и сланцевого газа. Во-вторых, они продолжают реализацию концепции «сдерживания» Ирана, в которой традиционно опираются на своих главных региональных союзников – Израиль и Саудовскую Аравию. В-третьих, США заинтересованы в устранении режима Х. Рухани, который не соответствует их «демократическим принципам».

Литература

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : АСТ, 2018.

Евсеев В. В., Сажин В. И. Иран, уран и ракеты. М. : ИБВ, 2009.

Рыков А. Г. Дипломатическая борьба вокруг ядерной программы Ирана // Ближний Восток и современность: сб. ст. М. : ИБВ, 2008. № 34. С. 252–267.

У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / под ред. А. Арбатова. М. : РОССПЭН, 2007.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2004.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018.

National Security Strategy of the United States, 1991.

National Security Strategy of Engagement and Enlargement, 1994.

National Security Strategy for A New Century, 1998.

National Security Strategy for A New Century, 1999.

National Security Strategy for A Global Age, 2000.

National Security Strategy of the United States of America, 2006.

National Security Strategy of the United States of America, 2010.

National Security Strategy Archive: National Security Strategy, 2015.

National Security Strategy Archive: The National Security Strategy of the United States of America, 2017.

Unclassified Report on Military Power of Iran, 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://fas.org/man/eprint/dod_iran_2010.pdf (дата обращения: 15.12.2018).

VEK GLOBALIZATSII

[AGE OF GLOBALIZATION]

Journal of Global Studies

Contents

Theory

Leonid E. Grinin. A glimpse into the future: the forecasts for the 21st century (pp. 3–24).

Chung-ying Cheng. Moral reinterpretation of the global crisis: the study of harmony and ethics as a solution (pp. 25–41).

Tatyana V. Panfilova. Globalization in the light of Philosophy of history: the legacy of Karl Marx and current challenges (pp. 42–51).

Yuri A. Kovalev. On the so-called conflict between the Christian and Muslim civilizations (pp. 52–60).

Processes of Globalization

Olga G. Leonova. Global political challenges of modernity (pp. 61–72).

Irina A. Krylova. The problem of information security in the age of globalization (pp. 73–79).

Nikita O. Babushok. Global and local aspects of the cultural globalization (pp. 80–88).

Global Problems

Ivan I. Mazour. A new epoch in the reclamation of the Arctic region (pp. 89–95).

Alexander D. Dumnov, Nikolay G. Rybalski. The macro-indicators of an effective natural resource management and natural environment protection (pp. 96–107).

Nature, Society, and Humans

Tatiana L. Shestova. Ancient roots of contemporary cosmopolitanism (pp. 108–122).

Fu Xuan, Zhou Hong. The traditions of the Chinese ecological culture and developing ecocitizanship (pp. 123–129).

Alexander S. Rozanov, Alexander V. Shirokov, Alexandra E. Baranova, Ludmila Ye. Ilyicheva, Alina V. Papsheva. The peculiarities of the development of the Iranian factor in the US foreign policy (pp. 130–134).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегль 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой… 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: http://www.jourssa.ru/2003/1/2a Bek.pdf (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: http://www.census.gov/ipc/www/world.html (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».
3(31), 2019. – 136 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Технический редактор *К. Р. Ташланова*
Корректор *Н. В. Самсонова*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 05.09.2019. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,97.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10